ISSN 2686-9136 (Online)

# DIGITAL LAW JOURNAL

Vol. 5, No. 4, 2024

## ESSAYS

10 Can Artificial Intelligence Replace Human Judges?
*Dmitry A. Tumanov*

28 Artificial Intelligence and LegalTech: Risks of Transforming the Legal Profession
*Konstantin L. Branovitskii*

41 Application of Information Technology in Kazakh Civil Proceedings
*Zauresh K. Baimoldina*

55 Foreclosure on Cryptocurrency in the Enforcement Proceedings: A Possible Model
*Alexandr V. Neznamov*

67 The Impact of "Digital Justice" on the Role of the Prosecutor
*Pavel D. Konstantinov*

## ARTICLES

79 Electronic Evidence in the Theory of Judicial Evidence
*Svetlana S. Kazikhanova*

96 Filing a Lawsuit Under Russian Procedural Law in the E-Justice Era
*Irina N. Lukianova*

## NOTES

114 Digital Technologies and Access to Information about A Corporate Dispute
*Dina Yu. Ionova*

DIGITAL LAW JOURNAL

# DIGITAL LAW JOURNAL

Journal of research and practice

Published since 2020
4 issues per year

Vol. 5, No. 4, 2024

# ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Научно-практический журнал

Журнал издается с 2020 г.
4 выпуска в год

Том 5, № 4, 2024

# Contents


## Editorial

8 *Maxim I. Inozemtsev*

## Essays

10 Can Artificial Intelligence Replace Human Judges?
*Dmitry A. Tumanov*

28 Artificial Intelligence and LegalTech: Risks of Transforming the Legal Profession
*Konstantin L. Branovitskii*

41 Application of Information Technology in Kazakh Civil Proceedings
*Zauresh K. Baimoldina*

55 Foreclosure on Cryptocurrency in the Enforcement Proceedings: A Possible Model
*Alexandr V. Neznamov*

67 The Impact of "Digital Justice" on the Role of the Prosecutor
*Pavel D. Konstantinov*

## Articles

79 Electronic Evidence in the Theory of Judicial Evidence
*Svetlana S. Kazikhanova*

96 Filing a Lawsuit Under Russian Procedural Law in the E-Justice Era
*Irina N. Lukianova*

## Notes

114 Digital Technologies and Access to Information about A Corporate Dispute
*Dina Yu. Ionova*

# Содержание


## От редакции

8 *Максим Иноземцев*

## Эссе

10 Может ли искусственный интеллект заменить судью-человека?
*Дмитрий Туманов*

28 Искусственный интеллект и LegalTech: риски трансформации юридической профессии
*Константин Брановицкий*

41 Применение информационных технологий в казахстанском гражданском судопроизводстве
*Зауреш Баймолдина*

55 Обращение взыскания на криптовалюту в рамках исполнительного производства: возможная модель
*Александр Незнамов*

67 Влияние дистанционного правосудия на деятельность прокурора
*Павел Константинов*

## Статьи

79 Электронные доказательства в теории судебных доказательств
*Светлана Казиханова*

96 Обращение в российский суд в эпоху электронного правосудия
*Ирина Лукьянова*

## Заметки

114 Цифровые технологии и обеспечение доступа к информации о корпоративном споре
*Дина Ионова*

# DIGITAL LAW JOURNAL

## AIMS AND SCOPE

The purpose of the Digital Law Journal is to provide a theoretical understanding of the laws that arise in Law and Economics in the digital environment, as well as to create a platform for finding the most suitable version of their legal regulation. This aim is especially vital for the Russian legal community, following the development of the digital economy in our country. The rest of the world has faced the same challenge, more or less successfully; an extensive practice of digital economy regulation has been developed, which provides good material for conducting comparative research on this issue. Theoretically, "Digital Law" is based on "Internet Law", formed in English-language scientific literature, which a number of researchers consider as a separate branch of Law.

### The journal establishes the following objectives:

- Publication of research in the field of digital law and digital economy in order to intensify international scientific interaction and cooperation within the scientific community of experts.
- Meeting the information needs of professional specialists, government officials, representatives of public associations, and other citizens and organizations; this concerns assessment (scientific and legal) of modern approaches to the legal regulation of the digital economy.
- Dissemination of the achievements of current legal and economic science, and the improvement of professional relationships and scientific cooperative interaction between researchers and research groups in both Russia and foreign countries.

The journal publishes manuscripts in the following fields of developments and challenges facing legal regulation of the digital economy:

1. Legal provision of information security and the formation of a unified digital environment of trust (identification of subjects in the digital space, legally significant information exchange, etc.).
2. Regulatory support for electronic civil turnover; comprehensive legal research of data in the context of digital technology development, including personal data, public data, and "Big Data".
3. Legal support for data collection, storage, and processing.
4. Regulatory support for the introduction and use of innovative technologies in the financial market (cryptocurrencies, blockchain, etc.).
5. Regulatory incentives for the improvement of the digital economy; legal regulation of contractual relations arising in connection with the development of digital technologies; network contracts (smart contracts); legal regulation of E-Commerce.
6. The formation of legal conditions in the field of legal proceedings and notaries according to the development of the digital economy.
7. Legal provision of digital interaction between the private sector and the state; a definition of the "digital objects" of taxation and legal regime development for the taxation of business activities in the field of digital technologies; a digital budget; a comprehensive study of the legal conditions for using the results of intellectual activity in the digital economy; and digital economy and antitrust regulation.
8. Legal regulation of the digital economy in the context of integration processes.
9. Comprehensive research of legal and ethical aspects related to the development and application of artificial intelligence and robotics systems.
10. Changing approaches to training and retraining of legal personnel in the context of digital technology development; new requirements for the skills of lawyers.

The Journal has been included in the index of the Higher Attestation Commission (VAK) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. The subject of the journal corresponds to the group of specialties "Legal Sciences" and "Economic Sciences".

The journal publishes manuscripts in Russian and English.


## FOUNDER, PUBLISHER:

Maxim I. Inozemtsev
76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454

## EDITOR-IN-CHIEF:

**Maxim I. Inozemtsev**, Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Private International and Civil Law, Head of Dissertation Council Department of MGIMO-University, inozemtsev@digitallawjournal.org
76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454

## EDITORIAL BOARD

**Alice Guerra** — Ph.D. in Law and Economics, Associate Professor, Department of Economics, University of Bologna, Bologna, Italy

**Max Gutbrod** — Dr. jur., Independent Scientist, Former Partner and Managing Partner of Baker McKenzie, Moscow, Russia

**Steffen Hindelang** — Ph.D. in Law, Department of Law, University of Southern Denmark (University of Siddan), Odense, Denmark

**Junzo Iida** — Ph.D., Dean of the Graduate School of Law, Soka University, Tokyo, Japan

**Anton A. Ivanov** — PhD in Law, Associate Professor, Tenured Professor, School of Private Law, Academic Supervisor, Faculty of Law, HSE University, Moscow, Russia

**Julia A. Kovalchuk** — Dr. Sci. in Economics, Professor of the Department of Energy Service and Energy Supply Management, Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia

**Natalia V. Kozlova** — Dr. Sci. in Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

**Danijela Lalić** — Ph.D. in Technical Sciences, Associate Professor, Faculty of Industrial Engineering and Management, Novi Sad University, Novi Sad, Serbia

**Clara Neppel** — Ph.D. in Computer Science, Master in Intellectual Property Law and Management, Senior Director of the IEEE European Business Operations, Vienna, Austria

**Ludmila A. Novoselova** — Dr. Sci. in Law, Professor, Head of the Department of Financial Transactions and New Technologies in Law, Russian School of Private Law, Private Law Research Centre, Head of the Department of Intellectual Rights, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

**Francesco Parisi** — Ph.D. in Law, Professor, Department of Law, University of Minnesota, Minneapolis, the USA

**Vladimir A. Plotnikov** — Dr. Sci. in Economics, Professor, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

**Bo Qin** — Ph.D., Professor, Head of the Department of urban planning and management, Renmin University of China, Beijing, China

**Elina L. Sidorenko** — Dr. Sci. in Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Director of the Center for Digital Economics and Financial Innovations, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

| | |
|---|---|
| **Founded:** | The journal has been published since 2020 |
| **Frequency:** | 4 issues per year |
| **DOI Prefix:** | 10.38044 |
| **ISSN online:** | 2686-9136 |
| **Mass Media Registration Certificate:** | ЭЛ № ФС 77-76948 of 9 Oct. 2019 (Roskomnadzor) |
| **Distribution:** | Content is distributed under Creative Commons Attribution 4.0 License |
| **Editorial Office:** | 76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454, +7 (495) 229-41-78, digitallawjournal.org, dlj@digitallawjournal.org |
| **Published online:** | 30 December 2024 |
| **Copyright:** | © Digital Law Journal, 2024 |
| **Price:** | Free |

REGION GROUP OF COMPANIES With support of REGION Group of Companies

# ЦИФРОВОЕ ПРАВО

## ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Цель электронного журнала «Цифровое право» (Digital Law Journal) — создание дискуссионной площадки для осмысления в научно-практической плоскости легализации цифровых технологий, особенностей и перспектив их внедрения в нормативно-правовое поле. Особенно остро эта задача стоит перед российским сообществом правоведов в связи с развитием цифровой экономики в нашей стране. С этой же задачей сталкивается и остальной мир, решая её более или менее успешно. В мире сформировалась обширная практика нормативного регулирования цифровой экономики, она даёт хороший материал для проведения сравнительных исследований по этой проблематике. В теоретическом плане цифровое право опирается на сформировавшееся в англоязычной научной литературе академическое направление «интернет-право», которое ряд исследователей рассматривают как отдельную отрасль права.

### Задачами журнала являются:

- Публикация исследований в области цифрового права и цифровой экономики с целью интенсификации международного научного взаимодействия и сотрудничества в рамках научного сообщества экспертов.
- Удовлетворение информационных потребностей специалистов-профессионалов, должностных лиц органов государственной власти, представителей общественных объединений, иных граждан и организаций в научно-правовой оценке современных подходов к правовому регулированию цифровой экономики.
- Распространение достижений актуальной юридической и экономической мысли, развитие профессиональных связей и научного кооперативного взаимодействия между исследователями и исследовательскими группами России и зарубежных государств.

В журнале публикуются рукописи по следующим направлениям развития и задачам, стоящим перед нормативным регулированием цифровой экономики.

1. Нормативное обеспечение информационной безопасности, формирование единой цифровой среды доверия (идентификация субъектов в цифровом пространстве, обмен юридически значимой информацией между ними и т. д.).
2. Нормативное обеспечение электронного гражданского оборота; комплексные правовые исследования оборота данных в условиях развития цифровых технологий, в том числе персональных данных, общедоступных данных, Big Data.
3. Нормативное обеспечение условий для сбора, хранения и обработки данных.
4. Нормативное обеспечение внедрения и использования инновационных технологий на финансовом рынке (криптовалюты, блокчейн и др.).
5. Нормативное стимулирование развития цифровой экономики; правовое регулирование договорных отношений, возникающих в связи с развитием цифровых технологий. Сетевые договоры (смарт-контракты). Правовое регулирование электронной торговли.
6. Формирование правовых условий в сфере судопроизводства и нотариата в связи с развитием цифровой экономики.
7. Обеспечение нормативного регулирования цифрового взаимодействия предпринимательского сообщества и государства; определение «цифровых объектов» налогов и разработка правового режима налогообложения предпринимательской деятельности в сфере цифровых технологий. Цифровой бюджет; комплексное исследование правовых условий использования результатов интеллектуальной деятельности в условиях цифровой экономики. Цифровая экономика и антимонопольное регулирование.
8. Нормативное регулирование цифровой экономикой в контексте интеграционных процессов.
9. Комплексные исследования правовых и этических аспектов, связанных с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники.
10. Изменение подходов к подготовке и переподготовке юридических кадров в условиях развития цифровых технологий. Новые требования к навыкам и квалификации юристов.

Журнал включен в перечень ВАК по следующим специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки), 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки), 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.4. Финансы (экономические науки).

В журнале публикуются рукописи на русском и английском языках.

## УЧРЕДИТЕЛЬ, ИЗДАТЕЛЬ:

Иноземцев Максим Игоревич
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

## ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

**Максим Игоревич Иноземцев,** кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С. Н. Лебедева, начальник отдела диссертационных советов МГИМО МИД России, inozemtsev@digitallawjournal.org
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Герра А.** — Ph.D. in Law and Economics, доцент факультета экономики, Болонский университет, Болонья, Италия
**Гутброд М.** — Dr. jur., независимый исследователь, бывший управляющий партнер международной юридической фирмы Baker McKenzie, Москва, Россия
**Иида Д.** — Ph.D., декан Высшей школы по праву, Университет Сока, Токио, Япония
**Иванов А.А.** — кандидат юридических наук, доцент, ординарный профессор, департамент частного права, научный руководитель факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
**Ковальчук Ю.А.** — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры энергетического сервиса и управления энергоснабжением, Московский авиационный институт, Москва, Россия
**Козлова Н.В.** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
**Лалич Д.** — Ph.D. in Technical Sciences, доцент факультета промышленной инженерии и менеджмента, Нови-Садский университет, Нови-Сад, Сербия
**Неппель К.** — Ph.D. in Computer Science (Technical University of Munich), Master in Intellectual Property Law and Management (University of Strasbourg), старший директор по вопросам европейских бизнес-операций Института инженеров электротехники и электроники, Вена, Австрия
**Новоселова Л.А.** — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансовых сделок и новых технологий в праве, Российская школа частного права, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, заведующий кафедрой интеллектуальных прав, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия
**Паризи Ф.** — Ph.D. in Law, профессор факультета права, Миннесотский университет, Миннеаполис, США
**Плотников В.А.** — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
**Сидоренко Э.Л.** — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, директор Центра цифровой экономики и финансовых инноваций, МГИМО МИД России, Москва, Россия
**Хинделанг Ш.** — Ph.D. in Law, факультет права, Университет Южной Дании (Сидданский университет), Оденсе, Дания
**Цинь Б.** — Ph.D., профессор, заведующий кафедрой городского планирования и управления, Университет Жэньминь, Пекин, Китай

| | |
|---|---|
| **История издания журнала:** | Журнал издается с 2020 г. |
| **Периодичность:** | 4 выпуска в год |
| **Префикс DOI:** | 10.38044 |
| **ISSN online:** | 2686-9136 |
| **Свидетельство о регистрации средства массовой информации:** | № ФС 77-76948 от 09.10.2019 (Роскомнадзор) |
| **Условия распространения материалов:** | Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License |
| **Редакция:** | 119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76, +7 (495) 229-41-78, digitallawjournal.org, dlj@digitallawjournal.org |
| **Дата публикации:** | 30.12.2024 |
| **Копирайт:** | © Цифровое право, 2024 |
| **Цена:** | Свободная |

РЕГИОН ГРУППА КОМПАНИЙ При поддержке Группы компаний «РЕГИОН»

**Digital Law Journal.** Vol. 5, No. 4, 2024, p. 8–9
Maxim Inozemtsev / Digital Law Journal: Introduction

https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-4-8-9

Check for updates

CC BY 4.0

**ОТ РЕДАКЦИИ**

## Дорогой читатель!

Перед вами — уникальный выпуск журнала «Цифровое право» (*Digital Law Journal*), посвященный проблемам процессуального права в эпоху цифровизации. Выбор данной тематики неслучаен: именно процесс сегодня становится той областью, где вызовы и возможности цифровой трансформации проявляются наиболее наглядно и остро. Электронное правосудие, дистанционные формы судебных заседаний, цифровые доказательства, перспективы применения искусственного интеллекта в деятельности суда и прокуратуры — все это уже не футурология, а реальность, требующая научного анализа и нормативного осмысления.

Сегодня процессуальное право оказывается в центре активной научной и практической дискуссии. С развитием технологий именно процессуальная форма все чаще становится полем столкновения цифровых решений с принципами процессуального права: равенством сторон, независимостью суда, гласностью и доступом к правосудию. Встает вопрос: как сохранить гарантии правового государства в условиях, когда технологии стремительно меняют способы коммуникации участников процесса, характер доказательств и даже представления о роли суда?

Редакция журнала выражает признательность приглашенному редактору настоящего выпуска — доктору юридических наук, профессору кафедры процессуального права Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России **Дмитрию Туманову**, чья инициатива и чуткое научное руководство позволили объединить исследователей из разных стран и регионов для обсуждения проблем процессуального права в цифровую эпоху. Благодаря его работе этот выпуск вобрал в себя как фундаментальные теоретические рассуждения, так и прикладные исследования, касающиеся самых разнообразных вопросов цифровой трансформации правосудия.

Раздел «Эссе» открывается текстом **Дмитрия Туманова**, в котором автор сразу ставит провокационный вопрос: может ли искусственный интеллект заменить судью-человека? Как показывают результаты исследования, положительный ответ на него преждевременен. Правосудие немыслимо без обеспечивающих его осуществление принципов, часть которых на нынешнем этапе несовместима с применением технологии искусственного интеллекта. В продолжение этой дискуссии **Константин Брановицкий** анализирует риски, которые влечет за собой экспансия *LegalTech*: депрофессионализация юридической профессии, размывание ответственности и смещение правоприменительных функций в сферу технологий.

Не менее интересна работа **Павла Константинова**, посвященная трансформации роли прокурора в условиях дистанционного правосудия: новые формы публичности и доступности судебных заседаний неизбежно меняют баланс процессуальных функций. Взгляд из Казахстана представлен эссе **Зауреш Баймолдиной**, в котором проанализированы возможности и ограничения

применения *IT* в гражданском судопроизводстве. Особую актуальность приобретают предложения автора о систематизации цифрового регулирования и необходимости кодификационных инициатив.

**Александр Незнамов** в своем эссе обращается к теме исполнительного производства и возможных моделей обращения взыскания на криптовалюту. Его рассуждения демонстрируют, как можно адаптировать уже существующие процессуальные конструкции под новые формы цифровых активов.

Раздел «Статьи» открывается исследованием **Ирины Лукьяновой**, посвященным обращению в суд в эпоху электронного правосудия. В центре внимания автора — проблемы доступа к правосудию, проверка электронных исков и применение функционально-эквивалентного подхода в соответствии с рекомендациями ЮНСИТРАЛ.

Статья **Светланы Казихановой** посвящена электронным доказательствам в теории судебных доказательств. Автор убедительно показывает, что их правовая природа не требует выделения особого вида доказательств, а подлежит оценке в рамках уже сложившихся принципов процессуального права.

В завершение номера — работа **Дины Ионовой**, в которой рассматривается проблема обеспечения доступа к информации о корпоративных спорах с помощью цифровых технологий. Акцент на прикладных аспектах корпоративного процесса органично завершает выпуск и подчеркивает широту процессуальной проблематики.

Таким образом, в выпуске представлены статьи, охватывающие ключевые сферы процессуального права: от фундаментальной теории доказательств и судебной формы до правового регулирования *LegalTech* и криптоактивов. Эти материалы, несомненно, будут полезны как исследователям, так и практикам, формирующим правовую основу цифрового правосудия.

От лица редакции искренне благодарю авторов, рецензентов и всех читателей за вклад в развитие нашего международного научного проекта. Убежден, что собранные в выпуске исследования станут не только стимулом для новых дискуссий, но и ценным ориентиром в поиске ответов на вызовы цифровой эпохи.

**Максим Иноземцев**
*Главный редактор*

https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-1

Check for updates

CC BY 4.0

ЭССЕ

# МОЖЕТ ЛИ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ЗАМЕНИТЬ СУДЬЮ-ЧЕЛОВЕКА?

**Д. А. Туманов**

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации
119285, Россия, Москва, Воробьевское ш., 6а

## Аннотация

В эссе освещаются позиции российских правоведов — специалистов по процессуальному праву, по мнению которых современные технологии должны изменить само существо судопроизводства. Процесс, в частности, будет заключаться в том, что рано или поздно судью-человека заменит искусственный интеллект, а цифровое судопроизводство будет происходить по новым принципам. Со своей стороны, автор эссе выдвигает доводы, обосновывающие ценность классических принципов судопроизводства, в первую очередь перечисленных в ст. 10 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., поскольку только их действие создает режим, в котором осуществляется правосудие, обеспечивается высшее качество защиты субъективных прав, свобод и законных интересов. Особое внимание уделяется диссертационному исследованию Д. О. Дрозда на тему: «Процессуальные формы использования элементов искусственного интеллекта в современном арбитражном и гражданском судопроизводстве» (Москва, 2024 год), автор которого предложил варианты адаптации известных принципов судебного процесса к искусственному интеллекту. В ответ приводятся аргументы в пользу того, что в настоящее время или в ближайшем будущем подстроить ключевые принципы правосудия под искусственный интеллект не получится. При этом акцентируется принцип независимости суда, а также принцип осуществления правосудия исключительно судом. Соответственно, говорить о возможности замены судьи-человека в процессе осуществления правосудия на такой интеллект, очевидно, преждевременно. Автор полагает, что современные технологии, безусловно, могут способствовать осуществлению правосудия, в том числе облегчая доступ к нему для разных лиц. При этом в качестве ключевого принципа использования современных технологий в судопроизводстве следует применять правило, согласно которому такие технологии должны всецело обеспечивать действие общеизвестных принципов правосудия.

## Ключевые слова

цифровое (электронное) судопроизводство, искусственный интеллект в судопроизводстве, принципы судопроизводства, принцип независимости суда, принцип осуществления правосудия только судом

| | |
|---|---|
| **Конфликт интересов** | Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов. |
| **Финансирование** | Исследование не имеет спонсорской поддержки. |

**Для цитирования** Туманов, Д. А. (2024). Может ли искусственный интеллект заменить судью-человека? *Цифровое право, 5*(4), 10–27. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-1

Поступила: 03.10.2024, принята в печать: 15.11.2024, опубликована: 30.12.2024

ESSAYS

# CAN ARTIFICIAL INTELLIGENCE REPLACE HUMAN JUDGES?

**Dmitry A. Tumanov**

Russian Foreign Trade Academy
6A, Vorobiyovskoye Highway, Moscow, Russia, 119285

## Abstract

The essay highlights the positions of Russian legal scholars, specialists in procedural law, according to whom modern technologies should change the very essence of legal proceedings. The process, in particular, will consist in the fact that sooner or later a human judge will be replaced by artificial intelligence, and digital legal proceedings will take place according to new principles. For their part, the author of the essay puts forward arguments justifying the value of the classical principles of legal proceedings, primarily listed in Art. 10 of the Universal Declaration of Human Rights of 1948, since only their action creates a regime in which justice is administered, the highest quality of protection of subjective rights, freedoms and legitimate interests is ensured. Special focus is put on the thesis research of Danil Olegovich Drozd on the topic *"The Procedural Forms of the Use of Artificial Intelligence Elements in the Modern Commercial and Civil Litigation"* (Moscow, 2024), the author of which proposed options for adapting the known principles of the judicial process to artificial intelligence. In response, arguments are given in favour of the fact that it will not be possible to adapt the key principles of justice to artificial intelligence at present or in the near future. At the same time, the principle of judicial independence is emphasized, as well as the principle of the administration of justice exclusively by the court. Consequently, it is obviously too early to talk about the possibility of replacing a human judge in administering justice with such intelligence. The author believes that modern technologies can certainly facilitate the administration of justice, including by facilitating access to it for various people. At the same time, the rule, according to which such technologies should fully ensure the operation of generally known principles of justice, should be applied as a key principle of using modern technologies in legal proceedings.

## Keywords

digital (electronic) legal proceedings, artificial intelligence in judicial proceedings, principles of judicial proceedings, principle of judicial independence, principle of justice being administered only by the courts

**Conflict of interest** The author declares no conflict of interest.

**Financial disclosure** The study has no sponsorship.

**For citation** Tumanov, D. A. (2024). Can artificial intelligence replace human judges? *Digital Law Journal, 5*(4), 10–27. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-1

Submitted: 3 Oct. 2024, accepted: 15 Nov. 2024, published: 30 Dec. 2024

## Вместо введения

Современные технологии активно используются человеком во многих сферах его жизни. Не исключение и правовые отношения, которые в настоящее время нередко возникают, изменяются и прекращаются с помощью *IT*. Кроме того, такие технологии активно применяются и при защите субъективных прав, свобод и охраняемых законом интересов различных субъектов права. И если прежде цифровизация порядков защиты влияла в первую очередь на их формат (Gilles, 2011, pp. 41–54), то в настоящее время очевидно ее влияние и на их существо.

Некоторые правоведы исключительно положительно относятся к тому, что *IT* захватывают область права, однако другие, признавая связанные с этим процессом полезные для общества и для отдельных лиц эффекты, вместе с тем считают, что ориентация на внедрение искусственного интеллекта во все сферы правового сопровождения социальной жизни грозит стагнацией в развитии права, лишением человека стимулов к аналитическому мышлению, а также предупреждают, что немало скрытых опасностей таит система электронного правосудия (Kovler, 2022, pp. 5–29).

Тематика защиты прав посредством современных технологий в настоящее время, говоря простым языком, писк моды. В разных странах *IT* используются как для оптимизации и повышения эффективности работы юристов, так и для решения населением правовых вопросов без помощи последних. Развитие получили системы разрешения споров онлайн, призванные избавить граждан от необходимости обращаться в суды и тем самым снизить нагрузку на них. Подобные системы организованы по образцу традиционных механизмов альтернативного разрешения споров, таких как арбитраж, переговоры, посредничество и др. ИИ при этом может как выступать в качестве помощника арбитра-человека, так и полностью его замещать. Тем не менее среди недостатков таких систем указывают на неспособность ИИ справляться со сложными спорами, поскольку принятие решений на основе алгоритмов лишено человеческой эмпатии, понимания контекста и этики (Nhemi, 2023).

Не секрет, что впереди всех по оснащению *IT* различных форм защиты Китай[1]. В этом государстве созданы интернет-суды[2], существуют различные системы, призванные облегчить труд судей, а также судьи-боты[3].

---

1 См. об этом, например: Zhuhao (2021).

2 На сайте пекинского интернет-суда можно посмотреть проморолик о том, как проходит судебное заседание: Beijing Internet Court (2019, May). *Video: Online lawsuit.* https://english.bjinternetcourt.gov.cn/2019-05/09/c_194.htm

3 См., например: Xinhua. (2024, December 31). *China focus: China's local judicial systems embrace AI to improve efficiency*. https://english.news.cn/20241231/b6a8ba8914824c3f83cfa11df040e2af/c.html; Cao, Y. (2024, December 2). *China launches artificial intelligence platform to boost judicial efficiency.* China Daily. https://www.chinadaily.com.cn/a/202412/02/WS674d1673a310f1265a1d0785.html. Интенсивное обогащение судопроизводства Китая ИИ отнюдь не всегда оценивается исследователями только с положительной стороны. См.: *Wang* (2020, pp. 58–65); Yoshinaga, A., & Shimbun, Y. (2024, August 6). China's judiciary accelerates use of AI; aims to speed up cases, add perceived fairness. *The Japan News*. https://japannews.yomiuri.co.jp/science-nature/technology/20240806-202833/

*IT* в настоящее время используются и в судопроизводстве России. Цифровизация отечественного судопроизводства является одной из наиболее популярных тем исследований, о чем свидетельствует хотя бы растущее число посвященных ей диссертаций[4], научных монографий и статей. При этом некоторые правоведы в своих работах касаются вопросов, связанных с обеспечением посредством *IT* доступности судопроизводства, повышения его эффективности и оптимизации, но считают, что менять его парадигму нельзя (Lukyanova, 2024; Kazikhanova, 2023). Другие же полагают, что под влиянием современных технологий данная парадигма, безусловно, рано или поздно будет трансформироваться, в их работах порой предлагаются варианты такого нового судопроизводства.

Собственно, освещению позиций некоторых ученых второй из указанных групп и посвящено наше небольшое эссе, в завершение которого автор позволит себе обозначить свое отношение к цифровизации судебного процесса.

## Обзор позиций сторонников внедрения ИИ в судопроизводство

Известный процессуалист, представитель уральской научной школы, судья в отставке И.В. Решетникова считает, что ИИ, бесспорно, изменит судопроизводство. По ее мнению, ИИ вполне можно поручить прогноз возможного решения, что будет на пользу спорящим сторонам, которые в недалеком будущем смогут узнать возможный вариант разрешения их спора и, сообразуясь с ним, выбрать, обращаться ли им в суд или примириться. Также она предлагает подумать над тем, чтобы допустить вынесение ИИ промежуточных решений, с которыми стороны будут вправе не согласиться, вслед за чем должно происходить рассмотрение дела в судебном состязательном процессе с соблюдением всех процедур (Reshetnikova, 2024, pp. 30–41).

Представляющий ту же школу А. В. Незнамов полагает, что ИИ в сфере правосудия более не является исключительно научной фантастикой, это его среднесрочное (если не ближайшее) будущее, а значит, от рассуждений о возможности или невозможности использования ИИ в судебной деятельности следует переходить к обсуждению его конкретных принципов, правил и проблем (Neznamov, 2024, pp. 90–106).

Им же предложены две возможные модели применения ИИ в актуальном российском гражданском процессе: «суррогатного» правосудия, в котором анализ обстоятельств дела и принятие процессуального решения осуществляются системами ИИ без непосредственного участия человека, но под его контролем (техническим и процессуальным), и «дополненного» судопроизводства, в котором аналитическая деятельность суда по делу дополняется системами ИИ, анализирующими обстоятельства дела и предлагающими возможный вариант решения, притом что окончательное решение принимается человеком. «Так, “суррогатное” правосудие... соответствует существующим механизмам приказного производства, которое и так, по большому счету, является “суррогатом” судопроизводства: в нем рассматриваются только бесспорные требования, нет как такового судебного разбирательства... Идея “дополненного” же правосудия вполне... вписывается в стадию подготовки судебного разбирательства» (Neznamov, 2024, p. 95). Указанный автор обращает также внимание на то, что использование ИИ в судопроизводстве будет способствовать обеспечению единообразия судебной практики (Neznamov, 2024, p. 99).

Следует отметить, что на допустимость использования ИИ, в том числе и в приказном производстве, указывают и многие другие авторы, при этом полагая, что вне зависимости от того, кто

[4] Например, см.: Kondyurina (2020), Konstantinov (2022), Lukonina (2023).

выносит судебный приказ — судья-человек или ИИ, в ходе такого производства осуществляется правосудие[5].

Некоторые правоведы предлагают и куда более радикальные модели использования ИИ в судопроизводстве. Например, В. А. Лаптев считает, что ИИ можно доверить рассмотрение всех дел в первой инстанции, тогда как пересмотр вынесенных им решений все-таки должен осуществляться людьми: если бы и пересмотр осуществлял ИИ, то выводы проверочной инстанции никогда ничем не отличались бы от тех, которые были сделаны первой инстанцией (Laptev, 2024, pp. 44–51)[6].

Далее, некоторые из авторов, ратующих за внедрение ИИ в судопроизводство, даже не задумываются, на каких принципах оно будет базироваться (например, об этом ничего не пишет В. А. Лаптев).

Другие исследователи лишь признают, что в судебном процессе перспективой внедрения обладают только такие доверенные технологии искусственного интеллекта, которые отвечают высоким стандартам и разработаны с учетом всех принципов гражданского процессуального права (Kurochkin, 2024, pp. 42–74). Хотя не всегда ясно, каким именно образом эти авторы предлагают совместить ИИ с указанными принципами.

Наконец, еще одна группа ученых полагает, что цифровизация судопроизводства предопределяет существенную трансформацию его принципов, выделяемых в настоящее время. Например, И. В. Решетникова ожидает, что система принципов судопроизводства неизбежно будет меняться с введением ИИ. Она отмечает, что уже сегодня в судах 40–60% дел рассматривается не в судебном заседании — речь идет о делах приказного и упрощенного производства, а есть еще и неявочные дела. Следовательно, принцип устности судопроизводства как неотъемлемая черта состязательного судопроизводства уступает место письменному, электронному судопроизводству (Reshetnikova, 2024, p. 38).

Отметим порой предпринимаемые попытки выделить некие новые принципы, которые, по мнению их инициаторов, должны лежать в основе цифрового судопроизводства. К ним, например, предлагают причислять доступность информации о судопроизводстве по конкретному делу (Samsonova, 2022, pp. 77–128), а также его информатизацию (Mironova, 2021, p. 15).

Любопытна в данном случае позиция Е. Г. Стрельцовой, которая считает, что сама по себе цифровизация может влиять на трансформацию принципов, но не приводит к появлению принципов, непосредственно связанных с ней. Однако если речь идет об алгоритмизированных решениях, то их принятие должно быть подчинено новым основным началам, например принципу добросовестного пользования цифровыми технологиями. Его следует применять в том числе для принятия юридически обоснованных решений об отмене либо о сохранении результатов взаимодействия с цифровыми технологиями (Streltsova, 2024, pp. 75 –89).

На существенную модификацию судебного процесса под влиянием цифровых технологий обращают внимание не только процессуалисты-цивилисты, но и некоторые представители науки уголовного процесса и криминалистики. Например, Л. В. Бертовский полагает, что при использовании искусственного интеллекта в судопроизводстве, безусловно, возникнет новая теория доказывания, которая будет иметь смешанный характер: полученную в процессе расследования доказательственную информацию необходимо переводить в машиночитаемую форму, т. е. формализовать, а решение по конкретному делу будет принимать человек

[5] См. об этом: Galkovskaia & Kukartseva, 2024, p. 264.

[6] См. также: Лаптев, В. А. (2024, 26 августа). Искусственный интеллект в суде — одна инстанция. *Pravo.ru.* https://pravo.ru/opinion/254748/?ysclid=m7acu325nv612953972

на основе внутреннего убеждения и предложений, представленных искусственным интеллектом вместе с информацией о процессе подготовки таких предложений, изложенной в «человекочитаемом» формате (Bertovsky, 2022, pp. 8–12).

Ранее было сказано, что теме цифровизации посвящены многие современные диссертации. При этом наиболее интересной нам показалась работа Данилы Олеговича Дрозда, защищенная в 2024 г. (Drozd, 2024), некоторые положения которой мы и осветим далее.

Указанный автор полагает, что цели и задачи судопроизводства — это его желаемое направление, в свою очередь, принципы правосудия — это рельсы, которые должны вести в намеченном задачами направлении, а конкретные системы ИИ в таком случае будут вагонами. Эти вагоны можно применять только в том случае, если их колеса совместимы с рельсами: несовместимые с принципами правосудия системы ИИ применяться по общему правилу не могут.

Впрочем, по мысли Д. О. Дрозда, «в целях эффективного решения задач и достижений целей судопроизводства можно предположить, что окажется допустимым отклонение от существующих принципов осуществления правосудия или их видоизменение» (Drozd, 2024, p. 83). Это объясняется главенством задач судопроизводства над принципами, так как последние лишь обеспечивают достижение этих задач.

Далее в исследовании Д. О. Дрозд предпринимает попытку соотнести ИИ с судейским усмотрением, а также с отдельными принципами судопроизводства, в частности *осуществлением правосудия только судом* и *независимостью суда* (Drozd, 2024, pp. 97–175). По его мнению, судейское усмотрение следует понимать как полномочие судьи по разрешению спорных правовых вопросов, прямо не урегулированных в законе, на основе общих начал действующего законодательства (Drozd, 2024, p. 106). Оно в любом случае должно строиться на основе принципов права, установленных законом, а их применение должно быть детально мотивировано в судебном акте (Drozd, 2024, p. 111). Абстрактность принципов не позволяет современным системам ИИ, а также тем, которые могут появиться в обозримом будущем, разрешать дела, требующие судейского усмотрения. В то же время эти системы могут применяться для проверки того, действительно ли имеется пробел в правовом регулировании. Следовательно, как заключает автор, полноценное рассмотрение дела системой ИИ возможно в судебных процессах, в которых одновременно соблюдаются сразу два условия: (1) с точки зрения набора фактов ситуация типична, т.е. не требуется судейское усмотрение в плоскости процессуального права; (2) с точки зрения материального права имеется устоявшаяся и непротиворечивая судебная практика по этой категории дел (Drozd, 2024, pp. 111–112, 115).

В отношении принципа осуществления правосудия только судом Д. О. Дрозд пишет: «...может показаться, что если ИИ будет осуществлять часть судебной деятельности вместо человека, то указанный принцип автоматически будет нарушен» (Drozd, 2024, pp. 93–94). Однако в действительности конституционный принцип при применении элементов ИИ для разрешения судебных дел не нарушится, так как предполагается, что ИИ будет частью суда, т.е. составляющей единого механизма судопроизводства. А дальше всё зависит от планируемого способа применения ИИ. Если намечено применение ИИ в качестве технического помощника судьи, то никаких масштабных законодательных изменений вовсе не требуется, так как это будет сродни и сейчас несильно регламентированной на уровне закона работе помощников судей и других сотрудников аппарата суда. Если же планируется осуществление правосудия с применением элементов ИИ, то решить вопрос об обеспечении соблюдения принципа можно путем корректировки законодательства, дополнив перечень субъектов, отправляющих правосудие, указанием на элементы ИИ (Drozd, 2024, p. 95).

Под независимостью судей Д. О. Дрозд предлагает понимать состояние, «...когда суды и отдельные судьи имеют возможность действовать и принимать решения свободно от любого внешнего давления, имея уверенность в своей защищенности от наказаний любого рода. Это определение предполагает, что при соблюдении принципа независимости судей как иные судьи не имеют возможности как-либо повлиять на решения этого судьи, так и акторы снаружи конкретного суда или судебной системы в целом не имеют возможности влиять на решения по отдельным судебным делам или на практику разрешения каких-то вопросов» (Drozd, 2024, p. 126). Такую независимость он предлагает оценивать по набору критериев: (1) независимость судей и структура судебной системы формально закреплены в нормативном акте, который не может быть изменен в обычном порядке; (2) назначение судей не контролируется единственным властным актором, а основывается на коллективном решении представителей различных профессиональных юридических сообществ или как минимум разных ветвей власти; (3) пожизненный срок полномочий судей или их назначение до заранее определенного возраста ухода в отставку без каких-либо переназначений на новый срок (включая судей высших судов) и с детальным регулированием случаев изменения этого срока ухода в отставку; (4) процедуры прекращения и приостановления полномочий судей сложны и основаны на закрытом перечне оснований, а отдельные влиятельные акторы не вправе самостоятельно принимать решение по этому вопросу; (5) бюджет судебной системы защищен от влияния потенциально заинтересованных органов власти, а денежное довольствие судей не подлежит снижению, но должно регулярно корректироваться по зафиксированной процедуре в соответствии с официальными показателями инфляции и сохраняться на достойном уровне в сравнении с уровнем дохода при работе по иным юридическим профессиям; (6) автоматическое (при этом не допускающее манипуляций) или строго отрегулированное распределение новых дел между судьями; (7) полная прозрачность судебного процесса, включая публикацию не только самих мотивированных решений, но и особых мнений, при этом мотивировка решений имеет исключительную значимость, поскольку изложение мотивов принятия решения предохраняет от совершения судебных проступков (Drozd, 2024, pp. 128–130). В свою очередь, в зависимости от продвинутости системы ИИ ее функционирование будет связано с одним из двух факторов или с их комбинацией: либо (1) система ИИ будет «обучена» некими разработчиками действовать при разрешении юридических задач определенным образом; либо (2) система ИИ «обучится» правилам решения юридических задач на основе судебной практики и, возможно, правовой доктрины; либо (3) система ИИ сначала будет «обучена» разработчиками, а затем доберет знаний из судебной практики и правовой доктрины (Drozd, 2024, p. 117).

Д. О. Дрозд отмечает, что, очевидно, в любом из описанных трех случаев ИИ зависим от чужих взглядов, «будь то мнения разработчиков самой системы или мнения авторов научных трудов, составляющих правовую доктрину» (Drozd, 2024, p. 118). Однако это, с его точки зрения, отнюдь не исключает возможности осуществления правосудия ИИ и одновременно с тем действия принципа независимости судей. Достичь этого можно путем адаптации к ИИ указанных ранее критериев независимости. Например, существенной корректировке подлежит второй критерий, касающийся процедуры назначения судей. Это означает, в частности, что разработка систем ИИ для суда должна находиться в руках одновременно нескольких акторов с несовпадающими интересами. Круг таких акторов можно почерпнуть из рекомендаций комиссара по правам человека при Совете Европы в отношении ИИ[7]. По поводу последнего из приведенных критериев

[7] Commissioner for Human Rights. (2019). Unboxing artificial intelligence: 10 steps to protect human rights. Council of Europe. https://rm.coe.int/unboxing-artificial-intelligence-10-steps-to-protect-human-rights-reco/1680946e64

Д. О. Дрозд говорит, что он будет соблюден, если факт и объем использования элементов ИИ при рассмотрении дела будут явно обозначены как перед участниками процесса до начала применения системы ИИ, так и в итоговом судебном акте (Drozd, 2024, p.136.). Кроме того, должна быть описана логика принятия решений системой ИИ в той степени, насколько это технически возможно: открытость должна быть реализована, если даже не в принимаемых системой ИИ решениях, то в программном коде таких систем. По мнению автора, обеспечить независимость суда ИИ также следует путем защиты информации от тайного вмешательства технических специалистов, помощников судей, самих судей и иных лиц, имеющих доступ к этим системам ИИ, а также недопущения изменения логики принятия решений единственным актором (Drozd, 2024, pp. 136–140.).

Позволим себе и мы выразить некоторые мысли по рассматриваемой теме.

Несложно заметить, что авторы, к позициям которых мы обращались выше, едины в том, что, по их мнению, под влиянием *IT* неизбежно кардинальное изменение существа судопроизводства. Однако допускаемый ими объем изменений нередко различается. По нашему наблюдению, от признаваемых в настоящее время принципов судопроизводства готовы отказаться, так сказать, без какого-либо внутреннего сопротивления в первую очередь те исследователи, которые полагают, что правосудие сегодня осуществляется как в классическом — исковом, так и в упрощенных производствах, включая приказное. Полагаем, что это связано со следующим обстоятельством: в приказном производстве на самом деле не действует ни один из принципов судопроизводства. Соответственно, если допустить, что, несмотря на отсутствие принципов в таком производстве, правосудие в нем все равно осуществляется, то получается, что такие принципы не являются для этого необходимыми. Развивая мысль, вполне можно дойти и до того, что в действительности нет никаких препятствий для замены судьи-человека судом ИИ, деятельность которого по разрешению правовых вопросов будет считаться правосудием вне зависимости от того, удастся ее подчинить каким-либо из принципов судопроизводства или нет.

Отдельные авторы, в целом признавая значение принципов судопроизводства для осуществления правосудия, в то же время допускают определенное отступление от тех из них, которые известны в настоящее время, а то и вовсе их замену на некие новые основы.

Но рассмотрим этот вопрос вот с какой стороны. Мы исходим из того, что осуществление правосудия возможно лишь в порядке, который представляет собой особую систему гарантий, направленных на установление действительных обстоятельств дела, обеспечение безопасности от произвола со стороны как суда, так и любых других лиц и наиболее качественную (результативную) по сравнению с любыми другими порядками рассмотрения дел защиту интересов различных субъектов права. Понимание состава необходимых гарантий складывалось в течение длительного времени путем определенных правовых открытий, эволюционных процессов и даже завоеваний. Они в первую очередь включают именно принципы судопроизводства, главным образом те, которые закреплены в ст. 10 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.[8], а в настоящее время и в конституциях многих стран. В связи с этим, по нашему мнению, достижение целей (решение задач) судопроизводства как результата осуществления правосудия и в первую очередь защиты субъективных прав, свобод и законных интересов возможно только в режиме действия этих принципов.

Сказанное отнюдь не означает, что защита данных объектов невозможна в иных порядках. Имеется в виду то, что такая защита не будет результатом осуществления правосудия со

[8] G.A. Res. 217 (III) A, Universal Declaration of Human Rights, art. 10 (Dec. 10, 1948).

всеми теми последствиями, которые в связи с этим возникают. Соответственно, в случае неудовлетворенности несудебной (осуществляемой вне правосудия) защитой у заинтересованных лиц практически всегда должна оставаться возможность обратиться к правосудию, т.е. к защите, осуществляемой в особой системе гарантий, защите высшей пробы. Можно даже сказать, что общественная потребность в наличии такой защиты предопределила не только то обстоятельство, что она стала признаваться магистральной целью судопроизводства, но и саму систему принципов, которые обеспечивают ее достижение[9].

Изменение принципов судопроизводства, по нашему мнению, допустимо а) либо в случае изменения его целей, и особенно вышеуказанной магистральной цели, поскольку для новых целей, вероятно, понадобятся и соответствующие средства их достижения, т.е. принципы; б) либо при появлении (обосновании) каких-то новых принципов, которые в большей мере, чем имеющиеся, обеспечат признанные в настоящее время цели судебного процесса.

Тем не менее, как мы считаем, каких-либо действительно убедительных аргументов в пользу возможного появления неких новых целей судопроизводства, при этом замещающих собой уже существующие, в науке до сих пор предложено не было, более того, именно достижение такой его цели, как защита субъективных прав, свобод и правовых интересов, обеспечивает многогранный, полезный для общества, отдельных лиц и государства эффект[10], а следовательно, менять ее на какую-то иную как сейчас, так и в будущем вряд ли стоит.

В отношении новых принципов судопроизводства отметим, что нам абсолютно непонятен смысл их выделения. Например, такой принцип нового цифрового процесса, как доступность информации о судопроизводстве по конкретному делу, вполне охватывается давно известными принципами, в частности принципами состязательности — с точки зрения доступности информации о деле для заинтересованных лиц — и гласности — в плане ее доступности для всех остальных.

Неясно также, какую цель судопроизводства обеспечивает предлагаемый отдельными исследователями принцип добросовестного пользования цифровыми технологиями. Думается, что если имеется в виду ненарушение посредством таких технологий прав других участников правоотношений, то этот запрет вполне охватывается таким давно известным и общепризнанным принципом, как законность, который в контексте процессуальных отношений имеет специфику, в силу которой все участники судебного процесса вправе совершать только те процессуальные действия, которые напрямую разрешены законом. Если же под указанным принципом понимается некая «тюнингованная» версия иногда предлагаемого в доктрине принципа процессуальной добросовестности, то и в этом случае в таком принципе не просто нет никакого смысла с точки зрения обеспечения целей судопроизводства, но даже заключена определенная вредоносность. Ведь, так или иначе, вся процессуальная деятельность направлена на защиту реально существующих прав, свобод и законных интересов лиц, имеющих в деле противоположную юридическую заинтересованность. Соответственно, реализация любого субъективного процессуального права такими лицами — это вместе с тем и осуществление ими права на судебную защиту вне зависимости от того, добросовестны они или нет. Если для поступающих недобросовестно лиц за это ввести некие неблагоприятные последствия, то они, скорее всего, будут выражаться в каких-либо формах ограничения их права на защиту, что недопустимо. При этом большое значение имеет и то обстоятельство, что в отличие

[9] Отметим также, что лишь малая часть авторов, размышляющих на тему новых принципов, затрагивают вместе с ней и вопрос о целях судопроизводства, хотя указанные проблемы находятся в неразрывном единстве.

[10] Подробное обоснование этого см.: Tumanov (2024, pp. 153–172).

от материальных гражданских правоотношений участником процессуальных отношений всегда является суд, который контролирует осуществление прав иных участников процесса, и именно в силу этого, а не благодаря принципу добросовестности, исключается сама возможность их реализации, так сказать, вне целей, для которых они их носителям предоставлены.

Конечно, на сказанное могут возразить, что принцип добросовестного пользования цифровыми технологиями будет применяться в новом типе судебного процесса с участием ИИ или, может быть, в новаторских процессуальных отношениях, которые будут происходить между участниками процесса, но без обязательного участия в них суда (об этом также пишут некоторые авторы).

На это сразу ответим, что серьезная научная дискуссия о таких новых типах процесса возможна лишь в случае, если кроме утверждения, что они гипотетически возможны, их апологеты приведут убедительные аргументы в пользу того, что новшества приносят обществу, государству и отдельным лицам бóльшую пользу, нежели тот судебный процесс, который должен осуществляться в режиме общепризнанных принципов и обязательным участником которого выступает суд.

Разумеется, нет никакого смысла и в выделении такого принципа судопроизводства, как информативность, которая представляет собой лишь одно из внешних проявлений судопроизводства, но отнюдь не его основу.

Как можно видеть, некоторые новаторы все же пытаются аккуратно относиться к известным принципам судопроизводства, как, например, уже упомянутый Д. О. Дрозд. Хотя, на наш взгляд, его предложения все-таки не решают проблему совмещения ИИ и принципов, без которых осуществление правосудия невозможно.

Первое, что обращает на себя внимание, это уверенность Д. О. Дрозда в том, что ИИ можно поручить дела, в которых судейское усмотрение не требуется. С указанным подходом согласиться сложно, в частности, потому, что потребность в таком усмотрении может возникнуть и в деле, которое на первый взгляд кажется типичным, однако, чтобы это понять, дело надо начать рассматривать. Если его начнет рассматривать ИИ, то где гарантия, что он сумеет определить, что перед ним именно тот случай, где усмотрение в действительности необходимо?

Соответственно, любые попытки разделения дел на те, которые будут рассматриваться ИИ по причине отсутствия необходимости в судейском усмотрении, и те, которые следует разбирать судье-человеку, поскольку потребность в усмотрении в них может возникнуть, приведут к тому, что и к ИИ неизбежно будут попадать дела, в которых существует потребность в судейском усмотрении.

Кроме того, сомнительно и использование ИИ для проверки правильности выявления пробелов в праве (во всяком случае, в качестве универсального механизма), что также предлагает Д. О. Дрозд. Ведь ошибка при их выявлении может заключаться далеко не только в том, что правоприменитель посчитает неурегулированным общественное отношение, которое в действительности регламентировано (видимо, именно такие ситуации подразумевает автор), что сумеет определить ИИ, но и в том, что пробелом в праве может быть названо отношение, которое вообще им регулироваться не должно, а вот это ИИ понять вряд ли под силу. Чтобы опознать подобную ошибку, нужно обладать способностью оперировать такими категориями, как «предмет отрасли права», «правовое регулирование», «методы правового регулирования», которые еще более абстрактны, чем принципы права, хотя именно в силу неконкретности последних сам Д.О. Дрозд исключает способность ИИ оперировать ими.

Обратим также внимание на то, что, как представляется, в ходе рассмотрения любых дел суд должен каждый раз применять принципы материального и процессуального права хотя бы потому, что зачастую только с их помощью возможно правильное толкование конкретных норм, да и сами принципы права, будучи нормами права, могут, а то и должны, применяться судом для разрешения конкретного случая, а это, в свою очередь, вновь ставит под сомнение применимость ИИ в судопроизводстве[11]. Наконец, если даже закрыть глаза на указанные проблемы, то в предложенной Д. О. Дроздом модели использования ИИ в судопроизводстве (исходя из тех ограниченных возможностей, которые он за таким интеллектом признает) речь может идти лишь о применении им права в узкопозитивистском понимании, которое вряд ли способно обеспечить всеобъемлющую защиту заинтересованным лицам. По нашему мнению, в настоящее время подход к праву должен быть скорее интегративным, объединяющим правовой позитивизм с естественным правом и социологическим подходом, поскольку только тогда суды могут признавать законодательство противоправным, нуллифицировать нормативные правовые акты путем их неприменения, а в каких-то случаях толковать их *contra legem* с целью защиты попранных в таких актах правовых интересов.

Далее сосредоточимся на подходе Д. О. Дрозда к принципам судопроизводства, а вернее, к предлагаемой им их адаптации к ИИ. На первый взгляд может показаться, что предложенные указанным автором модификации принципов не колеблют их существа, но вместе с тем позволяют ИИ в режиме их действия осуществлять правосудие. Однако фактически это не так. Указанный автор допускает упрощенный подход к принципам и, например, определяет их соблюдение через критерии, соответствие которым в действительности не служит показателем полномерного действия основных начал судопроизводства. Так, например, предложенными в диссертации Д. О. Дрозда критериями нельзя исчерпывающе охарактеризовать действие принципа независимости суда, поскольку он заключается, кроме прочего, в способности судьи при необходимости противопоставить свою позицию позиции других судей, исполнительной и законодательной власти, чего ИИ, скорее всего, сделать будет не в состоянии. В основе такой независимости лежит очень многое: жизненный опыт, который невозможно загрузить в нейросеть, поскольку он является результатом не только проживания, но и переживания и осознания его человеком, мудрость, понимание человека и его интересов, умение чувствовать (которое зачастую становится не только слабостью, но и великой силой человека), а также высокий уровень правосознания, которое, разумеется, простым запоминанием норм права и доктрины не ограничивается. На сказанное возразят, что далеко не каждый судья обладает всеми этими качествами. Это, безусловно, так, однако мировая история показывает, что слабость судейского корпуса связана отнюдь не с принципиальной невозможностью замещения должностей судей юристами, обладающими соответствующими чертами, а с другими причинами, в частности с тем, что порой различные акторы общественной жизни, которыми в том числе являются и носители власти в государстве, не заинтересованы в судьях, способных им противостоять, и, сообразуясь

[11] Исключение, на наш взгляд, составляют дела о выдаче судебного приказа, которые вполне могут быть поручены ИИ. Приказное производство не является порядком осуществления правосудия, поскольку в нем не действуют многие принципы судопроизводства (подробнее см. Tumanov (2024, pp. 150–153). Основанием для вынесения приказа служат документы, безусловно подтверждающие задолженность, указанный акт может быть отменен в упрощенном порядке, а его наличие не исключает возможности предъявления иска, поскольку приказ, в отличие от судебного решения, не обладает таким свойством законной силы, как исключительность. Кроме того, ИИ мог бы сверять подписи должников на документах, подтверждающих задолженность, с образцами подписей, которые имеются в базах данных (например, системы «Госуслуги»), что минимизирует случаи мошенничества.

с этим, чинят препоны людям, обладающим необходимыми качествами, в замещении ими судейских должностей.

Отметим, что правовая определенность, которая, как принято считать, при использовании ИИ возрастает за счет обеспечения им единства судебной практики, конечно же, важна, но реальная польза от нее имеется лишь тогда, когда благодаря этой определенности обеспечивается действительная жизнь права. Однако вследствие такого единства может формироваться и систематически повторяемое всеми судебными инстанциями нарушение права, а в этом случае ИИ, в отличие от судьи-человека, никогда не будет способен разорвать образовавшийся порочный круг правопопирающего единообразия, а будет лишь обеспечивать и поддерживать его. В связи с этим реализация предложений Д. О. Дрозда на деле не приведет к совмещению принципа независимости суда с ИИ, а в лучшем случае позволит говорить о некоторой автономности его функционирования, которая тем не менее претендовать на равное значение с названным принципом правосудия, естественно, не может.

Невозможно принять и предложения Д. О. Дрозда по адаптации к ИИ принципа осуществления правосудия только судом. Смысл указанного принципа заключается в первую очередь отнюдь не в определении того, кто — человек или кто-то иной — является судьей, а в том, что только суд может осуществлять правосудие и, соответственно, выносить окончательное решение по существу любого правового вопроса, касающегося защиты прав, свобод и законных интересов. Положение Конституции РФ, определяющее такую роль суда, состоит в системной и неразрывной связи с другими ее нормами, определяющими, что правосудие осуществляется судом только в режиме действия особой системы принципов. Соответственно, вне ее действия орган, даже названный в законе судом, независимо от того, составляют его люди или ИИ, правосудия не отправляет. Выше мы обратили внимание на то, что при замещении судьи-человека ИИ вряд ли можно будет обеспечить действие ключевого из принципов осуществления правосудия — принципа независимости судей, так же и принцип осуществления правосудия только судом в таком случае реализован не будет.

Хотим обратить внимание на обстоятельство, о котором мы уже писали в одной из статей: «...если однажды искусственный интеллект и обретет значительную часть характеристик человеческого, то даже и в этом случае допускать первый из них к осуществлению правосудия едва ли позволительно. Дело в том, что получение таким интеллектом знаний будет происходить совсем не в том формате, как в случае с человеком, который делает это в процессе своей жизни, главным образом не изолированно от общества, а внутри него, т.е. взаимодействуя с другими людьми, при этом испытывая всевозможные эмоции и, соответственно, получая разнообразный личный опыт. <...> Наконец, существование в социуме — ощущение себя его частью важно для формирования человека не в чисто биологическом, а, так сказать, в философском, социальном смысле, а это, опять же, неимоверно важно для осуществления судейства, поскольку человека и общество судья должен не просто знать — а понимать.

Сказанное не означает, что искусственный интеллект в таком случае будет хуже или лучше, чем человеческий, а лишь то, что он будет другим — не человеческим. Конечно же, далеко не любой человек способен признавать, а тем более понимать чужие интересы, взвешивать их и определять баланс, что в нашем представлении важно при разрешении различных дел, но, с другой стороны, только человек способен хотя бы приблизиться к пониманию такой “вещи в себе”, как другой человек.

Наконец, если все-таки однажды ИИ в полном объеме обретет все черты человеческого интеллекта, будет “наполняться” опытом и знаниями, как человек, — в обществе (в процессе социального взаимодействия), то в таком случае не будет никакой необходимости в разделении интеллектов на искусственный и “естественный”. Ведь в своей философской сути интеллекты в любом случае будут человеческими. Сегрегация интеллекта в зависимости от того, является ли его носителем существо, появившееся в результате биологического размножения, или же иным образом, по нашему мнению, приведет ни к чему другому, как к дискриминации кого-либо из его носителей...» (Tumanov, 2024a, pp. 20–21)[12].

Автор, конечно же, понимает, что судья-человек далеко не идеален, да и во многих странах, особенно в тех, в которых политический режим не является демократическим, в действительности отсутствует беспристрастность судей (по крайней мере при рассмотрении ими ряда категорий дел). Однако подобное положение вещей связано отнюдь не с тем, что учеными и практикой не были предложены механизмы, обеспечивающие осуществление истинного правосудия, а с тем, что в силу различных причин их не используют. Вряд ли можно надеяться на то, что при замещении человека ИИ ситуация изменится, поскольку, очевидно, будет сохранен корень проблемы — фактическая незаинтересованность государств, а также других наделенных властью акторов общественной жизни в наличии сильного и независимого суда. Более того, как было сказано выше, ИИ вообще будет не в состоянии на то проявление независимости, на которое способен именно человек.

В заключение обратим внимание еще на несколько, на наш взгляд, важных вопросов.

Мы рассматриваем как достаточно спорный подход, согласно которому ИИ должен иметь возможность выносить предварительное решение, а судья-человек — окончательное. Претворение в жизнь такого подхода создает благоприятные условия для того, чтобы судья-человек самоустранился от исследования и оценки доказательств, правовой квалификации отношений, всецело полагаясь при этом на выводы, сделанные ИИ, которые в итоге и будут закреплены в окончательном постановлении, что в силу указанных ранее причин результатом осуществления правосудия считать нельзя.

К современным технологиям сто́ит относиться критически, а их идеализация несет угрозу судебных ошибок. Например, многие до сих пор уверены, что содержащуюся в блокчейне информацию невозможно фальсифицировать[13]. Если исходить из этого, то очевидно, что при использовании блокчейна в судебном процессе, например в качестве доказательства, не было бы никакой необходимости проверять наличие или отсутствие его несанкционированных изменений, более того, такая проверка в конечном итоге могла бы быть и вовсе запрещена законодателем.

---

[12] Дискриминация, конечно же, недопустима даже в случае, если ИИ непохож на человеческий интеллект. В этом плане интересны мысли Юваля Ноя Харари: «Традиционно ИИ — это аббревиатура от "искусственный интеллект". Но... возможно, лучше думать об этом как об аббревиатуре "инопланетный интеллект". По мере развития ИИ становится все менее искусственным (в смысле зависимости от человеческих разработок) и все более инопланетным. Следует также отметить, что люди часто определяют и оценивают ИИ через метрику "интеллект на уровне человека", и существует много споров о том, когда мы можем ожидать, что ИИ достигнет "интеллекта на уровне человека". Однако использование этой метрики глубоко запутанно. Это все равно что определять и оценивать самолеты с помощью метрики "полет на уровне птицы". ИИ не продвигается к интеллекту на уровне человека. Он развивает совершенно другой тип интеллекта» (Harari, 2024, chapter 6).

[13] На этом тезисе порой отдельные авторы и основывают выводы о пользе применения блокчейна в юрисдикционной деятельности. См., например: Mukhtarova (2024, pp. 75–79).

Впрочем, в реальности блокчейн оказался не столь неприступным[14]. Соответственно, если бы имевшаяся в определенный момент уверенность в безупречности блокчейна все-таки послужила бы основанием для ограничений его проверки судом, то в конечном итоге, после того как умельцы научились искажать содержащуюся в нем информацию, это могло бы привести к принятию очевидно ошибочных решений по делам, в которых такая информация была использована.

Написанное свидетельствует о том, что появление новых технологий, которые в определенный момент считаются безупречными, абсолютно не исключает того, что в ближайшем или отдаленном будущем ситуация существенно изменится. Отсюда следует, что идеализация технологий и в силу этого признание за ними особого статуса в судебном процессе могут не обеспечить достижение целей судопроизводства, а, наоборот, воспрепятствовать ему.

С другой стороны, многие правила судебного процесса, которые в настоящее время уже можно считать классическими, способны эффективно обеспечивать цели судопроизводства как в настоящем, так и в будущем. Так, например, сейчас в процессуальном законодательстве закреплено положение, согласно которому суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы. Соответственно, исходя из этого правила, суд должен был бы в любом случае оценивать достоверность информации, в том числе той, которая в силу тех или иных причин может представляться неискажаемой. Это отнюдь не означает, что суд не доверяет никакому из доказательств (более того, наука и практика уже давно сформировали рекомендации относительно того, каким из них стоит доверять меньше, чем другим, например, личные доказательства чаще всего считаются более слабыми, чем вещественные или смешанные), но дает возможность сомневаться абсолютно в любом из них. Следовательно, только свободная оценка доказательств способна обеспечить установление действительных обстоятельств дела и, вследствие этого, защиту субъективных прав, свобод и законных интересов различных субъектов права.

На опасность ошибок ИИ и сложность их выявления в силу непонятности самого алгоритма, приведшего такой интеллект к определенным выводам, а соответственно, и на недопустимость

---

[14] Невзламываемость блокчейна специалисты объясняли так. Например, блокчейн *Bitcoin* управляется множеством компьютеров, которые распространены по всему миру. Открытый характер блокчейна *Bitcoin* позволяет любому, у кого есть базовая инфраструктура, стать майнером или запустить узел валидатора. Если один майнер скомпрометирован, тысячи других майнеров помешают хакеру изменить данные в блокчейне. Для того чтобы злоумышленник взломал публичный блокчейн, такой как *Bitcoin*, он должен получить контроль не менее чем над 51% общего числа работающих узлов *Bitcoin.* Это связано с тем, что блокчейн *Bitcoin* следует правилу самой длинной цепочки: самая длинная версия блокчейна *Bitcoin* считается правильной. Хакеру придется накопить достаточную вычислительную мощность, чтобы обогнать эту цепочку, которая, как правило, будет обладать самой высокой вычислительной мощностью и наиболее быстро расти. Поэтому взлом блокчейна, который имеет большую и разнообразную группу майнеров, чрезвычайно сложен и убыточен для хакеров. Это главная причина, по которой популярный блокчейн, такой как *Bitcoin*, как считалось, не может быть взломан. Однако концепция, согласно которой вообще любой блокчейн не может быть взломан, была опровергнута. В 2019 и 2020 гг. хакеры использовали цепочку *PoW* под названием *Ethereum Classic (ETC)* посредством получения контроля над 51% узлов цепи. Хакерам удалось «удвоить» свои токены *ETC*, создавая незаконные трансакции. Кроме того, отмечается, что угрозу блокчейну заключают в себе квантовые вычисления. Сообщества, занимающиеся блокчейном, активно исследуют и разрабатывают квантово-устойчивые алгоритмы для смягчения этого риска. См.: Lepcha, M. (2024, January 2). Why can't blockchain be hacked? *Techopedia*. https://www.techopedia.com/experts/why-cant-blockchains-be-hacked

его идеализации обращают внимание многие известные исследователи. Например, Юваль Ной Харари пишет: «Как люди смогут выявлять и исправлять такие ошибки? И как судьи Верховного суда из плоти и крови смогут принимать решения о конституционности алгоритмических решений? Смогут ли они понять, как алгоритмы приходят к своим выводам?

Это уже не чисто теоретические вопросы. В феврале 2013 г. в городе Ла-Кросс, штат Висконсин, произошла перестрелка на автомобиле. Позднее полицейские заметили этот автомобиль и арестовали водителя, Эрика Лумиса. Лумис отрицал причастность к стрельбе, но признал себя виновным по двум менее тяжким обвинениям: «попытка скрыться от сотрудника дорожной полиции» и «управление транспортным средством без разрешения владельца». Когда судье предстояло определить меру наказания, он обратился к алгоритму под названием *COMPAS,* который Висконсин и некоторые другие американские штаты использовали в 2013 г. для оценки риска повторного совершения преступления. Алгоритм оценил Лумиса как человека с высоким риском, который, скорее всего, совершит больше преступлений в будущем. Эта алгоритмическая оценка повлияла на судью, который приговорил Лумиса к шести годам лишения свободы — суровое наказание за относительно незначительные правонарушения, в которых он признался.

Лумис подал апелляцию в Верховный суд Висконсина, утверждая, что судья нарушил его право на надлежащую правовую процедуру. Ни судья, ни Лумис не понимали, как алгоритм *COMPAS* дает оценку, а когда Лумис попросил дать ему полное объяснение, ему было отказано. Алгоритм *COMPAS* был частной собственностью компании *Northpointe,* которая утверждала, что его методология является коммерческой тайной. Однако, не зная, как алгоритм принимает решения, как Лумис или судья могли быть уверены, что это надежный инструмент, свободный от предвзятости и ошибок? Впоследствии ряд исследований показал, что алгоритм *COMPAS* действительно мог содержать несколько проблемных предубеждений, вероятно, взятых из данных, на которых он обучался.

В деле «Лумис против Висконсина» 2016 г. Верховный суд Висконсина все же вынес решение не в пользу Лумиса. Судьи утверждали, что использование алгоритмической оценки риска является законным, даже если методология алгоритма не раскрывается ни суду, ни подсудимому. Судья Энн Уолш Брэдли написала, что поскольку *COMPAS* формирует оценку на основе данных, которые либо находятся в открытом доступе, либо предоставлены самим обвиняемым, Лумис мог бы опровергнуть или объяснить все данные, которые использовал алгоритм. В этом заключении не учитывался тот факт, что точные данные могут быть неверно интерпретированы и что Лумис не мог опровергнуть или объяснить все общедоступные данные о себе.

Верховный суд Висконсина не был полностью лишен понимания опасности, связанной с использованием непрозрачных алгоритмов. Поэтому, разрешив такую практику, он постановил, что всякий раз, когда судьи получают алгоритмические оценки риска, последние должны содержать письменное предупреждение для судей о потенциальной предвзятости алгоритмов. Суд также посоветовал судьям быть осторожными, полагаясь на такие алгоритмы. К сожалению, эта оговорка оказалась пустым жестом. Суд не дал судьям никаких конкретных указаний относительно того, как им следует проявлять такую осмотрительность. В обсуждении этого дела «Гарвардское юридическое обозрение» пришло к выводу, что «большинство судей вряд ли поймут алгоритмические оценки рисков». Затем был процитирован один из судей Верховного суда Висконсина, который отметил, что, несмотря на подробные объяснения алгоритма, им самим было сложно его понять.

Лумис подал жалобу в Верховный суд США. Однако 26 июня 2017 г. суд отказался рассматривать это дело, фактически поддержав решение Верховного суда Висконсина.

Теперь подумайте о том, что алгоритм, который в 2013 г. оценил Лумиса как человека с высоким уровнем риска, был ранним прототипом. С тех пор были разработаны гораздо более сложные и изощренные алгоритмы оценки риска, которым были предоставлены более широкие полномочия. К началу 2020-х гг. граждане многих стран будут регулярно получать тюремные сроки, частично основанные на оценках риска, сделанных алгоритмами, которые не понимают ни судьи, ни обвиняемые. И тюремные сроки — это только верхушка айсберга» (Harari, 2024, chapter 9).

## Вместо заключения

Автор полагает, что, во всяком случае в настоящее время и в обозримом будущем, недопустима замена судьи-человека на ИИ. Помимо судебной, существует множество иных форм защиты прав, свобод и законных интересов, в которых может эффективно использоваться ИИ в качестве основного актора разрешения правового спора. Однако правосудие немыслимо без обеспечивающих его осуществление принципов, часть из которых несовместима с ИИ. Соответственно, у лиц, ищущих защиты, во всяком случае должна сохраняться возможность обращения в суд за правосудием. Тот факт, что некоторые из принципов судопроизводства порой не применяются на практике, свидетельствует не об отсутствии в них общественной необходимости, а либо о непонимании власть предержащими, в чем заключаются существо правосудия и его значение, либо о незаинтересованности некоторых из них в формировании сильной судебной власти, которая способна защищать любых субъектов в том числе и от произвола других властей. Все средства обеспечения реального правосудия в действительности давно изобретены, их лишь надо применять. Очевидно, что в стремлении к чему-то новому не стоит отказываться от тех явлений, цивилизационная ценность которых подтверждена, при этом взамен вводя новшества, польза которых для общества отнюдь не очевидна.

Мы, конечно же, не отрицаем тех преимуществ, которые может дать судопроизводству использование *IT,* в первую очередь заключающихся в обеспечении доступности правосудия, однако подмена ими его гарантий недопустима. Поэтому считаем, что единственный принцип использования *IT* в судебном процессе (принцип цифровизации судопроизводства) состоит в том, что их применение всецело должно быть направлено на обеспечение ключевых принципов, без которых осуществление правосудия невозможно.

## Список литературы / References

1. Bertovsky, L. V. (2022). Teorii otsenki dokazatel'stv: Nazad v budushcheye [Theories of evidence evaluation: Back to the future] In L. V. Bertovsky, S. M. Kurbatova, E. A. Erakhtina, & A. G. Rusakov (Eds.), *Aktual'nyye voprosy rossiyskogo sudoproizvodstva: Dokazyvaniye s ispol'zovaniyem sovremennykh tekhnologiy: Materialy Vserossiyskoy (natsional'noy) nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Current issues in Russian judicial proceedings: Evidence using modern technologies: materials from the All-Russian (national) scientific and practical conference] (pp. 8–12). Natsional'niy issledovatel'skiy universitet "Moskovskiy institut elektronnoy tekhniki"; Krasnoyarskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet. 8–12.
2. Drozd, D. O. (2024). *Protsessual'nyye formy ispol'zovaniya elementov iskusstvennogo intellekta v sovremennom arbitrazhnom i grazhdanskom sudoproizvodstve* [The procedural forms of the use of artificial intel-

ligence elements in the modern commercial and civil litigation] [Doctoral dissertation, HSE University]. http://www.hse.ru/data/xf/172/312/2084/Диссертация.pdf

3. Galkovskaia, N. G., & Kukartseva, A. N. (2024). Otsenka perspektiv i riskov ispol ‘zovaniia iskusstvennogo intellekta v sfere pravosudiia [Assessment of prospects and risks of using artificial intelligence in the field of justice]. *Vestnik Grazhdanskogo Protsessa* [Herald of Civil Procedure], *14*(2), 257–282. https://doi.org/10.24031/2226-0781-2024-14-2-257-282
4. Gilles, P. (2011). Elektronnoye sudoproizvodstvo i printsip ustnosti [The electronic process and the principle of orality]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian Juridical Journal], (3), 41–54.
5. Harari, Y. N. (2024). *Nexus: A brief history of information networks from the Stone Age to AI*. Fern Press.
6. Kazikhanova, S. S. (2023). Web conference as a modern model of interaction between the court and participants in the process: shortcomings of legal regulation and prospects for use. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, (10), 79–87. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.110.10.079-087
7. Kondyurina, Yu. A. (2020). *Printsipy tsivilisticheskogo protsessa v sisteme elektronnogo pravosudiya* [Principles of civil procedure in the e-justice system] [Summary of doctoral dissertation, Saratov State Law Academy]. Russian State Library. https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01010253338?page=1&rotate=0&theme=black
8. Konstantinov, P. D. (2022). *Vliyaniye informatsionnykh tekhnologiy na printsipy grazhdanskogo protsessa (sravnitel’no-pravovoye issledovaniye na primere Rossii i Frantsii)* [The impact of information technology on the principles of civil procedure (a comparative legal study based on the examples of Russia and France)] [Abstract of doctoral dissertation, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev]. Russian State Library. https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01011374800?page=1&rotate=0&theme=black
9. Kovler, A. I. (2022). Antropologiya prav cheloveka v tsifrovuyu epokhu (opyt sravnitel’nogo analiza) [Anthropology of human rights in the digital age (the essay of the comparative legal method)]. *Journal of Russian Law*, *26*(12). 5–29. https://doi.org/10.12737/jrl.2022.125
10. Kurochkin, S. A. (2024). Iskusstvennyy intellekt v grazhdanskom protsesse [Artificial intelligence in civil procedure]. *Vestnik Grazhdanskogo Protsessa* [Herald of Civil Procedure], *14*(2), 42–74. https://doi.org/10.24031/2226-0781-2024-14-2-42-74
11. Laptev, V. A. (2024). Iskusstvennyy intellekt v sude — odna instantsiya: Na puti razvitiya tsifrovogo pravosudiya [Artificial intelligence in court — one instance: On the way to the development of digital justice]. *Rossiyskiy Sud’ya*, (11), 44–51. https://doi.org/10.18572/1812-3791-2024-11-44-51
12. Lukonina, Yu. A. (2023). *Tsifrovaya tsivilisticheskaya protsessual’naya forma: teoretiko-prikladnyye aspekty* [Digital civil procedural form: theoretical and practical aspects] [Doctoral dissertation, Saratov State Law Academy].
13. Lukyanova, I. N. (2020). Razresheniye sporov onlayn: tekhnologichnyy put’ k «privatizatsii pravosudiya» [Online dispute resolution: a technological path to the “privatization of justice”]. *Zakony Rossii: Opyt, Analiz, Praktika*, (8), 45–48.
14. Mironova, Yu. V. (2021). *Realizatsiya printsipov grazhdanskogo protsessual’nogo prava pri ispol’zovanii sistem video-konferents-svyazi* [Implementation of civil procedural law principles when using video conferencing systems] [Doctoral dissertation, Saratov State Law Academy].
15. Mukhtarova, O. S. (2024). Blokcheyn v yurisdiktsionnoy deyatel’nosti arbitrazhnykh sudov [Blockchain in the jurisdictional activity of arbitration courts]. *Zakony Rossii: Opyt, Analiz, Praktika*, (10), 75–79.
16. Neznamov, A. V. (2024). Iskusstvennyi intellekt, edinoobrazie sudebnoi praktiki i tvorcheskii kharakter sudebnoi deiatel’nosti [Artificial intelligence, uniformity of judicial practice and the creative nature of judicial activity]. *Vestnik Grazhdanskogo Protsessa* [Herald of Civil Procedure], *14*(2), 90–106. https://doi.org/10.24031/2226-0781-2024-14-2-90-106

17. Nhemi, S. (2023). Law without lawyers: Examining the limitations of consumer-centric legal tech services. *Journal of Intellectual Property and Information Technology Law*, *3*(1), 15–76. https://doi.org/10.52907/jipit.v3i1.223
18. Reshetnikova, I. V. (2024). Iskusstvennyy intellekt v arbitrazhnom protsesse: Vozmozhnyye sfery primeneniya [Artificial intelligence in arbitration procedure: Possible areas of application]. *Vestnik Grazhdanskogo Protsessa* [Herald of Civil Procedure], *14*(2), 30–41. https://doi.org/10.24031/2226-0781-2024-14-2-30-41
19. Samsonova, M. V. (2022). Kommunikatsiya uchastnikov protsessa s sudom i mezhdu soboy [Communication between parties and the court, and between parties themselves]. In E. G. Streltsova (Ed.), *Tsifrovyye tekhnologii v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve: Praktika, analitika, perspektivy* [Digital technologies in civil and administrative proceedings: Practice, analytics, prospects] (pp. 77–128). Infotropic Media.
20. Streltsova, E. G. (2024). O pravootnosheniyakh v tsivilisticheskom protsesse pri primenenii tsifrovykh tekhnologiy [On legal relations in civil procedure in the application of digital technologies]. *Vestnik Grazhdanskogo Protsessa* [Herald of Civil Procedure], *14*(2), 75–89. https://doi.org/10.24031/2226-0781-2024-14-2-75-89
21. Tumanov, D. A. (2024a). Neskol'ko slov o smysle grazhdanskogo sudoproizvodstva i yego printsipakh [A few words about the meaning of civil proceedings and its principles]. *Zakony Rossii: Opyt, Analiz, Praktika*, (2), 13–22.
22. Tumanov, D. A. (2024b). *Zashchita obshchestvennykh interesov v grazhdanskom sudoproizvodstve* [The defense of public interests in civil judicial proceedings] [Dr. Sci. Dissertation, MGIMO-University]. https://mgimo.ru/upload/diss/2024/tumanov-diss.pdf
23. Wang, N. (2020). "Black box justice": Robot judges and AI-based judgment processes in China's court system. In *Proceedings of the 2020 IEEE International Symposium on Technology and Society (ISTAS)* (pp. 58–65). IEEE Xplore. http://dx.doi.org/10.1109/ISTAS50296.2020.9462216
24. Zhuhao, W. (2021). China's e-justice revolution. *Judicature*, *105*(1), 37–47.

**Сведения об авторе:**

**Туманов Д. А.** — доктор юридических наук, профессор кафедры процессуального права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Москва, Россия.
dtum@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0009-0004-7917-3250

**Information about the author:**

**Dmitry A. Tumanov** — Dr. Sci. in Law, Professor, Procedural Law Department, Russian Foreign Trade Academy (RFTA), Moscow, Russia.
dtum@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0009-0004-7917-3250

https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-5

Check for updates

CC BY 4.0

ЭССЕ

# ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И LEGALTECH: РИСКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ

**К. Л. Брановицкий**

Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера
06108, Германия, Галле, Университетплатц, 10

## Аннотация

В рамках настоящего научного исследования осуществлен комплексный теоретико-правовой анализ трансформационных процессов, обусловленных интеграцией технологий *LegalTech* и искусственного интеллекта в юридическую практику, с позиций доктрины юридической профессии и концепции адвокатской монополии. Методологический инструментарий включает сравнительно-правовой метод, историко-правовой анализ эволюции юридической профессии и функциональный подход к оценке современных правовых институтов. На материале судебной практики правовых систем континентального и общего права (преимущественно Германии и США) исследована правовая квалификация деятельности *LegalTech*-платформ через призму доктрины *unauthorized practice of law*, что позволило выявить юридические противоречия в их статусе. Научная новизна исследования заключается в выявлении нового витка диалектического противоречия между принципами правового формализма и стремлением к упрощению, проявляющегося в условиях стремительной цифровизации юридической сферы. Показано, что в ряде консервативных правопорядков наблюдается стремительный рост автоматизированных систем досудебного юридического консультирования, что объективно ведёт к системной депрофессионализации правовой помощи. Выявлены ключевые акторы данного процесса — коммерческие IT-структуры, реконцептуализирующие юридический рынок как пространство извлечения прибыли, что противоречит фундаментальным принципам института адвокатуры: независимости (*independence*) и исключительности (*exclusivity*), обеспечивающим дуалистическую функцию профессии — оказание квалифицированной юридической помощи и поддержание верховенства закона (*rule of law*). Автором разработана и обоснована теоретическая концепция рисков стандартизации юридических услуг: снижение качества правовой помощи при рассмотрении юридически сложных и атипичных казусов; правовая неопределенность в вопросе распределения ответственности за ошибки автоматизированных систем; эрозия нормативных основ правоприменения при переносе центра формирования правил разрешения конфликтов из законодательных органов в корпоративные структуры IT-индустрии. В контексте теории социальных систем Н. Лумана аргументирована необходимость сохранения процессуальной автономии права как инструмента разрешения социальных конфликтов. На основании проведенного исследования сформулирован вывод о том, что интеграция *LegalTech*-решений должна осуществляться в рамках нормативно-правового регулирования с четким определением юрисдикционных границ «депрофессионализации» и механизмов профессиональной ответственности, вне зависимости от технологических перспектив, открываемых системами искусственного интеллекта и платформами онлайн-разрешения споров (*ODR*).

## Ключевые слова

LegalTech, ChatGPT, искусственный интеллект, адвокатская монополия, сравнительное правоведение, право Германии, депрофессионализация, цифровизация права

| | |
|---|---|
| **Конфликт интересов** | Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов. |
| **Финансирование** | Исследование не имеет спонсорской поддержки. |
| **Для цитирования** | Брановицкий, К. Л. (2024). Искусственный интеллект и LegalTech: риски трансформации юридической профессии. *Цифровое право, 5*(4), 28–40. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-5 |

Поступила: 08.10.24, принята в печать: 18.11.2024, опубликована: 30.12.2024

**ESSAYS**

# ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND LEGALTECH: RISKS OF TRANSFORMING THE LEGAL PROFESSION

**Konstantin L. Branovitskii**

Martin-Luther-University Halle-Wittenberg
10, Universitätplatz, Halle, Germany, 06108

## Abstract

This essay examines how the proliferation of LegalTech and artificial intelligence is transforming the legal profession, with a particular focus on the erosion of the traditional monopoly held by lawyers. Through a comparative legal analysis of German and US case law, it explores how LegalTech platforms are challenging established doctrines regarding the unauthorized practice of law across jurisdictions. The study identifies a fundamental tension between legal formalism and procedural simplification — one that has entered a new phase in the digital era. The findings show that even traditionally conservative legal systems are experiencing a rapid expansion of automated pre-trial legal consultation services, resulting in the systematic deprofessionalization of legal practice. Significantly, the driving force behind this transformation is the commercial IT sector, which approaches the legal market primarily as a profit-making enterprise. This approach undermines the core principles of the legal profession — namely independence and exclusivity — which have long supported its dual mission of delivering qualified legal assistance and upholding the rule of law. This essay proposes a theoretical framework for evaluating the risks posed by the standardization of legal services. These risks include a decline in service quality for complex or atypical cases, ambiguous liability for algorithmic errors, and the gradual erosion of normative legal foundations as dispute resolution increasingly shifts from legislative institutions to corporate IT platforms. Drawing on Luhmann's systems theory, the analysis underscores the importance of preserving the procedural autonomy of law as an essential mechanism for resolving social conflicts. The study concludes that while LegalTech offers significant benefits, its integration must take place within a strong regulatory framework.

Such a framework should clearly define the permissible scope of deprofessionalization and establish mechanisms for professional accountability — regardless of the technological capabilities of AI systems and online dispute resolution platforms.

## Keywords
LegalTech, ChatGPT, artificial intelligence, lawyer's monopoly, comparative law, German law, deprofessionalization, digitalization of law

| | |
|---|---|
| **Conflict of interest** | The author declares no conflict of interest. |
| **Financial disclosure** | The study has no sponsorship. |
| **For citation** | Branovtiskiy, K. L. (2024). Artificial intelligence and LegalTech: Risks of transforming the legal profession. *Digital Law Journal, 5*(4), 28–40. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-5 |

Submitted: 8 Oct. 2024, accepted: 18 Nov. 2024, published: 30 Dec. 2024

## Введение

Конец ноября 2024 г. ознаменовался важными новостями из мира информационных технологий: специалисты заявили, что искусственный интеллект (далее также — ИИ), и прежде всего большие языковые модели *(large language model)* в их современном виде, вероятно, достигли предела своего обучения и развития[1]. Хотя для экспертов в области искусственного интеллекта такие заявления были предсказуемы, для широкой аудитории это стало неожиданным и даже шокирующим событием. Причины явления достаточно прагматичны и базируются на фундаментальных законах развития любых систем, требующих сочетания экстенсивных и интенсивных методов. В случае ИИ экстенсивный подход — использование масштабных публичных массивов данных для обучения — близок к исчерпанию. Ограниченность качественной информации и публичных источников может стать критическим фактором, а эксперты прогнозируют, что наиболее значимые ресурсы для обучения ИИ могут быть исчерпаны уже в период с 2026 по 2032 г.

Впрочем, подобные выводы идут вразрез с устойчивым общественным восприятием ИИ, где акцент делается на стремительно растущем влиянии новых технологий, таких как *ChatGPT,* на различные аспекты повседневной жизни. ИИ популяризирует новые направления профессиональной деятельности, такие как *Legal Engineering,* одновременно порождая опасения о вытеснении ряда традиционных профессий[2]. Среди наиболее уязвимых профессий называют корректоров, таксистов, курьеров, а в долгосрочной перспективе — даже юристов.

Возможное снижение оборотов в качественном развитии ИИ, с нашей точки зрения, следует использовать для критического анализа происходящих под его влиянием изменений в юридической профессии, а также самого права как универсального социального регулятора общественных отношений. Возникает небольшой шанс на то, что на какое-то время место ИИ

[1] Palazzolo, S., Woo, E., & Efrati, A. (n.d.). OpenAI shifts strategy as rate of "GPT" AI improvements slows. https://www.theinformation.com/articles/openai-shifts-strategy-as-rate-of-gpt-ai-improvements-slows

[2] Demirci, O., Hannane, J., & X. Zhu. (2024, November 11). *Researsh: How gen AI is already impacting the labor market.* Harvard Business Review. https://hbr.org/2024/11/research-how-gen-ai-is-already-impacting-the-labor-market

в модных трендах займет объективный анализ не столько его потенциальных возможностей и порой завышенных ожиданий, сколько реального применения в такой чувствительной сфере, как право, а также взвешенная оценка рисков.

Современная юридическая профессия переживает трансформацию, вызванную прогрессом технологий, среди которых ключевыми стали ИИ и *LegalTech*-платформы. Эти технологии создают новые возможности для автоматизации сложных правовых процессов, начиная от анализа огромных массивов данных и составления юридических документов и заканчивая возможностью предсказания исходов судебных процессов.

Согласно исследованию *Future Ready Lawyer Studie* компании *Wolters Kluwer,* в котором начиная с 2019 г. регулярно анализируются результаты опросов юристов в компаниях и адвокатов в Европе и США (свыше 700 участников), процесс серьезных/коренных изменений во взгляде на профессию внутри профессионального сообщества — свершившийся факт.

В последних данных за 2024 г. уже даже не обсуждается, готовы ли юристы к *LegalTech* или ИИ, а констатируется, что 76% опрошенных юристов компаний и 68% адвокатов используют ИИ в работе хотя бы раз в неделю[3]. Предметом анализа выступают скорее вопросы о том, как именно и в какой степени юристы сегодня используют *LegalTech* и ИИ в работе (поиск информации и практики, анализ и составление договоров). При этом в качестве актуальных на ближайшие три года в докладе *Future Ready Lawyer Studie 2024* названы следующие вызовы:

- растущие затраты (большинство готовых профессиональных юридических решений в сфере ИИ стоит очень дорого);
- постоянно возрастающие сложность и объем информации с точки зрения обработки и безопасности;
- необходимость привлекать и удерживать лучшие кадры на рынке труда.

В случае если принять во внимание своеобразный консенсус профессионального сообщества о том, что без использования *LegalTech* и ИИ лучших клиентов сегодня не заполучить, то остается вопрос, какую цену придется заплатить профессии и ее клиентам за переход к ИИ. Готово ли само общество, требующее от юристов идти в ногу со временем, к возможным последствиям для права в целом, а также к новым реалиям профессии юриста в эпохе ИИ?

## I. Историческая трансформация юридической профессии под воздействием технологий

Юридическая профессия, как и сама правовая система, прошла долгий путь от ритуалов древних цивилизаций до современных технологий искусственного интеллекта. Каждый исторический этап трансформации не просто изменял способы работы юристов, но и переосмысливал саму роль права в обществе (Janssen & Vennmanns, 2021, pp. 38–57; Susskind & Susskind, 2015). С каждым новым этапом в юридическую практику привносилось что-то ранее отсутствовавшее: письменные кодексы сделали нормы неизменными и доступными; формуляры упростили составление документов; изобретение печатного станка ускорило распространение правовой информации, а появление компьютеров, интернета и ИИ сделало право более

[3] Wolters Kluwer Legal and Regulatory. (2024). Future Ready Lawyer Studie 2024. Legal Innovation: Die Zukunft gestalten oder abgehängt werden? [Future ready lawyer study 2024. Legal innovation: Shape the future or be left behind?]. Wolters Kluwer. Исследование доступно для скачивания по адресу: https://www.wolterskluwer.com/de-de/know/future-ready-lawyer-2024?utm_medium=cpc&utm_source=google&utm_campaign=legal_future-ready-lawyer-2024&wkn=03113&gad_source=1&gclid=Cj0KCQiA_9u5BhCUARIsABbMSPs_xPRch63iUCqg3_tqX1wSfXGE8Id7gpVLcCRtotcN2u7UuOAYwTIaAu2kEALw_wcB#download

динамичным и универсальным. Эти изменения, однако, не только открывали новые возможности, но и создавали уникальные вызовы, заставляя пересматривать традиционные подходы и переосмыслять саму природу юридической профессии.

Сегодня технологии определяют развитие юридической профессии больше, чем когда-либо ранее. Искусственный интеллект, автоматизация рутинных задач и *LegalTech,* обработка больших данных — всё это меняет не только способы работы, но и фундаментальные представления о праве. Например, автоматизированные юридические платформы предоставляют услуги, которые ещё несколько десятилетий назад требовали непосредственного участия юристов-профессионалов. Показательны примеры *LegalTech*-сервисов типа *Myflyright, Wenigermiete.de,* которые позволяют бесплатно[4] получить компенсацию за задержку авиарейса или снизить арендный платеж за жилье, как правило, за счет алгоритмизированной претензионной (досудебной) стадии. При этом непосредственно человек, а именно адвокат, подключается только на этапе судебного разбирательства, что с учетом бесспорности правовой части вопроса и упрощенного характера фактической составляющей происходит очень и очень редко. Получив сгенерированное таким *LegalTech*-сервисом письмо-требование, которое направляется только после проверки сервисом фактов (задержки/отмены рейса), потенциальный ответчик будет доводить дело до суда только в крайних случаях (подделка билета и т.п.).

Несмотря на ограниченный пока перечень разрешаемых дел, это ставит фундаментальный вопрос о роли юристов как посредников между законом и обществом, поскольку в таких сферах посредничество юриста становится для клиентов слишком затратным по финансовым ресурсам (стоимость услуг адвоката), а также по времени: *LegalTech*-сервис выполняет проверку в считанные мгновения на основании сведений, загруженных в личный кабинет самим клиентом. Сами сервисные платформы становятся экономически привлекательной моделью бизнеса благодаря эффекту масштаба и необходимости минимального человеческого ресурса.

Тем не менее трансформация юридической профессии и права — это не феномен нашего времени. Она началась с момента возникновения первых правовых систем. Эволюция права всегда была связана с технологическими достижениями, начиная с письменности, которая позволила фиксировать законы, дальше к формулярам, которые существенно упростили право, и заканчивая современными цифровыми инструментами, которые делают право доступным для понимания в том числе неюристу. С известной долей условности можно сказать, что всё развитие права — это борьба между формализмом и упрощением (Guillemard et al., 2018, p. 322).

Первые значительные преобразования начались с появлением письменных кодексов, таких как Кодекс Хаммурапи, который стал основой для систематизации права. Этот шаг исключил субъективность устных интерпретаций, сделав правоприменение более стабильным и предсказуемым (Harper, 1904, p. 5). Однако письменное право и профессия юристов приобрели настоящую мощь в Римской империи. *Codex Justinianus* (одна из частей *Corpus juris civilis*) не только зафиксировал нормы, но и объединил их с доктринальными комментариями юристов, что стало фундаментом для всей европейской правовой традиции (Blume & Frier, 2016). Именно благодаря римскому праву деятельность юристов стала профессиональной, а само понятие *Codex* стало олицетворением законченности и всеобъемлемости (Vismann, 2000, p. 77).

Важным шагом в процессе трансформации стало широкое и повсеместное использование формуляров (например, *Bill of Lading*) — шаблонов для юридических документов, которые

[4] Речь идет исключительно об отсутствии прямых затратах клиента на юридические услуги. Так, в случае с компенсацией за задержку/отмену рейса клиент уступает право требования до 30% от полученной компенсацией, а при положительном снижении размеров арендной платы — величину уменьшенной стоимости аренды за шесть месяцев.

упростили правоприменение. Эти инструменты позволили стандартизировать оформление контрактов, завещаний и исков, что было значимо для развития средневековой торговли. Формуляры стали символом окончательного перехода от сакрального к прагматичному подходу к праву. В этом ярко проявилась готовность права к постоянной трансформации в связи с меняющейся экономической и социальной реальностью, а также к борьбе между формализмом и упрощением. Одновременно с этим развитие университетов закончило формирование профессионального слоя юристов, способных применять право в новой социальной и экономической среде. Благодаря последнему фактору юристы на долгое время получили монополию на разрешение конфликтов правовыми средствами в обществе. Она базировалась на строгих требованиях к квалификации, ограничивающих доступ к профессии и специализации (адвокатура и нотариат).

Изобретение печатного станка сделало возможным массовое распространение законов, судебных решений и правовых комментариев, отныне доступных для широких масс. Этот процесс достиг апогея с принятием Кодекса Наполеона, который объединил разрозненные нормы во Франции и стал в том числе благодаря возможностям печати эталоном законодательной техники для множества национальных правовых систем. Печатная революция не только ускорила распространение правовых норм между правовыми системами, послужила рецепции права, но и сделала нормы доступными для граждан, укрепляя доверие к правосудию. При этом параллельно с расширением доступности правовых норм, запустился процесс усложнения и формализации права, в том числе через закрытие, так называемую национализацию, правовых систем. Интересно, что данные тенденции были взаимообусловлены, что еще раз подтверждает тезис о вышеуказанной дихотомии. Курс на национализацию правопорядков привел к детальному регламентированию юридической профессии, росту лоббистских возможностей юридической корпорации и ее осознанию себя как субъекта государственного управления.

С развитием технологий в XX в. трансформация юридической профессии и права продолжилась, приобретя более фундаментальный характер[5], поскольку она, во-первых, сопровождалась постепенным подрывом монополии юристов на разрешение конфликтов, а во-вторых, впервые за долгий период развития поставила под вопрос постулат о верховенстве права как всеобщего консенсуса для разрешения социальных конфликтов. Электронные базы данных, такие как *LexisNexis,* радикально ускорили доступ к правовой информации, а современные алгоритмы, в частности *predictive coding*, оказались способны анализировать огромные массивы данных без участия человека. Развитие *LegalTech*-сервисов типа *Myflyright, Wenigermiete.de* и т.п. создало в обществе представления о том, что дорога к адвокату/юристу не единственный способ получения юридической консультации и/или разрешения конфликта и далеко не самый эффективный[6]. Появление *ODR (online dispute resolution)* на платформах с огромной аудиторией *(Amazon, eBay),* в котором споры рассматриваются не просто без участия человека,

[5] Подробнее см. изданную коллективную монографию по теме: Engstrom (2023).

[6] Примеры вроде *TurboTax* в США, а именно негативная сторона развития таких *LegalTech*-сервисов, незнакомы широкой публике. Большинству известно лишь, что подобные сервисы и стартапы традиционно оперируют такими понятиями, как «инновация», «прозрачность», «общественное благо» и т.п. (и связываются тем самым в общественном сознании с ними). В случае с *TurboTax* производитель революционного сервиса помощи в заполнении налоговой декларации, после того как полностью изменил рынок труда (обычный бухгалтер был вынужден либо уйти из профессии, либо использовать сервис *TurboTax*), со временем стал применять рыночные и лоббистские механизмы для недопущения принятия закона о подобных бесплатных сервисах для населения, превратившись затем в очередного «искателя монопольной ренты». Подробнее см.: Huseman, J. (2017, March 20). *Filing taxes could be free*

но и без какого бы то ни было использования сакрального *Codex* (материального гражданского права), поставило вопрос шире утраты монополии юристами — в связи с вызовом для верховенства права как такового.

Как пишут некоторые исследователи, правосудие будущего станет вершиться не в залах судебных заседаний, но в строках программного кода. Адвокаты, судьи и любые скептики при этом будут обличены как бездушные монополисты, равнодушные к мировому кризису доступа к правосудию, находящиеся в плену своих корыстных и архаичных представлений о правосудии и праве (Spaulding, 2023, p. 254). Наблюдаемое последовательное снижение статуса и протекционистского потенциала адвокатуры ввиду развития *ADR* при активной поддержке судов, ограничений в рекламе и внутренней конкуренции, государственного контроля за ценообразованием и т.п. способностей противостоять грядущей буре юридической корпорации также не добавляет (Luban, 2003, p. 209; Spaulding, 2017, p. 2249).

## II. Разрушение традиционной монополии юристов (адвокатов)[7]

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о том, какие именно угрозы создает ИИ для существующей модели адвокатуры, необходимо в самом общем виде подчеркнуть два генеральных принципа построения профессии, встречающихся практически во всех правопорядках: независимость *(independence)* и исключительность *(exlusivity)* (Hazard & Dondi, 2024, p. 63)[8]. Принципы, в свою очередь, вытекают из двух ключевых функций: оказания юридической помощи и содействия правосудию путем надлежащего консультирования и предотвращения злоупотребления правом (Rhode, 2000, p. 71). Последнее иногда называется функцией по поддержанию верховенства закона (Remus, 2017, p. 864). В решениях Европейского суда по правам человека по делу *Nikula v. Finnland*[9] и Суда ЕС по делу *Prezes Urzędu Komunikacji Elektronicznej v. Commission*[10] также подтверждается дуальный характер деятельности адвокатов.

Таким образом, речь идет идет о квалифицированном, компетентном и независимом (не только от других лиц, но и от самого клиента) консультировании. Следует отметить, что именно благодаря наличию этих двух принципов в совокупности традиционная модель адвокатуры отказывается от смешения юридической практики с предпринимательской деятельностью. Взамен государство предлагает адвокатам три привилегии: барьеры для входа в профессию, профессиональная монополия (так называемый запрет неюристам на юридическую помощь), а также этические правила (поддержание авторитета в обществе) (Remus, 2017, p. 873).

Развитие генеративного ИИ в сфере *LegalTech* и юридического консультирования способно «выбить» практически все привилегии адвокатуры и поставить под вопрос принцип независимости юридического консультирования, что, в свою очередь, может привести к более глубокой трансформации права, чем кажется на первый взгляд. При этом интерес представляет также,

*and simple but H&R block and intuit are still lobbying against it.* ProPublica. https://www.propublica.org/article/filing-taxes-could-be-free-simple-hr-block-intuit-lobbying-against-it

7 В настоящей статье влияние технологий на юридическую профессию рассматривается на примере адвокатуры, а не юристов в целом, ввиду четких критериев регламентации профессиональной деятельности.

8 В качестве иной модели можно рассматривать разве что правопорядок Китая, в котором профессия адвоката, в сравнении с остальным миром, появилась позднее, см.: Xu (2023, pp. 269–288).

9 Nikula v. Finland, 31611/96, 4 Eur. H.R. Rep. 478 (2000).

10 Joined Cases C-422/11 P & C-423/11 P, Prezes Urzędu Komunikacji Elektronicznej and Rep. of Pol. v Eur. Comm'n, ECLI:EU:C:2012:553 (Sept. 6, 2012).

каким образом это может произойти, ведь генеративный ИИ — это программный код / алгоритм, который сам по себе непосредственной угрозы ни для кого не представляет. В этом смысле алармисты, утверждающие об опасности самого ИИ, не замечают гораздо более глобальной картины очередного витка битвы между упрощением и формализмом в праве, в который обязательно должны войти такие промежуточные, но необходимые для «победы» упрощения этапы, как изменение понятия «юридическое консультирование», а также исключение монополии на эту деятельность. Кроме того, необходимо четкое представление об акторах очередной трансформации, поскольку думать, что адвокатская монополия упраздняется под общественным давлением с благими целями упрощения и повышения доступности права, довольно простосердечно.

Для начала необходимо уяснить, откуда проистекает угроза упразднения адвокатской монополии и исчезновения целой профессии, что легко сделать, поняв, чем именно на юридическом рынке «занимается» сегодня генеративный ИИ и под какими лозунгами. Одна из основных сфер сегодня — это консультирование по вопросам права, когда юридические услуги становятся доступными для людей без юридического образования, т.е. продвигается идея о том, что можно решить юридический вопрос самому, не прибегая к помощи адвоката. Так, существует множество ИИ-систем, которые предоставляют юридические консультации по всему спектру права (от наследования до *M&A*-сделок), а также оказывают помощь в заполнении юридических документов.

Таким образом, непосредственно угроза исходит не от самих ИИ-систем, а от укоренения в общественном сознании наивной идеи о «рынке самообслуживания», где можно без адвоката решить все юридические вопросы. При этом сам процесс протекает путем плавного видоизменения понятия «юридическая консультация» через борьбу с так называемым *unauthorized practice of law.* В последнем случае различные правопорядки с разной степенью успешности отстаивают идею о том, что юридические услуги могут оказывать только юристы (адвокаты). Так, в США общий консенсус заключается в том, что если в соответствующем штате не принято какого-либо исключения, давать юридические консультации в этом штате могут только те лица, которые были допущены к адвокатской деятельности[11]. Попытка же маскировать юридическую помощь под что-то другое натолкнулась в известном деле *Janson v. LegalZoom* на запрет суда, когда последний отметил, что не видит существенной разницы между услугами адвоката по подготовке документов для клиента и услугами, предлагаемыми компанией *LegalZoom.*

В Германии действует специальный Закон — *Rechtsdienstleistungsgesetz*[12], которым предусматривается обязательное получение разрешения на деятельность по оказанию юридических услуг (внесудебное консультирование, которое регулируется процессуальным законом), а также ведение единого реестра лиц, имеющих разрешение на это. Так, статья 5 Закона допускает оказание юридических услуг в связи с другой профессиональной деятельностью в случае, если они являются вспомогательными для этой профессии или деятельности. Примерами могут служить консультации по вопросам банкротства, предоставляемые

[11] Needham, C. A. (n.d.). *The application of unauthorized practice of law regulations to attorneys working in corporate law departments.* https://www.americanbar.org/groups/professional_responsibility/committees_commissions/commission-on-multijurisdictional-practice/mjp_cneedham/. На практике это, впрочем, приводит к перегибам в виде запретов адвокатам представлять интересы клиентов в других штатах или проблемам законности деятельности так называемых *inhouse legal counsels* (штатных юристов).

[12] Rechtsdienstleistungsgesetz [RDG] [Act on Out-of-Court Legal Services] Dec. 12, 2007 BUNDESGESETZBLATT, Teil I [BGBL I] at 2840, last amended by Gesetz [G], March 10, 2023 BGBL 2023 I Nr. 64, https://www.gesetze-im-internet.de/rdg/

выпускниками экономических факультетов, по вопросам строительного права или ответственности за дефекты — архитекторами, по вопросам структурирования активов или наследования компаний — банками, и т.д. Впрочем, появившись почти 20 лет назад, этот Закон, уже тогда воспринимавшийся как покушение на адвокатскую монополию, в полную силу заработал только с широким развитием *LegalTech*-решений, незаметно изменив генеральную идею своего принятия. Речь, в частности, идет о том, что, разрешая юридическое консультирование для неадвокатов в качестве вспомогательной/неосновной деятельности, законодатель исходил из одних условий конкурентной среды, которые, впрочем, сильно изменились за время его существования[13]. Архитектор, консультирующий клиента по вопросам строительного права при анализе дефектов строения, не преследует при этом в качестве главной цели извлечение прибыли, ведь основной его доход (бизнес-модель) — это деятельность по проектированию зданий и сооружений, на которую он тратит львиную долю времени и средств (следит за новинками отрасли, изучает специальную литературу и т.п.). В связи с этим снижается уровень его юридической консультации, что, в свою очередь, означает довольно низкую угрозу для юридического консультирования адвокатов, для которых это один из основных видов деятельности со всеми вытекающими требованиями к поддержанию уровня собственной квалификации.

Развитие *LegalTech*-решений, таких как уже упоминавшаяся ранее платформа *Wenigermiete.de* (принадлежит компании *LexFox*), строится на совершенно другой бизнес-модели, в корне отличающейся от юридического консультирования архитектором. Такие платформы, покупая права требования у потребителя и беря на себя этап досудебного урегулирования (следует признать, довольно успешно), коммерчески выгодны. Привлекательны они и для клиентов, которые платят за услуги только в случае успеха. С юридической точки зрения деятельность таких платформ/компаний подпадает под регулирование *Rechtsdienstleistungsgesetz* и квалифицируется как юридическая услуга по внесудебному взысканию задолженности *(Inkasso)*. Тот факт, что юридическая консультация для такого лица перестает быть вспомогательной деятельностью, а становится основной, по мнению Верховного суда Германии, уравновешивается пользой от дерегуляции и либерализации юридического рынка, а также от появления профессий будущего[14]. В своем решении суд отметил, что при оценке законности/незаконности деятельности таких *Inkasso*-компаний необходимо в каждом конкретном случае проводить оценку обстоятельств, руководствоваться целью защиты лиц, нуждающихся в правовой помощи, а также принимать во внимание ценностные положения Основного закона ФРГ.

На примере правопорядков Германии и США можно наблюдать разные подходы к определению понятия «юридическая консультация» в плане возможности ее осуществления неадвокатами. От допуска только в виде исключения до разрешения вспомогательной (неосновной) деятельности, особенно с учетом анализа конкретных судебных дел *(LegalZoom, LexFox),* лежит пропасть. Впрочем, на примере Германии можно не только наблюдать попытку постепенного вытеснения адвокатов с юридического рынка, но и, что более интересно, следить за раскрытием информации о том, кто реально заинтересован в «повышении доступности». В действительности акторами процесса становятся *IT*-компании, для которых юридический рынок всего лишь новый рынок, наравне с такси-перевозками, книжным рынком или маркетплейсами. Именно

---

[13] В качестве основной цели принятия Закона назывались дерегуляция и либерализация рынка внесудебных юридических услуг.

[14] Решение Верховного суда Германии от 27 ноября 2019 г. по делу VIII ZR 285/18. (Bundesgerichtshof [BGH] [Federal Court of Justice] Nov. 27, 2019, 224 Entscheidungen des Bundesgerichtshofes in Zivilsachen [BGHZ] 89 (Ger.) https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&nr=101936&pos=0&anz=1).

основная цель их деятельности — извлечение прибыли — позволяет им вырабатывать столь привлекательные *IT*-решения, которые не под силу создать никакой отдельно взятой юридической фирме или адвокату[15].

Наличие столько качественного *IT*-продукта в виде *LegalTech* ведет к постепенному снижению для потребителя важности дуального характера деятельности адвокатов при юридическом консультировании. Условно бесплатный характер *LegalTech* только ускоряет процесс вытеснения. В такой ситуации изначально предпринимательская деятельность компаний-разработчиков, а также смысл и значение принципа непредпринимательской деятельности адвокатов отходят на второй план.

## III. Риски стандартизации юридических услуг

Существующие тенденции в юридическом консультировании можно охарактеризовать как стремление к стандартизации юридических услуг. Основной идеей является создание/разработка унифицированных шаблонов или алгоритмов для решения типичных задач, таких как составление договоров, подача претензий (досудебное урегулирование) и формирование жалоб. Целями провозглашаются ускорение юридических процессов, снижение затрат и расширение доступа к правовой помощи. Однако эта тенденция порождает множество вызовов, связанных с качеством юридических услуг, ответственностью за ошибки автоматизации и сохранением индивидуального подхода.

С одной стороны, автоматизация рутинных правовых задач позволяет обрабатывать большие объемы данных и документов, но с другой — эффективность падает при решении проблем, требующих глубокого анализа обстоятельств. В сложных случаях стандартизированные алгоритмы часто оказываются неспособны учесть все особенности конкретной ситуации (Katz, 2013, pp. 909–966). Проблемы также возникают при применении ИИ для составления документов или подачи исков. Алгоритмы могут проигнорировать детали, которые имеют огромное значение для рассмотрения дела (несущественные на первый взгляд факты). Кроме того, в целях повышения убедительности позиции судебного документа не исключается «выдумывание» несуществующих прецедентов. Так, в известном случае адвокат доверился *ChatGPT* при подготовке иска, и последний добавил в текст вымышленные прецеденты. В результате ответственность понес сам адвокат, а не разработчик[16].

Неопределенность в стандартизации также несет риски для адвокатской монополии, поскольку постепенно снижается роль адвоката как связующего звена между законом и клиентом. Клиент, доверяющий алгоритмам, может получить ложное впечатление о том, что право — это понятная и упрощенная процедура. Алгоритм выполняет указания пользователя быстрее и дешевле, чем человек, не задавая лишних вопросов. Известное выражение, приписываемое Пабло Пикассо, о бесполезности компьютеров, потому что они дают нам только ответы, знакомо далеко не каждому. Однако исчезает функция поддержания верховенства закона, которая выполняется при юридическом консультировании адвокатом, что позволяет последнему задавать правильные вопросы и понимать истинные интересы клиента, которые тот нередко не способен выразить словами. Кроме того, адвокат

[15] Высокие зарплаты программистов, транснациональный уровень (в случае *Amazon*), междисциплинарный подход к решению задач практически полностью исключают реальную конкуренцию.

[16] Armstrong, K. (2023, May 28). *ChatGPT: US lawyer admits using AI for case research*. BBC. https://www.bbc.com/news/world-us-canada-65735769

несет ответственность за юридическое просвещение, содействие примирению сторон и минимизацию судебных споров.

Стандартизация и дальнейшее упрощение правоприменения несут угрозу не только адвокатской монополии, но и монополии права на разрешение конфликтов в обществе в целом. Например, клиентам компаний, таких как *Amazon* или *eBay*, нравится быстрая обработка споров через *ODR,* но это не должно автоматически приводить к переосмыслению значения права и закона в современном обществе. Тот факт, что клиентам приятно «командовать» ИИ и требовать решения юридических проблем по своему усмотрению, не означает, что такое «юридическое консультирование» должно быть мгновенно разрешено на законодательном уровне. Алгоритмы не могут выполнять одну из ключевых функций адвоката — поддержку верховенства закона, учет незначительных фактических обстоятельств и интересов всех потенциальных участников спора.

В свою очередь, недостаток понимания потребителем того, что в случае с *ODR* решения часто принимаются на основе внутренних регламентов транснациональных корпораций, а не на основе материального права, не должен приводить к законодательному сокращению судебной компетенции. Реакция на неправовые явления правовыми средствами не всегда способствует укреплению роли права в обществе. Право традиционно считалось цементирующим звеном системы мировой устойчивости в рамках теории социальных систем Лумана (Luhman, 1993). Право как автономная нормативная самовоспроизводящаяся система и процессуальный порядок разрешения юридических дел обеспечивают целостность социальной системы путем упорядочивания ожиданий участников коммуникации. Монополия права на создание процессуального порядка разрешения конфликтов в обществе всегда основывалась на категориях более высокого порядка, таких как «равноправие», «состязательность» и «право быть выслушанным», а не исходила из императива «максимум удобства» для потребителя.

## Выводы

Трансформация юридической профессии под воздействием технологий, таких как ИИ и платформы *LegalTech,* представляет собой сложный и многогранный процесс, влекущий как значительные перспективы, так и новые вызовы. С одной стороны, технологический прогресс позволил значительно упростить доступ к правовой информации, автоматизировать рутинные задачи и предложить инновационные методы взаимодействия между законом и обществом. С другой стороны, эти изменения сопряжены с рисками утраты адвокатской монополии, изменения роли юриста как посредника между правом и клиентом, а также стандартизации юридических услуг, что может негативно сказаться на их качестве и индивидуальном подходе.

Современные *LegalTech*-решения, такие как *Wenigermiete.de* и *Myflyright,* демонстрируют потенциал для предоставления юридической помощи без участия адвокатов, используя алгоритмы для обработки типичных дел. Эти платформы оказываются экономически привлекательными для клиентов, что усиливает тенденцию к их использованию. Однако непосредственная угроза исходит не от самих технологий, а от укоренения в общественном сознании упрощенного подхода к решению юридических вопросов. Это приводит к постепенному изменению понятий «юридическое консультирование» и «профессиональная ответственность», что требует пересмотра нормативной базы и переосмысления роли адвокатов в новых условиях.

Автоматизация и стандартизация правовых услуг, несмотря на их очевидные преимущества, несут риск утраты индивидуального подхода и юридической точности. Хотя алгоритмы

показывают высокую эффективность в обработке типичных случаев, они часто не способны учитывать уникальные обстоятельства сложных дел. Это может привести к снижению доверия к правовой системе и ухудшению качества оказываемой юридической помощи. Кроме того, такая стандартизация ставит под сомнение роль юриста как гаранта верховенства закона, затрудняя исполнение функций правового просвещения и содействия примирению сторон.

Особое значение приобретает вопрос этической и юридической ответственности за ошибки ИИ-систем, используемых в правовой сфере. Прецеденты, когда алгоритмы предоставляли недостоверные данные или даже «выдумывали» факты, подчеркивают необходимость четкого распределения ответственности между разработчиками, пользователями и профессиональными юристами. Экономический аспект внедрения *LegalTech* также вызывает обеспокоенность: высокие затраты на разработку и эксплуатацию таких решений ограничивают их доступность, что может усугубить существующее цифровое неравенство.

В сложившейся ситуации необходимы регулятивные изменения, которые позволят адаптировать законодательство к новым технологическим реалиям: разработка стандартов взаимодействия традиционных юридических практик с новыми технологиями, закрепление роли юриста как главного ответственного субъекта, способного учитывать не только правовые, но и морально-этические аспекты в своей деятельности. Другими словами, речь идет о необходимости на законодательном уровне удерживать роль адвоката как посредника между законом и клиентом, оставляя за технологиями вспомогательную функцию.

## Список литературы / References

1. Blume, F. H., & Frier, B. W. (Eds.). (2016). *The Codex of Justinian: A new annotated translation, with parallel Latin and Greek text*. Cambridge University Press.
2. Engstrom, D. F. (Ed.) (2023). *LegalTech and the future of civil justice.* Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781009255301
3. Guillemard, S., Kerneis, S., & Menetrey, S. (2018). La vie formulaire — entre procédure judiciaire et dérive administrative du droit d'hier à aujourd'hui [Formulaic life — between judicial procedure and administrative abuse of law from yesterday to today]. *International Journal of Procedural Law*, *8*(2), 319–342. https://doi.org/10.1163/30504856-00802013
4. Harper, R. F. (1904). *The Code of Hammurabi, King of Babylon: About 2250 B.C.* University of Chicago Press.
5. Hazard, G. C., & Dondi, A. (2004). *Legal ethics: A comparative study.* Stanford University Press.
6. Janssen, A., & Vennmanns, T. J. (2021). The effects of technology on legal practice: From punch card to artificial intelligence? In L. A. DiMatteo, A. Janssen, P. Ortolani, F. de Elizalde, M. Cannarsa, & M. Durovic (Eds.), *The Cambridge handbook of lawyering in the digital age* (pp. 38–56). Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781108936040.005
7. Katz, D. M. (2013). Quantitative legal prediction — or — how I learned to stop worrying and start preparing for the data-driven future of the legal services industry. *Emory Law Journal*, 62(4), 909–966.
8. Luban, D. (2003). Taking out the adversary: The assault on progressive public interest lawyers. *California Law Review*, *1*(91), 209–246. https://doi.org/10.2307/3481386
9. Niklas, L. (1993). *Das Recht der Gesellschaft* [Law as a social system]. Suhrkamp Verlag.
10. Remus, D. A. (2017). Reconstructing professionalism. *Georgia Law Review, 51*(3), 807–877.
11. Rhode, D. L. (Ed.). (2000). *Ethics in practice: Lawyers' roles, responsibility and regulation*. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780195129618.001.0001

12. Spaulding, N. W. (2017). Due process without judicial process?: Antiadversarialism in American legal culture. *Fordham Law Review*, *5*(85), 2249–2273.
13. Spaulding, N. W. (2023). Online dispute resolution and the end of adversarial justice. In D. F. Engstrom (Ed.), *LegalTech and the future of civil justice* (pp. 251–285). Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781009255301.015
14. Susskind, R., & Susskind, D. (2015). *The future of the professions: How technology will transform the work of human experts*. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780198713395.001.0001
15. Vismann, C. (2000). *Akten: Medientechnik und Recht* [Files: Media technology and law]. Fischer Taschenbuch Verlag.
16. Xu, X. (2023). Lawyers in Chinese culture. *Archives de Philosophie du Droit*, *64*(1), 269–288. https://doi.org/10.3917/apd.641.0269

**Сведения об авторе:**

**Брановицкий К. Л. —** доктор юридических наук, магистр права (Киль, ФРГ), руководитель Центра LegalTech при Галле-Виттенбергском университете им. Мартина Лютера, Галле, Германия.
k.branovitsky@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9847-3417

**Information about the author:**

**Konstantin L. Branovitskii** — Dr. Sci. in Law, LL.M. (Kiel, Germany), Teamleader of LegalTech Lab, Martin-Luther-University Halle-Wittenberg, Halle, Germany.
k.branovitsky@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9847-3417

https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-3

Check for updates

CC BY 4.0

ЭССЕ

# ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КАЗАХСТАНСКОМ ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

**З. Х. Баймолдина**

Университет Нархоз
050035, Казахстан, Алматы, ул. Жандосова, 55

## Аннотация

Повсеместная цифровизация коснулась и гражданского судопроизводства. Вместе с тем до сих пор ни законодатель, ни ученые не уделили новациям, вызванным этим явлением, должного внимания. В настоящем работе планируется охарактеризовать электронное судопроизводство по гражданским делам в Казахстане, раскрыть проблемы его регулирования и предложить пути их преодоления. При исследовании вопросов электронного судопроизводства использованы дескриптивный метод, анализ, формально-юридический метод. В статье освещаются целевые установки цифровизации гражданского судопроизводства в Казахстане и основные направления работы по их достижению. Описываются применяемые при этом информационно-аналитические системы, включающие различные сервисы и модули. Отмечаются области судебной деятельности, где в настоящее время применяются большие данные и искусственный интеллект. На основе изучения казахстанского опыта выявлены следующие проблемы: не в полной мере обеспечена открытость судебной деятельности, недостаточно урегулированы на законодательном уровне вопросы применения *IT*, в том числе использования искусственного интеллекта в судебной деятельности, не сформирована на надлежащем уровне законодательная основа создания и функционирования цифровой среды. Поддерживается идея о необходимости принятия Цифрового кодекса Республики Казахстан, о внесении поправок в Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан в целях надлежащей реализации принципов гражданского процесса. Особенности применения норм гражданского судопроизводства в электронном режиме предлагается закрепить в нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан.

## Ключевые слова

гражданское судопроизводство, электронное судопроизводство, электронное гражданское дело, *IT* в судах, принципы судопроизводства, обеспечение процессуальных прав, совершенствование законодательства

| | |
|---|---|
| **Конфликт интересов** | Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов. |
| **Финансирование** | Исследование не имеет спонсорской поддержки. |

**Для цитирования** Баймолдина, З. Х. (2024). Применение информационных технологий в казахстанском гражданском судопроизводстве. *Цифровое право, 5*(4), 41–54. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-3

Поступила: 10.10.2024, принята в печать: 13.11.2024, опубликована: 30.12.2024

ESSAYS

# APPLICATION OF INFORMATION TECHNOLOGY IN KAZAKH CIVIL PROCEEDINGS

**Zauresh K. Baimoldina**

Narxoz University
55, Zhandossov St., Almaty, Kazakhstan, 050035

## Abstract

The ubiquitous digital transformation of society has also affected civil proceedings. However, neither legislators nor scholars have yet given due consideration to the innovations stemming from this phenomenon. This paper characterizes electronic civil proceedings in Kazakhstan, identifies regulatory challenges, and proposes solutions to overcome them. The study employs descriptive, analytical, and formal-legal methods to examine e-justice issues. The article highlights objectives for digitalizing civil proceedings in Kazakhstan and key initiatives to achieve them. It discusses operational information-analytical systems, including their services and modules. Additionally, it notes judicial domains where big data and artificial intelligence (AI) are currently applied. An analysis of Kazakhstan's experience reveals these challenges: insufficient transparency in judicial activities; inadequate legal regulation of IT implementation (including AI in judicial processes); and the absence of a robust legislative framework for establishing and operating a digital environment. The paper supports adopting a Digital Code of Kazakhstan and amending the Civil Procedure Code to ensure proper implementation of civil procedure principles. It further proposes formalizing the application specifics of electronic civil procedure norms through a regulatory resolution of Kazakhstan's Supreme Court.

## Keywords

civil proceedings, electronic proceedings, electronic civil case, IT in courts, principles of judicial proceedings, ensuring procedural rights, legislative improvement

**Conflict of interest** The author declares no conflict of interest.

**Financial disclosure** The study has no sponsorship.

**For citation** Baimoldina, Z. K. (2024). Application of informational technologies in Kazakh civil proceedings. *Digital Law Journal, 5*(4), 41–54. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-3

Submitted: 10 Oct. 2024, accepted: 13 Nov. 2024, published: 30 Dec. 2024

## Введение

В настоящее время, когда общество находится в условиях всеобщей цифровизации, практически единодушно выражается мнение о том, что информационные технологии повышают оперативность и открытость правосудия, а также создают удобные и понятные гражданам и организациям средства для взаимодействия с судами. При этом подчеркивается, что применение *IT* в судебной системе обеспечивает доступность суда, устраняет бюрократические препоны и содействует снижению коррупционных проявлений, ограничивая личный контакт судей и работников судебной администрации с физическими и юридическими лицами.

В то же время внедрение современных технологий в казахстанское гражданское судопроизводство[1] принесло не только положительные моменты, но и ряд проблем, которые особенно ярко проявились в период коронавирусной пандемии, когда почти сразу суды стали рассматривать и разрешать в электронном формате большинство гражданских дел. *IT* применялись в судах Казахстана и ранее, но именно пандемия *COVID-19* явилась катализатором резкого увеличения рассмотрения дел в онлайн-режиме. Суды вынуждены были срочно принимать меры по решению вопросов, возникающих в онлайн-процессе. Проблемы носили разноплановый характер, включая недостаточный уровень правового регулирования вопросов электронного судопроизводства, технического обеспечения, программных разработок и навыков самих участников гражданского процесса.

Именно в этот период наблюдается рост числа публикаций судей, адвокатов и иных практиков, а также ученых-юристов по вопросам онлайн-правосудия. Труды, посвященные особенностям электронного судопроизводства по гражданским делам, имелись и ранее. В частности, в работе М. А. Аленова (Alenov, 2023, pp. 71–73) обращалось внимание на то, что практическое применение в судах электронных процедур опережает законотворческий процесс, а также на необходимость межотраслевой унификации данных процедур. Однако до 2020 г. в основном работы по вопросам внедрения электронного правосудия носили информативный характер и размещались на сайтах Верховного Суда Республики Казахстан и местных судов. Они содержали информацию о реализации положений программных документов, касающихся в целом цифровизации в стране[2].

После 2020 г. в публикациях стали освещаться положительные и отрицательные стороны рассмотрения дел в онлайн-режиме, а также пути решения проблем электронного судопроизводства. Так, судья Т. Б. Амрашев, анализируя плюсы и минусы судебных заседаний в онлайн-режиме, предложил обновить соответствующее программное обеспечение[3]. Профессор Г. Ж. Сулейменова, указывая на отдельные проблемы онлайн-судопроизводства по уголовным делам, связанные с обеспечением информационной безопасности и защищенности передачи данных онлайн, со сложностью соблюдения ряда принципов и возможностью злоупотребления лицами, дистанционно участвующими в судебном заседании,

---

1 Предмет настоящего исследования осознанно ограничен изучением лишь казахстанского опыта. Такое сужение поля исследования обусловлено задачей дать характеристику казахстанского электронного судопроизводства в целом и изложить комплексный взгляд на решение имеющихся проблем в этой сфере.

2 См., в частности: Государственная программа «Цифровой Казахстан», утв. Постановлением Правительства Республики Казахстан № 827, 12 дек. 2017 г., Эталонный контрольный банк НПА РК в электронном виде, 12.12.2017.

3 Амрашев, Т. Б. (2021, 17 февраля). *Судебные заседания в режиме «online». Плюсы и минусы*. Информационная система «Юрист». https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34814246&pos=3;-52#pos=3;-52

своими процессуальными правами[4], приходит к выводу, что судебные разбирательства в онлайн-режиме недопустимы по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, многоэпизодным и многотомным делам, делам о преступлениях, совершенных в соучастии, преступной группой, делам, где подсудимый не признает свою вину[5]. Д. Р. Егежанова, анализируя критерии цифровой грамотности судей и учитывая международный опыт, пришла к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования цифрового образования судей (Yegezhanova, 2023, pp. 21–31).

Впрочем, казахстанские авторы не уделяли внимания целостному описанию порядка рассмотрения и разрешения гражданских дел в электронном формате и изложению комплексного взгляда на решение проблем в этой сфере. На восполнение такого пробела направлено настоящее исследование с опорой на практику судов Казахстана и труды научного и практического характера казахстанских авторов.

## Результаты

Три документа, размещенных на сайте Верховного Суда Республики Казахстан[6], содержат информацию о применении *IT* в процессе отправления правосудия. Это (1) «Стратегия информационно-коммуникационных технологий для судебной системы Республики Казахстан»; (2) «О цифровизации судебной системы»; (3) «*IT*-технологии в судах»[7]. Из их содержания видно, что информатизацией охвачены все стадии гражданского судопроизводства, вплоть до выдачи исполнительных документов.

Как отмечалось пресс-службой Верховного суда РК, согласно данным, опубликованным в обзорах Еврокомиссии по эффективности правосудия *(Council of Europe European Commission for the efficiency of justice, CEPEJ)* за 2020 и 2022 гг., Казахстан по применению судами *IT* занимает четвертое место среди 47 стран[8].

Целями цифровизации гражданского судопроизводства в Казахстане являются повышение прозрачности судебной деятельности, максимальное обеспечение доступа к правосудию

---

4 Указанные проблемы характерны отчасти и для электронного правосудия по гражданским делам.

5 Сулейменова, Г. Ж. (2020, 24 ноября). *Некоторые проблемы рассмотрения уголовных дел в онлайн-судебном процессе в условиях пандемии.* Информационная система «Юрист». https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39053137

6 Единая интернет-площадка судебных органов (sud.gov.kz) создана в 2014 г. Сайт позволяет просматривать информацию о деятельности Верховного Суда Республики Казахстан и всех местных судов. Сегодня у сайта более 5000 посетителей в сутки и 25 000 просмотров ежедневно (см.: Алехова, А. (2021, 29 апреля). *Благодаря цифровизации Казахстан занимает 4-е место в Doing Business по «Обеспечению исполнения контрактов».* Портал Верховного суда Республики Казахстан. https://sud.gov.kz/rus/massmedia/blagodarya-cifrovizacii-kazahstan-zanimaet-4-e-mesto-v-doing-business-po-obespecheniyu). Таким образом, интернет-ресурсы судов имеют единую платформу, характеризующуюся унифицированной интуитивно понятной структурой и централизованным управлением.

7 Верховный суд Республики Казахстан. (б.д.). Стратегия информационно-коммуникационных технологий для судебной системы Республики Казахстан. Дата обращения 10.10.2024, https://sud.gov.kz/rus/content/cifrovizaciya; Верховный суд Республики Казахстан. (б.д.). О цифровизации судебной системы. Дата обращения 10.10.2024, https://sud.gov.kz/rus/content/cifrovizaciya; Верховный суд Республики Казахстан. (б.д.). IT-tekhnologii v sudakh [Information technologies in the courts]. Дата обращения 10.10.2024, https://sud.gov.kz/rus/content/cifrovizaciya

8 Пресс-служба Верховного суда Республики Казахстан. (б.д.). *Искусственный интеллект и большие данные* (Big Data) *в судебной и правоохранительной системе.* https://sud.gov.kz/rus/news/iskusstvennyy-intellekt-i-bolshie-dannye-big-data-v-sudebnoy-i-pravoohranitelnoy-sisteme

и улучшение качества решений. Для достижения данных целей проведена работа в нескольких направлениях.

*Во-первых,* суды и судебные администрации обеспечены техническими средствами и каналами связи. Во всех судах залы судебных заседаний оснащены современными системами аудио-, видеофиксации[9] (далее — АВФ), причем полученные записи хранятся централизованно. Применение судом аудио-, видеозаписи судебного заседания регламентируется Гражданским процессуальным кодексом Республики Казахстан[10] (далее — ГПК РК). В частности, в соответствии с ч. 1 ст. 281 ГПК РК при ведении аудио-, видеозаписи судебного заседания составляется краткий протокол. Секретарь судебного заседания распечатывает подготовленный системой краткий протокол и приобщает к нему аудио-, видеозаписи. Согласно абз. 2 ч. 4 ст. 282 ГПК РК носитель аудио-, видеозаписи и краткий протокол приобщаются к делу, а в соответствии с абз. 2 ч. 5 этой же статьи порядок технического применения средств аудио-, видеозаписи, обеспечивающих фиксирование хода судебного заседания, хранения и уничтожения аудио-, видеозаписи, а также доступа к аудио-, видеозаписи определен уполномоченным государственным органом в сфере судебного администрирования[11]. Система АВФ предоставила ряд преимуществ в ведении судебного производства по гражданским делам: оптимизировала судебный процесс, обеспечила полную и достоверную фиксацию хода судебного заседания, создала условия лицам, участвующим в деле, и судьям вышестоящих судебных инстанций для удаленного ознакомления с аудио-, видеозаписями судебного заседания.

Каждый судья обеспечен автоматизированным рабочим местом, благодаря чему осуществляется обмен в электронном виде ходатайствами, оцифрованными доказательствами и другими документами. Это позволяет повысить скорость обработки и получения информации, а также сократить сроки рассмотрения и разрешения гражданских дел.

*Во-вторых,* обеспечены условия для ведения судебного производства в электронном формате, т.е. в судах Казахстана внедрены электронные гражданские дела и их рассмотрение в электронном режиме. Еще в апреле 2019 г. в ГПК РК была внесена новая глава 11-1 «Особенности электронного судопроизводства».

Немаловажно, что формат судопроизводства определяется в зависимости от избранного истцом способа обращения в суд. Данные судебной статистики свидетельствуют о том, что заинтересованные лица явно отдают предпочтение электронному правосудию. Выбор формата невозможен лишь по делам упрощенного (письменного) производства. Согласно ч. 5 ст. 267-3 ГПК РК суд рассматривает дело в порядке упрощенного (письменного) производства в электронном формате без вызова сторон. Рассмотрение дел упрощенного (письменного производства) в электронном формате осуществляется с 2018 г.

При ведении судопроизводства в электронном формате формируется электронное гражданское дело. Процессуальные акты и действия суда и участвующих в деле лиц оформляются в форме электронного документа, удостоверенного электронной цифровой подписью.

---

9 Нормы об обязательной аудио-, видеофиксации судебного заседания введены с 2016 г. при рассмотрении не только гражданских, но и уголовных, административных дел и дел об административных правонарушениях.

10 Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан 2015 г., Казахстанская правда № 210 (28086).

11 Приказ Руководителя Департамента по обеспечению деятельности судов при Верховном Суде Республики Казахстан № 6001-15-7-6/486 «Об утверждении Правил технического применения средств аудио-, видеозаписи, обеспечивающих фиксирование хода судебного заседания, хранения и уничтожения аудио-, видеозаписи, доступа к аудио-, видеозаписи» от 24 ноября 2015 г., https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33009574&pos=1;-18#pos=1;-18

В июне 2020 г. ГПК РК был дополнен статьей 133-4 «Электронный протокол»[12]. Согласно ч. 1 данной статьи аудио-, видеозапись судебного разбирательства признается электронным протоколом. При этом краткий протокол по сложным делам может сопровождаться текстовой расшифровкой аудиозаписи, полученной путем автоматического распознавания текста. Технические требования[13] к электронному протоколу, обеспечивающие полноту, структурирование и качественное воспроизведение, определяются Судебной администрацией Казахстана с учетом требований ГПК РК.

Подлинником судебного акта является электронный судебный акт, размещенный в системе «Судебный кабинет».

При предоставлении судом копий АВФ судебного заседания участники процесса предупреждаются об использовании записи только в целях судопроизводства и об ответственности за нарушение законодательства о защите персональных данных. В случаях, когда дело рассмотрено в закрытом судебном заседании, лицам, участвующим в деле, аудио-, видеозапись и протокол судебного заседания не предоставляются: им обеспечивается возможность ознакомления с ними в суде (абз. 5 ч. 4 ст. 282 ГПК РК).

*В-третьих,* созданы условия для информационной открытости процессов по гражданским делам и доступности в онлайн-режиме судебных документов.

С 2016 г. в Казахстане функционирует единая информационно-аналитическая система «Төрелік», объединяющая все внутренние информационные процессы судов. Система ведет автоматизированный учет и контроль соблюдения процессуальных сроков, выявляет нарушения этих сроков, формирует статистические и аналитические отчеты. Она интегрирована с 32 базами данных государственных органов и организаций, что значительно облегчает работу судей: сейчас не нужно оформлять письменные запросы, необходимые суду сведения стали доступны в один клик. Наряду с этим налажена интеграция с платежным шлюзом электронного правительства для получения информации от банков второго уровня о проведенных платежах и поступлении государственной пошлины.

Работают также системы «Судебный кабинет», *eGov.kz*[14] и *e-Otinish,* обеспечивающие электронный документооборот во всех формах судопроизводства и видах обращений в государственные органы Казахстана.

*Система «Судебный кабинет»,* функционирующая с 2014 г., — это единое онлайн-окно доступа к сервисам судов, используя которые лицо (его представитель) может отправить иск, жалобу или ходатайство в электронном виде, просмотреть судебный документ и распечатать его, а также совершать иные действия. Данная система позволила оптимизировать деятельность канцелярий судов, поскольку реквизиты учетных документов заполняются самими внешними пользователями при обращении в суд.

---

[12] См.: Закон № 241-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам развития бизнес-среды и регулирования торговой деятельности», Казахстанская правда, 2019 г., № 63 (28940).

[13] Приказ Руководителя Департамента по обеспечению деятельности судов при Верховном Суде Республики Казахстан № 19 «Об утверждении Технических требований к электронному протоколу, обеспечивающих полноту, структурирование и качественное воспроизведение» от 6 августа 2020 г., https://sud.gov.kz/rus/content/ob-utverzhdenii-tehnicheskih-trebovaniy-k-elektronnomu-protokolu-obespechivayushchih-8

[14] *eGov.kz* («Единая система электронного документооборота государственных органов») — портал электронного правительства, введенный в Казахстане в 2006 г. Все казахстанские суды и канцелярии областных и приравненных к ним судов включены в состав его участников.

Система «Судебный кабинет» включает *15 сервисов и модулей*, часть из которых доступна любому лицу, а часть — лишь участникам процесса.

Сервисами и модулями системы «Судебный кабинет», *доступными любому физическому и юридическому лицу*, являются следующие:

1) «Банк судебных актов». Данный сервис позволяет осуществлять поиск судебных актов, вступивших в законную силу, и содержит решения по гражданским делам, рассмотренным в открытых судебных заседаниях, с 2009 г. Эти акты можно скачать в *PDF*-формате, они имеют бар-коды, и их легитимность можно проверить через отдельный сервис;
2) «Найти дело». Названный сервис делает возможным поиск гражданского дела, находящегося в производстве суда;
3) «Ознакомление с судебными документами**»**. Этот модуль предоставляет доступ к материалам гражданского дела онлайн, т.е. делает возможным просмотр электронных судебных документов;
4) «Проверка легитимности судебного акта». Указанный модуль позволяет проверить подлинность судебного акта, вступившего в законную силу, по открытым для общего доступа гражданским делам;
5) «Запись на личный прием». Данный модуль дает возможность записаться на прием к должностным лицам суда;
6) «Анкета внешней оценки». Этот модуль используется для обратной связи в целях выявления недостатков в судопроизводстве. Здесь лицо может внести свои предложения по улучшению отправления правосудия по гражданским делам и указать недочеты при рассмотрении и разрешении дел.

Сервисами системы «Судебный кабинет», которые *доступны только участникам процесса*, являются следующие:

1) «Графики рассмотрения судебных дел». Этот сервис позволяет создавать события в календаре, а также отображать в нем сведения о судебных заседаниях;
2) «Подача документов». Позволяет пользователю приложения просмотреть все документы, которые были направлены в судебные органы посредством веб-сервиса;
3) «Мои дела». Данный сервис дает возможность лицу увидеть все дела, которые были возбуждены на основании его исков;
4) «Уведомления». Указанный сервис позволяет лицу увидеть все уведомления, направленные судом в его адрес;
5) «Онлайн-беседа». Посредством названного сервиса можно назначить проведение онлайн-беседы между сторонами в деле до начала судебного заседания в рамках гражданского судопроизводства;
6) «Доверенность». Этот сервис позволяет добавить к материалам дела доверенность, оформленную в электронном виде;
7) «Е-примирение». Данный сервис делает возможным проведение процедур примирения с помощью посредника (профессионального медиатора);
8) «Мои письма». Этот сервис позволяет отправлять письма в судебные органы по вопросам, не относящимся к судопроизводству, и обращения граждан в соответствии с Административным процедурно-процессуальным кодексом Республики Казахстан[15];

[15] Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, Эталонный контрольный банк НПА РК в электронном виде, 01.07.2020, с изм. и доп.

9) «Календарь участника процесса». В него участники процесса могут занести данные о своей занятости в определенное время, что позволяет судье учесть это при назначении даты и времени судебного заседания.

Лица могут осуществлять вход в систему «Судебный кабинет» тремя способами: по ИИН (БИН) / паролю; по электронной цифровой подписи; с помощью *QR*-кода.

Движение дела в электронном формате выглядит следующим образом:

- после авторизации сайт направляет заинтересованное лицо в систему «Судебный кабинет» для подачи иска;
- через сервис «Подача документов» в системе «Судебный кабинет» подаются отзыв на иск, возражение на отзыв, ходатайства, дополнительные материалы;
- через систему «Судебный кабинет» направляются уведомления и извещения. Эти документы доступны и в сервисе «Уведомления», а также приходят на номер телефона, зарегистрированный в Базе мобильных номеров граждан;
- посредством видео-конференц-связи или мобильной видео-конференц-связи проходит судебное заседание онлайн;
- осуществляется АВФ хода судебного заседания;
- вынесенный по итогам рассмотрения дела судебный акт, не вступивший в законную силу, доступен в сервисе «Мои дела»;
- судебный акт, вступивший в законную силу, доступен в сервисе «Банк судебных актов»;
- посредством сервиса «Подача документов» в системе «Судебный кабинет» можно обжаловать судебный акт. Данный сервис позволяет выбрать апелляционную или кассационную инстанцию для подачи соответствующей жалобы или ходатайства.

Для удобства пользователей запущена мобильная версия системы «Судебный кабинет». Соответствующее приложение можно бесплатно скачать на мобильный гаджет. Пользователи могут авторизоваться и подписать документы *QR*-кодом через мобильный гаджет. При этом отпадает необходимость в сторонних программах на компьютере.

Таким образом, данные продукты *IT* позволяют онлайн подать иск, отзыв, встречный иск, жалобу, ходатайства и иные документы; оплатить государственную пошлину; подать заявление на осуществление медиации в электронном формате и выбрать профессионального медиатора; участвовать в судебном заседании и при совершении отдельных процессуальных действий; получать судебные акты и другие процессуальные документы.

С согласия сторон и других лиц, участвующих в деле, может осуществляться онлайн-трансляция судебных заседаний, за исключением закрытых.

*В-четвертых,* использование достижений *IT* создало условия для обеспечения единообразной судебной практики и предсказуемости правосудия. Речь идет о применении больших данных и элементов искусственного интеллекта в судебной деятельности.

В целях оперативного мониторинга и анализа работы судов в Верховном Суде Республики Казахстан создан Ситуационный центр, который действует с 2017 г. Этот центр представляет собой единую систему мониторинга деятельности судов, которая способна в режиме реального времени отслеживать более 750 показателей по отправлению правосудия, реагировать на обращения и анализировать их тематику[16]. Здесь в автоматическом режиме производятся мониторинг и анализ судопроизводства, делопроизводства, информационной безопасности,

[16] Ахметзакиров, Н. Р. (2021, 8 января). *Суды Казахстана в условиях цифровой трансформации.* Портал Верховного суда Республики Казахстан. https://sud.gov.kz/rus/massmedia/sudy-kazahstana-v-usloviyah-cifrovoy-transformacii-nahmetzakirov-sudovy-vesnik-no4-dekabr

применения АВФ и других показателей. Данные по 750 показателям доступны по стране в целом, в разрезе регионов и в рамках конкретного суда. Внедренные алгоритмы позволяют формировать десятки аналитических справок, в частности о соблюдении процессуальных сроков, судебной нагрузке, категориях дел и др.

Специально для судей внедрены *Smart*-помощники: «Дневник судьи» и «Судебная практика».

*Smart-помощник «Дневник судьи»* направлен на обеспечение эффективной организации деятельности судьи. Данный модуль обрабатывает сведения по делам, находящимся в производстве суда, предоставляет актуальную информацию о назначенных и проведенных заседаниях, сроках рассмотрения дел и формирует календарь судебных заседаний. В зависимости от категорий дел к ним автоматически привязываются обобщения судебной практики. Это не только экономит время судьи на организацию процессов, но и дает возможность оперативно ознакомиться с судебной практикой.

*Smart-помощник «Судебная практика»* создан с применением технологии работы с большими данными для обеспечения вынесения правильного судебного акта по гражданскому делу. Сервис содержит решения по различным делам, сгруппированным по годам. Начало этому было положено в 2011 г., полноценно же акты стали вноситься с 2016 г. По состоянию на конец 2024 г. сервис включает почти 11 млн решений по гражданским делам. Сервис, по аналогии с поисковыми системами, находит любую информацию в тексте судебных актов, поэтому судья может выбрать решения, которые ему необходимы в работе, что позволяет сориентироваться ему в судебной практике. Судьи также могут изучить конкретные решения всех инстанций по интересующим их делам. Для облегчения поиска в сервис «Судебная практика» внедрена технология «Текст майнинг», позволяющая искать ключевые слова в тексте судебных актов.

С 2022 г. внедрена *IT-система «Цифровая аналитика судебной практики»* с элементами искусственного интеллекта. Эта система может определять категорию дела; осуществлять поиск аналогичных дел; отслеживать жизненный цикл дела по всем судебным инстанциям; выявлять нестандартные решения, т.е. те, которые отличаются по содержанию от решений по однородным делам; прогнозировать исход дела. Система анализирует миллионы судебных актов в один клик и способна выдавать аналитику по ситуации, т.е. заложенная в системе программа обучена понимать суть решений, сравнивать их между собой, выявлять аномалии и выдавать прогноз исхода гражданского дела. Таким образом, система «Цифровая аналитика судебной практики» способна осуществлять интеллектуальный поиск, который направлен на формирование единообразной судебной практики. Судья с момента поступления иска может видеть акты по схожим делам, вплоть до кассации. Это означает, что каждый судья может сделать вывод о сложившейся практике, что поможет ему принять правильное решение по гражданскому делу. Отсюда следует, что система служит реальным инструментом формирования единообразной судебной практики.

## Дискуссия

В настоящее время система «Цифровая аналитика судебной практики» доступна лишь судьям, иные лица не имеют возможности использовать аналогичные инструменты интеллектуального поиска. В связи с этим подчеркнем, что еще в 2021 г. президент страны К. К. Токаев отметил, что «преимущества *IT*-технологий должны почувствовать и *участники процесса*, которым изначально *важно понимать вероятность исхода своего дела* [курсив мой. — *З.Б.*]. Для этого следует открыть доступ к *IT*-сервисам судебной системы всем заинтересованным

лицам. Это реально сложная задача, здесь надо подойти абсолютно рационально... Безусловно, с соблюдением требований о конфиденциальности информации»[17]. Однако система «Цифровая аналитика судебной практики», внедренная в 2022 г., до сих пор недоступна как для лиц, участвующих в деле, так и для иных лиц, которые могли бы использовать ее данные, принимая решение, обращаться в суд с иском или нет. В случае получения ими доступа к данным этой системы вполне возможно увеличение дел, оконченных без судебного разбирательства, а также уменьшение необоснованных исков, подаваемых в суд. Кроме того, открытость указанной системы позволила бы использовать ее данные в научных, консультационных, экспертно-правовых и других целях. Несмотря на потребность в доступе к системе «Цифровая аналитика судебной практики», вопрос этот не решается.

С 2022 г. в Казахстане запущен роботизированный алгоритм. Робот проверяет автоматически данные всех электронных баз госорганов, регистрирует и распределяет материалы и дела среди судей. Завершен проект по роботизации формирования судебных приказов о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей, что, помимо прочих преимуществ, позволяет быстро и эффективно защищать их права. Роботизировано также санкционирование некоторых постановлений судебных исполнителей. Робот готовит проекты санкций на постановления об ограничении выезда за рубеж. Принятие решения сохраняется за судьей. Используемые в судебной системе *IT* не заменяют судью, они рассматриваются лишь как дополнительный инструмент. Такой подход был закреплен и в принятой летом 2024 г. Концепции развития искусственного интеллекта на 2024–2029 гг. (далее — Концепция). В ней отмечается, что «искусственный интеллект не заменяет, а дополняет человека. Должно быть обеспечено активное человеческое участие в контроле и управлении процессом принятия решений системами искусственного интеллекта, чтобы поставить человека выше искусственного интеллекта в иерархии мандата принятия решений с возможностью корректировать действия искусственного интеллекта. Должны обеспечиваться постоянный мониторинг и критическая оценка работы искусственного интеллекта»[18]. В то же время законодательно не определены риски использования искусственного интеллекта и(или) его элементов в судебной деятельности. Можно сказать лишь о том, что казахстанская судебная система в определенной степени ориентируется на пять принципов использования искусственного интеллекта в судах согласно Европейской этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях[19] *CEPEJ*, поскольку Казахстан имеет в ней статус наблюдателя.

Сейчас продолжается работа по формированию новой законодательной основы для внедрения систем управления информацией и искусственного интеллекта, поскольку действующее законодательство недостаточно регулирует вопросы, касающиеся единых подходов к становлению цифрового общества. В Концепции указываются следующие проблемы: отсутствие системного подхода к регулированию цифровых платформ и цифровых сервисов, как следствие,

---

[17] Пресс-служба Президента Республики Казахстан. (2021, 12 февраля). *Глава государства провел совещание по вопросам модернизации судебной системы*. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/meetings_and_sittings/glava-gosudarstva-provel-soveshchanie-po-voprosam-modernizacii-sudebnoi-sistemy

[18] Концепция развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы, утв. Постановлением Правительства Республики Казахстан № 592 от 24 июля 2024 г., https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592

[19] Council of Eur. Eur. Comm'n. for the Efficiency of Just. [CEPEJ], *Eur. Ethical Charter on the Use of A.I. in Jud. Sys. and their Env't*, 31st Plen. Meeting (2024, Dec. 3–4), также доступна на русском языке https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35417997&pos=2;-51#pos=2;-51

разрозненность и коллизии; законодательные пробелы в регулировании цифровых платформ и цифровых сервисов; увеличивающийся разрыв между состоянием законодательства и активным развитием цифровых платформ и цифровых сервисов.

В настоящее время данная сфера регулируется несколькими специальными законами: от 7 января 2003 г. «Об электронном документе и электронной цифровой подписи»[20], от 5 июля 2004 г. «О связи»[21], от 15 апреля 2013 г. «О государственных услугах»[22], от 21 мая 2013 г. «О персональных данных и их защите»[23], от 24 ноября 2015 г. «Об информатизации»[24]. Одновременно действуют почти 200 ведомственных подзаконных актов, принятых в целях реализации указанных законов. Кроме того, в отраслевые кодексы (включая процессуальные) и законы вносятся соответствующие нормы, посвященные цифровизации конкретных сфер. С учетом дальнейшего роста массива законодательства в данной области ставится вопрос о необходимости кодификации — принятии Цифрового кодекса Республики Казахстан, проект которого был опубликован в апреле 2024 г. и предусматривает основные три направления: цифровые права человека и гражданина, цифровую экономику и цифровое государство[25]. Сейчас вопрос о кодификации обсуждается на уровне правительственных кругов[26], юридических лиц и ученой среды. Высказывается в том числе мнение о преждевременности «кодификации правового регулирования сверхдинамично развивающихся общественных отношений в условиях отсутствия законодательства о новейших институтах данной сферы» (Idrisheva, 2022, pp. 72–87). Представляется, что Цифровой кодекс нужен, по крайней мере, для:

- систематизации правового регулирования соответствующих общественных отношений,
- устранения правовых пробелов и коллизий,
- обеспечения безопасности человека и гражданина в цифровом пространстве,
- минимизации рисков в отношении персональных данных,
- исключения дискриминации граждан в связи с использованием цифровых технологий,
- устранения дублирования функций уполномоченных органов,
- установления гарантий безопасного применения искусственного интеллекта.

Одновременно с проектом Цифрового кодекса должна вестись синхронизированная работа по подготовке законопроекта о внесении изменений и дополнений в процессуальные и иные законодательные акты. ГПК РК тоже нуждается во включении новых норм,

---

20 Закон № 370 «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», 07.03.2003, https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000370_

21 Закон № 567 «О связи», 05.07.2004, https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000567_

22 Закон № 88-V «О государственных услугах», 15.04.2013, https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000088

23 Закон № 94-V «О персональных данных и их защите», 21.05.2013, https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094

24 Закон № 418-V ЗРК «Об информатизации», 24.11.2015, https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418

25 Проект Цифрового кодекса Республики Казахстан, апрель 2024, https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38933548&pos=12;-52#pos=12;-52

26 См., например: Пресс-служба Премьер-министра Республики Казахстан. (2024, 19 июня). *Разработку Цифрового кодекса обсудили в Правительстве с участием представителей международных организаций и компаний.* Официальный информационный ресурс Премьер-министра Республики Казахстан. https://primeminister.kz/ru/news/razrabotku-tsifrovogo-kodeksa-obsudili-v-pravitelstve-s-uchastiem-predstaviteley-mezhdunarodnykh-organizatsiy-i-kompaniy-28659; Пресс-служба Министерства цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности. (2023, 6 ноября). *В МЦРИАП обсудили проект Цифрового кодекса.* Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов [Казахстана]. https://www.gov.kz/memleket/entities/mdai/press/news/details/647893?lang=ru; *Цифровой кодекс: обсуждение начато.* (2024, 21 октября). https://mybuh.kz/news/tsifrovoy-kodeks-obsuzhdenie-nachato/

направленных на применение *IT* в судебном процессе. Солидарны с мнением о том, что следует особое внимание обратить на содержание некоторых принципов судопроизводства в целях обеспечения полной их реализации в онлайн-правосудии[27]. В частности, речь идет о принципах равенства всех перед законом и судом (ст. 13 ГПК РК), процессуального равноправия сторон (ст. 15 ГПК РК), гласности судебного разбирательства (ст. 19 ГПК РК), праве каждого быть выслушанным в суде (подп. 4 п. 3 ст. 77 Конституции Республики Казахстан[28]), принципе непосредственности и устности судебного разбирательства (ст. 186 ГПК РК). Наряду с этим полагаем, что полноценное электронное судопроизводство требует пересмотра ряда положений института доказывания и доказательств по гражданским делам, регулирующих, например, вопросы представления и исследования письменных доказательств, порядок допроса свидетелей[29]. Потребность во внесении изменений и дополнений в ГПК РК также обусловлена следующими факторами: необеспеченностью мобильным широкополосным доступом к Интернету в отдаленных районах страны и труднодоступных населенных пунктах; не всегда надлежащим качеством связи; недостаточным уровнем цифровой грамотности отдельных категорий граждан. Указанные обстоятельства влияют на формат судопроизводства и ход процесса, осуществляемого онлайн.

Кроме того, представляется, что есть необходимость в принятии Верховным Судом Республики Казахстан нормативного постановления[30] по вопросам применения судами норм гражданского процессуального законодательства об электронном судопроизводстве. В данном нормативном правовом акте следует отразить все вопросы, связанные с особенностями электронного правосудия по гражданским делам, учитывая проблемы практического, технического характера. Например, требуются разъяснения судам по основаниям отложения разбирательства дела (ведь технические неполадки могут стать препятствием для продолжения разбирательства в данном судебном заседании). Возникают также вопросы по реализации принципа гласности при осуществлении судопроизводства онлайн, в частности по обеспечению права граждан и представителей средств массовой информации на участие в открытых судебных заседаниях. В судебной практике имеется множество других вопросов по применению норм гражданского процессуального права, связанных со спецификой онлайн-судопроизводства. Они касаются всех стадий гражданского процесса. Поэтому нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан содействовало бы, с одной стороны, правильному применению судами гражданско-процессуальных норм, а с другой — надлежащему осуществлению процессуальных прав участников судебного производства и других лиц. В целом с учетом того, что более 95% гражданских дел рассматривается онлайн, это стало бы важнейшим правовым инструментом обеспечения законности и справедливости правосудия.

---

27 Сулейменова, Г. Ж. (2020, 24 ноября). *Некоторые проблемы рассмотрения уголовных дел в онлайн-судебном процессе в условиях пандемии*. Информационная система «Юрист». https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39053137

28 Конституция Республики Казахстан, принятая на республиканском референдуме 30 сентября 1995 г. (с изм. и доп.). https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_

29 Тукулов, Б. (б.д.). *Об основных особенностях и трудностях онлайн-правосудия в Казахстане*. TKS Disputes. https://tks.law/kz/publications/ob-osnovnyh-osobennostyah-i-trudnostyah-onlayn-pravosudiya-v-kazahstane

30 Согласно Закону № 480-V «О правовых актах», нормативные постановления Верховного Суда Республики Казахстан входят в систему законодательства (п. 1 ст. 4); относятся к основным видам нормативных правовых актов (подп. 5 п. 2 ст. 7); находятся вне иерархии нормативных правовых актов (п. 5 ст. 10); содержат разъяснения по вопросам судебной практики (п. 3 ст. 5) (Закон № 480-V, 06.04.2016, https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000480).

## Заключение

Безусловно, в современных условиях невозможно представить прогрессивное развитие общества и государства без применения информационных технологий. Это относится и к сфере правосудия. Высокий уровень использования в казахстанском судопроизводстве *IT* отмечается в обзорах *CEPEJ* за 2020 и 2022 гг. Осуществление гражданского судопроизводства онлайн дало следующие преимущества: оперативность и эффективность правосудия; открытость судебной деятельности; доступность правосудия; удобства для взаимодействия с судами; антикоррупционный эффект; облегчение и ускорение документооборота в судах; четкость делопроизводства. Важно, что сервисы и модули информационно-аналитических систем, применяемых в гражданском судопроизводстве, стали инструментами улучшения качества судебных решений, обеспечивая единообразие судебной практики и предсказуемость правосудия. С этой позиции вполне оправданы большие финансовые затраты государства на техническое обеспечение судов и создание информационно-аналитических систем, интегрированных с базами данных государственных органов и организаций.

Цифровизация казахстанского гражданского судопроизводства имела как позитивные, так и негативные последствия. Проблемы, особенно технического характера, проявились во время пандемии *COVID-19,* поскольку суды практически все гражданские дела стали рассматривать онлайн. В тот период техническое оснащение и программное обеспечение судов были гораздо хуже, нежели сейчас. В настоящее время, несмотря на достаточно высокий уровень внедрения *IT* в судопроизводство, в том числе использование искусственного интеллекта и(или) его элементов, работа в этом направлении продолжается. Вместе с тем преодолеть все проблемы не удалось. В частности, необходимо обеспечить всем лицам доступ к системе «Цифровая аналитика судебной практики», внедренной в 2022 г.

Другая проблема заключается в отставании правового регулирования от практического внедрения информационных технологий в судопроизводство, поэтому требуется адекватное сложившимся реалиям законодательство. При этом значимость должна быть придана регламентации единых подходов к становлению цифрового общества путем кодификации. Представляется, что есть все основания для принятия Цифрового кодекса Республики Казахстан, поскольку без систематизации правового регулирования общественных отношений в данной сфере невозможно преодолеть правовые пробелы и коллизии. Наряду с этим необходимо совершенствовать ГПК РК, поскольку судебное производство онлайн влияет на содержание отдельных принципов и институтов правосудия.

Кроме того, для обеспечения правильного применения судами норм об электронном гражданском судопроизводстве Верховному Суду Республики Казахстан необходимо провести обобщение судебной практики и на этой основе принять соответствующее нормативное постановление.

## Список литературы / References

1. Alenov, M. A. (2013). Vnedrenie v Kazakhstane elektronnogo pravosudiya: normativnaya osnova i perspektivy [Implementation of electronic justice in Kazakhstan: Regulatory framework and prospects]. *Pravo i Gosudarstvo,* (3), 71–73.

2. Yegezhanova, D. R. (2023). Nekotorye voprosy razvitiya i sovershenstvovaniya tsifrovogo obrazovaniya sudei [Some issues of development and improvement of digital education for judges]. *Vestnik Evraziyskogo Natsionalnogo Universiteta Imeni L.N. Gumileva. Seriya Pravo,* (2), 21–31.
3. Idrisheva, S. K. (2022). O Tsifrovom kodekse Kazakhstana [About the digital code of Kazakhstan]. *Pravo i Gosudarstvo,* (3), 72–87.

**Сведения об авторе:**

**Баймолдина З. Х.** — кандидат юридических наук, доцент, почетный профессор Академии правосудия при Высшем Судебном Совете Республики Казахстан, руководитель Астанинского центра Евразийского института экономико-правовых исследований Университет Нархоз, Алматы, Казахстан.
bkhamit20@mail.ru

**Information about the author:**

**Zauresh K. Baimoldina** — Ph.D. in Law, Associate Professor, Honorary Professor of the Academy of Justice under the High Judicial Council of the Republic of Kazakhstan, Head of the Astana Center of the Eurasian Institute of Economic and Legal Studies, Narxoz University, Almaty, Kazakhstan.
bkhamit20@mail.ru

https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-4

Check for updates

CC BY 4.0

ЭССЕ

# ОБРАЩЕНИЕ ВЗЫСКАНИЯ НА КРИПТОВАЛЮТУ В РАМКАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА: ВОЗМОЖНАЯ МОДЕЛЬ

**А. В. Незнамов**

Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева
620137, Россия, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

## Аннотация

С принятием Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательный акты Российской Федерации» цифровая валюта приобрела легальный статус, что создало предпосылки для обсуждения вопроса об обращении взыскания на нее в рамках исполнительного производства. Однако специфический механизм такого взыскания в Федеральном законе от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» закреплен не был. В связи с этим автором ставится цель предложить возможную модель обращения взыскания на криптовалюту в российском исполнительном производстве и описать факторы, в зависимости от которых такая процедура могла бы дифференцироваться. При этом в статье с позиций генетического и системного подхода анализируются отечественные доктринальные источники, действующее российское законодательство и подзаконные нормативные акты, Всемирный кодекс цифрового исполнения как акт «мягкого права», обобщающий опыт обращения взыскания на цифровые активы в различных правопорядках. Исследование позволило прийти к следующим основным выводам. Во-первых, ответ на вопрос о правовой природе криптовалют не имеет решающего значения для построения надлежащей модели обращения взыскания на цифровые валюты. Если в интересах принудительного исполнения цифровые валюты могут быть восприняты как бездокументарные ценные бумаги или дебиторская задолженность, это должно быть сделано. Во-вторых, в силу многообразия цифровых валют и их характеристик построение универсальной модели обращения взыскания на цифровые валюты вряд ли возможно. Поэтому обращение взыскания на них должно дифференцироваться в зависимости от ряда факторов. Исходя из вида цифровой валюты и складывающейся ситуации, обращение взыскания на криптовалюты может быть основано на общем порядке обращения взыскания на иное имущество (не денежные средства) или потребовать его встраивания в механизм исполнения неимущественных требований, не допускающих замену субъекта исполнения. В заключение выдвигается предположение о том, что, за исключением ряда узких мест, существующий инструментарий исполнительного производства достаточен для выстраивания механизма обращения взыскания на цифровую валюту. Построение такого механизма требует скорее точечного изменения законодательства и выстраивания методики принудительного исполнения в отношении цифровой валюты, чем полного переосмысления исполнительного производства. Однако эффективность принудительного исполнения за счет цифровых активов — это не только вопрос исполнительного производства,

но и вопрос создания контролируемых криптовалютных рынков, финансового и налогового контроля, информационного суверенитета. Поэтому выработка надлежащих правовых механизмов обращения взыскания на цифровую валюту в рамках исполнительного производства сама по себе не является гарантией эффективности данных механизмов на практике.

## Ключевые слова

криптовалюта, цифровая валюта, обращение взыскания на имущество, исполнительное производство, цифровые технологии

| | |
|---|---|
| **Конфликт интересов** | Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов. |
| **Финансирование** | Исследование не имеет спонсорской поддержки. |
| **Для цитирования** | Незнамов, А. В. (2024). Обращение взыскания на криптовалюту в рамках исполнительного производства: возможная модель. *Цифровое право, 5*(4), 55–66. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-4 |

Поступила: 05.10.2024, принята в печать: 30.11.2024, опубликована: 30.12.2024

**ESSAYS**

# FORECLOSURE ON CRYPTOCURRENCY IN THE ENFORCEMENT PROCEEDINGS: A POSSIBLE MODEL

**Alexandr V. Neznamov**

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
21, Komsomol'skaya St., Yekaterinburg, Russia, 620137

## Abstract

With the enactment of the Federal Law on Digital Financial Assets and Digital Currency in 2020, digital currency was regulated for the first time ever in Russia. This established the prerequisites for discussing the issue of foreclosure on digital currency in enforcement proceedings. However, no specific amendment for such a foreclosure has been made in the Federal Law on Enforcement Proceedings. In this regard, the article aims to propose a possible model of foreclosure on cryptocurrencies in Russian enforcement proceedings and describe the factors on which such a procedure would depend. From the standpoint of a genetic and systematic approach the article analyzes domestic doctrinal sources, current Russian legislation and bylaws, and the Global Code of Digital Enforcement as an act of "soft law" summarizing the experience of foreclosing on digital assets in various legal systems. The research allowed to arrive at the following main conclusions: 1) the answer to the question about the legal nature of cryptocurrencies is not crucial for creating an appropriate model of foreclosure on digital currencies. If, in the interests of enforcement, digital currencies can be perceived as undocumented securities or receivable debts, this should be done; 2) due to the variety of digital currencies and their characteristics, it is hardly possible to create a universal model of foreclosure on them. Therefore, there should exist different types of foreclosure depending on a number of factors. Depending on the type of digital currency, foreclosure on cryptocurrencies may be based on the general procedure for foreclosing on "other property assets" (i.e. non-

pecuniary assets), or require its integration into the mechanism for the enforcement of non-property claims that do not allow the replacement of the subject matter of enforcement. In conclusion, the author suggests that, with few exceptions, the existing tools of enforcement proceedings seem sufficient to create a mechanism for foreclosing on digital currency. In this sense, the development of such a mechanism requires to amend legislation on a case-by-case basis, as well as to set the methodology for enforcement in relation to digital currency, rather than a complete rethinking of enforcement proceedings. However, the effectiveness of enforcement through digital assets is also a matter of creating controlled cryptocurrency markets, financial and tax control, and information sovereignty. Therefore, the development of appropriate legal mechanisms for foreclosing on digital currency within the enforcement proceedings is not in itself a guarantee of the effectiveness of these mechanisms in practice.

## Keywords
cryptocurrency, digital currency, foreclosure on property, enforcement proceedings, digital technologies

| | |
|---|---|
| **Conflict of interest** | The author declares no conflict of interest. |
| **Financial disclosure** | The study has no sponsorship. |
| **For citation** | Neznamov, A. V. (2024). Foreclosure on cryptocurrency in the enforcement proceedings: A possible model. *Digital Law Journal*, *5*(4), 55–66. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-4 |

Submitted: 5 Oct. 2024, accepted: 30 Nov. 2024, published: 30 Dec. 2024

## Введение

Дематериализация гражданского оборота, безусловно, является одной из тенденций развития современного права. Все большее распространение цифрового имущества и цифровых средств расчета привело к тому, что, по некоторым данным, на 2022 г. в цифровых активах (в частности, в криптовалюте) хранилось до 1,2 трлн долл. США[1]; примерно 12% от этой суммы (214 млрд долл. США, или 16,5 трлн руб.) принадлежало россиянам[2].

С принятием федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательный акты Российской Федерации» (далее — ФЗ о ЦФА)[3] цифровая валюта[4] приобрела легальный статус, что, в свою очередь, создало предпосылки для обсуждения вопроса об обращении взыскания на такое имущество

[1] Безрукова, А. (2023, 20 сентября). *22 человека в мире накопили криптовалюту больше чем на $1 млрд.* РБК. https://www.rbc.ru/crypto/news/64f834aa9a794741f572b488

[2] Коммерсантъ. (2022, 1 февраля). Bloomberg: на долю россиян приходится 12% всей мировой криптовалюты. https://www.kommersant.ru/doc/5194088

[3] Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательный акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ. Собрание законодательства РФ, 2020 г. № 31. Ст. 5018 (Часть I).

[4] Следует отметить, что в терминологической паре «цифровая валюта — криптовалюта» имеется некоторая неопределенность, обусловленная различным пониманием содержания и предметных границ данных явлений. Отдавая себе отчет в нетождественности данных понятий, мы будем использовать термины «цифровая валюта», «криптовалюта», «криптоактивы», «криптовалютные активы» в качестве синонимов.

в рамках исполнительного производства. Однако специфический механизм такого взыскания в федеральном законе «Об исполнительном производстве»[5] (далее — ФЗ «Об исполнительном производстве») закреплен не был; законодательство об исполнительном производстве ограничивается лишь указанием на то, что для целей исполнительного производства цифровая валюта признается имуществом[6]. В то же время в научной литературе справедливо указывается на то, что криптовалюта представляет собой имущество особого рода (Yankovskiy, 2020, p. 50) и использование в отношении нее существующих механизмов обращения взыскания не всегда возможно и (или) эффективно.

Несмотря на наличие ряда исследований, специально посвященных вопросам регулирования цифровой валюты (см., в частности: Sannikova et al., 2020; Krokhina, 2023; Egorova, 2021), вопрос о надлежащей адаптации механизмов обращения взыскания, существующих в российском исполнительном производстве, к специфике данного имущества вряд ли можно считать исчерпывающе раскрытым.

Во-первых, криптовалюты многообразны, и до недавнего времени дискуссия развивалась преимущественно вокруг определения их правовой сущности, типологизации и надлежащего правового режима (Belykh & Bolobonova, 2019; Sannikova & Kharitonova, 2020; Yankovskiy, 2020), не затрагивая более частные вопросы. Во-вторых, даже авторы, интересующиеся обращением взыскания на цифровую валюту, зачастую рассматривают этот вопрос под совершенно определенным (как правило, соответствующим их предметной области) углом, практически не касаясь механизмов исполнительного производства (Shishmareva & En'kova, 2024). Как следствие, публикаций, раскрывающих этот вопрос применительно к исполнительному производству, единицы (Aksenov, 2021; Kozlachkov, 2022). В-третьих, даже в рамках обсуждения, специализированного на вопросах обращения взыскания на цифровую валюту в рамках исполнительного производства, некоторые тезисы представляются дискуссионными или не до конца раскрытыми.

Попытки адаптировать механизмы принудительного исполнения к реалиям современного оборота имеют место не только на национальном, но и на международном уровне. Так, в 2021 г. Международным советом судебных исполнителей (*International Union of Judicial Officers, UIHJ*) с участием в том числе российских представителей был принят «Всемирный кодекс цифрового исполнения». Принудительному исполнению за счет цифровых активов в нем посвящены части 5 («Исполнение в отношении цифровых активов») и 7 («Арест криптоактивов»)[7]. Данный документ, обобщающий опыт обращения взыскания на цифровые активы в различных правопорядках, полагаем, также может быть учтен при выработке подходов к данному вопросу в национальном законодательстве.

## Методология

Российское исполнительное производство обладает довольно разветвленным механизмом обращения взыскания на имущество, дифференциация которого зависит от целого ряда обстоятельств: существа исполняемого требования, физических, экономических и правовых свойств

[5] Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ. Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

[6] Часть 4 ст. 68 ФЗ «Об исполнительном производстве».

[7] Int'l Union of Jud. Officers [UIHJ], Global Code of Digital Enforcement (2021), переведен П. Д. Константиновым и опубликован в *Вестнике исполнительного производства*, (4), 13–39.

имущества, на которое обращается взыскание, правового статуса должника и т.д. (Kudryavtseva, 2015, pp. 27–28). Поэтому построение приемлемой модели обращения взыскания на цифровую валюту требует прежде всего установления свойств данного вида имущества и выявления среди них тех, которые могут повлиять на дифференциацию механизма обращения взыскания с точки зрения действующих норм российского исполнительного производства.

Между тем исполнительное производство в силу специфики целей, стоящих перед ним, зачастую очень прагматично и нередко отступает от теоретических соображений в пользу более быстрого и эффективного исполнения требований, нуждающихся в принудительном исполнении. Поэтому существующие механизмы обращения взыскания на имущество нуждаются в анализе также с точки зрения соответствия их «механики» и целевого предназначения потребностям обращения взыскания именно на цифровую валюту.

Таким образом, методология настоящего исследования определяется спецификой его предмета и заключается в использовании:

1) генетического метода, предполагающего установление сущностных характеристик криптовалюты с целью их последующего отражения в соответствующем правовом регулировании;
2) метода системного анализа, предполагающего рассмотрение механизма обращения взыскания как целостного, образованного рядом взаимосвязанных элементов.

## Результаты

Проведенное исследование позволило прийти к следующим основным выводам.

1. Несмотря на разнообразие мнений относительно правовой природы криптовалют (Yankovskiy, 2020), ответ на этот вопрос, как представляется, не должен иметь решающего значения для построения надлежащей модели обращения взыскания на цифровые валюты. В вопросах построения такой модели следует придерживаться прагматичного подхода. Если в интересах быстрого и эффективного принудительного исполнения цифровые валюты могут быть восприняты как бездокументарные ценные бумаги или дебиторская задолженность, полагаем, это должно быть сделано.
2. В силу многообразия цифровых валют (Sannikova & Kharitonova, 2020, pp. 119–123) и, соответственно, их характеристик построение универсальной модели обращения взыскания на цифровые валюты вряд ли возможно. Поэтому обращение взыскания на них должно дифференцироваться в зависимости от:
   - наличия/отсутствия у должника доброй воли на раскрытие информации о принадлежащих ему криптовалютных активах и на содействие в обращении взыскания на них;
   - централизованного/децентрализованного характера эмиссии и оборота цифровой валюты; подчинения/неподчинения оператора информационной системы, в которой обращается цифровая валюта, российскому регулятору;
   - возможности получения доступа к криптокошельку должника помимо его воли;
   - обеспеченности/необеспеченности криптовалюты реальными активами.

В зависимости от вида цифровой валюты и складывающейся фактической и правовой ситуации обращение взыскания на криптовалюты может быть основано на общем порядке обращения взыскание на иное имущество (не денежные средства) либо потребовать его встраивания в механизм исполнения неимущественных требований, не допускающих замену субъекта исполнения.

## Дискуссия

Действительное содержание механизма обращения взыскания на имущество, безусловно, шире его легального определения, закрепленного в ч. 1 ст. 69 ФЗ «Об исполнительном производстве». По смыслу ФЗ «Об исполнительном производстве» для обращения взыскания на имущество его необходимо найти, арестовать и, если требуется, изъять и либо оценить и реализовать, либо передать взыскателю.

Таким образом, из совокупности характеристик, которыми могут обладать криптовалюты, в рамках исполнительного производства нас могут интересовать только те, которые вносят какое-либо своеобразие в одну или несколько вышеобозначенных процедур. К их числу могут быть отнесены:

- цифровая форма (бестелесность);
- анонимность (или псевдонимность);
- приватность;
- децентрализованность и
- спекулятивность.

При этом вопрос о правовой сущности цифровой валюты в рамках рассматриваемой темы, полагаем, не имеет решающего значения. Единственное, вероятно, что важно с точки зрения исполнительного производства, то, что цифровая валюта не является денежными средствами, с чем после принятия ФЗ о ЦФА вряд ли кто-то спорит. В этом смысле сложившегося в науке и правоприменительной практике понимания цифровой валюты как иного имущества (Yankovskiy, 2020, pp. 50–52) для исполнительного производства вполне достаточно.

Достигнув вышеупомянутого понимания, рассмотрим, как указанные характеристики криптовалют влияют на дифференциацию процедуры обращения взыскания на них.

### Наличие/отсутствие у должника доброй воли на раскрытие информации о принадлежащих ему криптовалютных активах и на содействие в обращении взыскания на них

Поскольку цифровая валюта представляет собой совокупность данных (запись) в информационной системе[8], доступ к которой, к тому же, зачатую имеет только сам должник (приватность криптовалют), сведения о принадлежности должнику таких активов по общему правилу сложно получить традиционными средствами поиска имущества (запрос сведений об имуществе должника, осмотр места жительства или места нахождения должника[9]). Поэтому наличие у должника доброй воли на раскрытие информации о принадлежащей ему цифровой валюте и на содействие судебному приставу в обращении взыскания на нее может иметь решающее значение для процесса принудительного исполнения.

Способствовать возникновению у должника такой воли можно как уже предлагавшимися в науке мерами негативного (астрент (Kuznetsov, 2022)), косвенного принуждения (Aksenov, 2021), так и перспективными мерами позитивного воздействия, например путем освобождения должника от исполнительского сбора в той части, в которой раскрытые им криптоактивы покрывают требование взыскателя/взыскателей. Полагаем, что такая мера не только коррелирует со специфическими характеристиками криптоактивов (в частности,

[8] Часть 3 ст. 1 ФЗ о ЦФА.

[9] Пункты 2, 5, 6 ч. 1 ст. 64 ФЗ «Об исполнительном производстве».

их приватностью и анонимностью), но и вполне соответствует выработанному в российском праве пониманию исполнительского сбора как специальной меры ответственности, направленной, помимо прочего, на понуждение должника к добровольному исполнению требований[10].

При наличии у должника такой воли процесс обращения взыскания на данное имущество по сути будет мало чем отличаться от обращения взыскания на любое другое имущество должника (кроме денег) с той лишь разницей, что криптовалюту невозможно физически изъять. Эта особенность, впрочем, характерна и для других бестелесных активов и может быть преодолена аналогично — путем ограничения доступа должника к таким криптоактивам (например, изъятие физических носителей «бумажного» или «холодного ключа» или зачисление цифровой валюты на специальный криптовалютный счет ФССП России или специализированного хранителя (Aksenov, 2021)).

При отсутствии у должника воли на раскрытие информации о цифровой валюте и содействие судебному приставу в обращении взыскания на нее полноценно возникают проблемы и поиска криптоактивов, и идентификации их владельца, и доступа к таким активам. Соответственно, розыск цифровой валюты и последующее обращение взыскания на нее в такой ситуации потребует использования других средств принудительного исполнения, предусмотренных ФЗ «Об исполнительном производстве», о чем подробнее мы скажем далее.

## Централизованный/децентрализованный характер эмиссии и оборота цифровой валюты; подчинение/неподчинение оператора информационной системы, в которой обращается цифровая валюта, российскому регулятору

Как известно, криптовалюты могут быть централизованными и децентрализованными, т.е. иметь единый эмиссионный или операционный центр или не иметь[11]; эмитент и оператор информационной системы, в которой обращается криптовалюта (далее — криптовалютная биржа), могут как располагаться в российской юрисдикции и подчиняться российским законам, так и находиться за ее пределами и не подчиняться требованиям российских регуляторов.

Последующая дифференциация процедур обращения взыскания на криптовалюту должна происходить с учетом того, имеется ли у нее единый эмисионный и операционный центр и подчиняется ли он российской юрисдикции. Аналогичный подход к дифференциации процедуры исполнения, например, предлагается во Всемирном кодексе цифрового исполнения (процедура ареста цифровых активов с участием третьих лиц урегулирована подразделом 1 разд. «B» ч. 7, процедура ареста с участием должника — подразделом 2 разд. «B» ч. 7).

В случае централизованной эмиссии и оборота криптовалюты, подчинения криптовалютных бирж российскому регулятору обращение взыскания на цифровую валюту может быть построено на основе модели обращения взыскания на бездокументарные ценные бумаги: розыск валюты и идентификация ее владельца путем запроса информации у операторов[12];

---

10 Постановление Конституционного Суда РФ от 30 июля 2001 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона „Об исполнительном производстве“ в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества „Разрез «Изыхский»“». Собрание законодательства РФ. 2001. № 32. Ст. 3412.

11 Банк России. (2022). *Криптовалюты: тренды, риски, меры: доклад для общественных консультаций* (с. 6–9). https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf

12 Часть 1 ст. 6, п. 2 ч. 1 ст. 64 ФЗ «Об исполнительном производстве».

установление ограничения на распоряжение цифровой валютой через оператора информационной системы, в которой она обращается[13]; оценка цифровой валюты путем запроса цен у организаторов торговли[14]; реализация цифровой валюты на централизованных торгах[15].

Кроме взаимодействия с криптовалютными биржами, в плане розыска и идентификации владельца цифровых активов у судебного пристава-исполнителя также имеется очевидная с точки зрения ч. 6 ст. 14 ФЗ о ЦФА, ст. 86.5 НК РФ и постановления Правительства РФ «Об утверждении Правил ведения реестра лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, и Правил ведения реестра операторов майнинговой инфраструктуры»[16] возможность запросить такие сведения у ФНС России, хотя очевидно, что такой запрос будет продуктивен только в отношении участников полностью «белого» криптовалютного рынка.

В то же время исторически сложилось так, что большинство цифровых валют являются децентрализованными. Более того, несмотря на то что по смыслу ч. 1–3 ст. 14 ФЗ о ЦФА легальным в России признается оборот цифровой валюты, только полностью подконтрольный российской юрисдикции, большинство популярных криптовалютных бирж не соответствуют этому требованию. Поэтому в значительном числе случаев обращение взыскания на цифровую валюту в порядке, указанном выше, вряд ли возможно, что ведет к дальнейшей дифференциации процедуры обращения взыскания.

### Возможность получения доступа к криптокошельку должника помимо его воли

В литературе широко распространено мнение, что технология распределенного реестра делает невозможным доступ к криптоактивам лица без его на то согласия (Aksenov, 2021). С данной позицией можно согласиться лишь отчасти.

Во-первых, в заслуживающих доверие источниках можно встретить утверждение о том, что взлом криптокошелька (в том числе основанного на технологии распределенного реестра) *технически* возможен (Kozlachkov et al., 2022). Непонятно, впрочем, на какой стадии находится реализация данной технологии и, следовательно, насколько такой взлом возможен *фактически*. Кроме того, детальной проработки требует вопрос о надлежащей правовой процедуре такого взлома: кем и при каких обстоятельствах будет приниматься это решение, кем и как эти действия будут контролироваться, и т.п.

Во-вторых, как и любая другая технология, технология криптокошелька инфраструктурозависима и оставляет следы. В этом смысле материальные носители, используемые должником для доступа к криптокошельку, часто могут содержать всю информацию, необходимую для доступа к нему третьих лиц (так называемые бумажные и холодные ключи (Aksenov, 2021)). Изъяв такие носители, судебный пристав — исполнитель вполне может получить доступ к криптоактивам должника и обратить на них взыскание помимо его воли.

Поэтому, в целом соглашаясь с мыслью о том, что получить доступ к криптоактивам лица без его согласия сложно, полагаем, что при определенных обстоятельствах это все же возможно.

---

13 Статья 82 ФЗ «Об исполнительном производстве».

14 Часть 5 ст. 85 ФЗ «Об исполнительном производстве».

15 Части 3, 5–7 ст. 89 ФЗ «Об исполнительном производстве».

16 Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил ведения реестра лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, и Правил ведения реестра операторов майнинговой инфраструктуры» от 31 октября 2024 г. № 1464. Российская газета. 2024. 5 нояб.

Представляется, что в связи с этим процесс обращения взыскания на криптовалюту может дифференцироваться следующим образом[17]. В отсутствие доброй воли должника и информации о том, что принадлежащая должнику цифровая валюта обращается на криптовалютной бирже, подчиняющейся российскому законодательству, судебный пристав-исполнитель предпринимает усилия, направленные на самостоятельное получение доступа к криптокошельку должника: осматривает жилые и нежилые помещения, занимаемые должником, изымает и исследует принадлежащие ему носители информации, на которых могут содержаться ключи доступа. При этом, естественно, возникает вопрос, обладает ли ФССП России, особенно на низовом уровне, техническими, организационными и людскими (в смысле наличия квалифицированных специалистов) ресурсами, достаточными для такой деятельности. Как представляется, при нынешнем уровне обеспеченности ответ будет скорее отрицательным, чем положительным. В этом плане согласны, что одной из составляющих решения рассматриваемой проблемы должно стать создание если не отдельной функции «киберпристав» (Kozlachkov et al., 2022), то хотя бы специализированных подразделений, способных оказать судебному приставу-исполнителю информационную и техническую поддержку при осуществлении такого рода действий.

В то же время справедливости ради следует отметить, что и при нынешнем уровне технического и кадрового обеспечения ФССП России судебный пристав-исполнитель имеет возможность привлечь к осуществлению отдельных исполнительных действий специалиста, в том числе технического, на основании ст. 61 ФЗ «Об исполнительном производстве». Безусловно, с учетом затрат на привлечение таких специалистов это вряд ли можно рассматривать как постоянное, но вполне пригодно как временное (до создания в ФССП России соответствующих подразделений) решение обозначенной проблемы.

В случае если действия судебного пристава-исполнителя, направленные на получение такого доступа к криптокошельку, не дали результата, он переходит к более специализированной правовой процедуре. В основу данной процедуры, полагаем, может быть положена идея о том, что обращение взыскания на цифровую валюту в такой ситуации должно сочетать черты имущественного и неимущественного взыскания, причем не допускающего замену субъекта исполнения (Kudryavtseva, 2015), т.е. необходимо оказывать прогрессирующее воздействие на волю должника, как это предусмотрено статьей 105 ФЗ «Об исполнительном производстве», с целью понуждения его к самостоятельному исполнению требования за счет криптоактивов или предоставлению судебному приставу-исполнителю доступа к криптокошельку.

Естественно, мысль об использовании механизмов исполнения неимущественных требований для целей обращения взыскания на имущество, пусть даже и осложненного криптоэлементом, может вызвать возражения. Однако при подробном рассмотрении вряд ли данные возражения могут быть признаны обоснованными.

Во-первых, российское законодательство об исполнительном производстве и так признает возможность понуждения должника к добровольному исполнению требований имущественного характера мерами неимущественного характера (например, ст. 67, 67.1 ФЗ «Об исполнительном производстве»). Во-вторых, с исполнением требования за счет обращения взыскания на цифровую валюту аксиологически имеет место абсолютно та же ситуация, что и в случае с исполнением неимущественных требований, не допускающих «суррогатного» исполнения:

[17] Здесь мы сознательно опускаем вариант, при котором доступ к криптокошельку судебный пристав получает благодаря «криптоотмычке», поскольку, несмотря на авторитетность источника, в котором говорится о такой возможности, примеры подобного широкой публике пока продемонстрированы не были.

возможность исполнения требования не утрачена, но без воли должника его достичь невозможно. И коль скоро *пока* добиться принудительного исполнения за счет обращения взыскания на криптовалюту без воли должника мы не можем, нужно воздействовать на нее имеющимися правовыми средствами.

С учетом этого полагаем, что механизмы ст. 105 ФЗ «Об исполнительном производстве» вполне могут быть использованы и для целей обращения взыскания на цифровую валюту. Например, именно такой подход предлагается в ч. 9 Всемирного кодекса цифрового исполнения, где говорится, что национальное законодательство должно предусматривать меры воздействия на должника с целью побуждения его к сотрудничеству с судебным исполнителем при обращении взыскания на цифровые активы.

### Обеспеченность/необеспеченность криптовалюты реальными активами

Криптовалюты — это, как правило, чисто спекулятивный, ничем не обеспеченный актив[18]. В этом смысле при обращении взыскания на цифровую валюту по общему правилу требуется ее оценка специалистом-оценщиком (по аналогии с п. 2 или 3 ч. 2 ст. 85 ФЗ «Об исполнительном производстве»), а реализация производится посредством продажи.

Тем не менее к настоящему времени в обороте уже встречаются так называемые стейблкоины, т.е. криптовалюты, чья стоимость обеспечена возможностью обмена их на определенные активы либо привязкой их курса к стоимости определенных активов[19]. В этом смысле стейблкоины по экономическим свойствам приближаются к долговым[20] или производным ценным бумагам. Это вносит некоторые коррективы в процесс обращения взыскания на них. Так, если стоимость криптовалюты привязана к стоимости определенных рыночных активов (так называемая стабильная привязка[21]), то теоретически судебный пристав-исполнитель может оценить стоимость таких активов самостоятельно или в порядке ч. 5 ст. 85 ФЗ «Об исполнительном производстве», не прибегая к услугам специалиста-оценщика. Если же речь идет о стейблкоинах, обеспеченных реальными активами (в особенности, фиатными средствами, т.е. деньгами), вероятно, судебный пристав должен отдать приоритет не продаже таких активов, что может быть связано с отдельными трудностями, а обмену их на обеспечивающий актив (например, в порядке ст. 76 ФЗ «Об исполнительном производстве»).

Таким образом, вид криптовалюты, изъятой у должника, тоже может иметь значение для определения надлежащего порядка обращения на нее, и это должно быть отражено в законодательстве об исполнительном производстве.

## Заключение

Как видно, в целом, за исключением ряда узких мест (некоторые из которых, например проблема поиска криптовалюты и идентификации ее владельца, впрочем, довольно концептуальны), существующий инструментарий исполнительного производства представляется достаточным для выстраивания механизма обращения взыскания на цифровую валюту.

---

18 Банк России. (2022). *Криптовалюты: тренды, риски, меры: доклад для общественных консультаций* (с. 6–9). https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf

19 Там же.

20 Там же.

21 Перцовский, М. (2021, 3 февраля). *Предупреждение шторма. Какими бывают стабильные криптовалюты.* РКБ. https://www.rbc.ru/crypto/news/60126b5a9a7947b9675ef3f8

В этом смысле построение такого механизма требует, на наш взгляд, скорее точечного изменения законодательства и формирования методики принудительного исполнения в отношении цифровой валюты, чем полного переосмысления исполнительного производства, хотя и альтернативные предложения (Kozlachkov et al., 2022) требуют внимательнейшего изучения и осмысления. Другой вопрос, насколько такой механизм будет эффективен.

Эффективность принудительного исполнения за счет цифровых активов — это не только вопрос исполнительного производства, но и не в последнюю очередь вопрос создания прозрачных и контролируемых государством криптовалютных рынков, финансового и налогового контроля, информационного суверенитета. Поэтому даже выработка надлежащих правовых механизмов обращения взыскания на цифровую валюту в рамках исполнительного производства сама по себе не является гарантией высокой эффективности данных механизмов на практике. Эта проблема существует в мировом масштабе, и, насколько известно, еще ни одной стране не удалось решить ее в полном объеме.

## Список литературы / References

1. Aksenov, I. A. (2021). Obrashcheniye vzyskaniya na tsifrovuyu valyutu v ispolnitel'nom proizvodstve [Foreclosure of digital currency in enforcement proceedings]. *Zakony Rossii: Opyt, Analiz, Praktika*, (12), 35–42.
2. Belykh, V. S., & Bolobonova, M. O. (2019). Problemy opredeleniya pravovogo rezhima kriptovalyut [The problems of determining the legal regime for cryptocurrencies]. *Zhurnal Predprinimatelskogo i Korporativnogo Prava*, *3*(15), 23–28.
3. Egorova, M. A. (2023). Problemy sootnosheniya i pravovogo regulirovaniya kriptovalyuty, bitkoina, tsifrovoy i virtual'noy valyuty: Rossiyskiy i zarubezhnyy opyt [Problems of relationship and legal regulation of cryptocurrency, bitcoin, digital and virtual currency: Russian and foreign experience]. In M. A. Egorova (Ed.), *Kriptovalyuta kak sredstvo platezha: Chastnopravovoy i nalogovyy aspekty* (pp. 103–107). Prospekt.
4. Kozlachkov, A. A., Klimenko, S. A., Kharitonova, Yu. A., & Lauts, Ye. B. (2022). Kontseptual'naya model' obrashcheniya vzyskaniya na detsentralizovannyye nekastodial'nyye kriptovalyuty [The conceptual model of levy of execution on decentralized non-custodial cryptocurrencies]. *Predprinimatel'skoye Pravo*, (3), 42–49. https://doi.org/10.18572/1999-4788-2022-3-42-49
5. Krokhina, Yu. A. (2023). Kriptovalyuta — fakticheskiy ob"yekt grazhdanskikh prav [Cryptocurrency is a de facto object of civil rights]. *Uchenyye Trudy Rossiyskoy Akademii Advokatury i Notariata*, (2), 69–76.
6. Kudryavtseva, V. P. (2015). *Ispolneniye trebovaniy neimushchestvennogo kharaktera* [Execution of non-property claims]. Statut.
7. Kuznetsov, Ye. N. (2022). *Pravo na ispolneniye sudebnykh aktov v Rossiyskoy Federatsii* [The right to enforce judicial decisions in the Russian Federation]. Statut.
8. Sannikova, L. V., & Kharitonova, Yu. S. (2020). *Tsifrovyye aktivy: Pravovoy analiz* [Digital assets: A legal analysis]. 4 Print.
9. Shishmareva, T. P., & En'kova, E. E. (2024). Tsifrovyye aktivy kak ob"yekty vzyskaniya v protsedurakh bankrotstva [Digital Assets as objects of the recovery in the bankruptcy proceedings]. *Zhurnal Sibirskogo Federal'nogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki*, *17*(6), 1078–1087.
10. Yankovskiy, R. M. (2020). Kriptovalyuty v rossiyskom prave: Surrogaty, "inoye imushchestvo" i tsifrovyye den'gi [Cryptovalues in the Russian law: Surrogates, «other property» and digital money]. *Law Journal of the Higher School of Economics,* (4), 43–77. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.4.43.77

**Сведения об авторе:**

**Незнамов А. В.** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия.
avneznamov@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1305-6209

**Information about the author:**

**Alexandr V. Neznamov** — Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Civil Procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia.
avneznamov@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1305-6209

https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-2

Check for updates

CC BY 4.0

ЭССЕ

# ВЛИЯНИЕ ДИСТАНЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРА

**П. Д. Константинов**

Уральский государственный юридический университет
им. В.Ф. Яковлева
620137, Россия, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

## Аннотация

Внедрение в гражданский процесс современных инструментов, обеспечивающих дистанционные присутствие и реализацию всех процессуальных прав и обязанностей, позволяет сделать предположение, что традиционная форма участия прокурора в гражданском процессе подвергается трансформации. Одной из ключевых технологий, обеспечивающих наиболее передовую возможность участия в процессе судопроизводства по гражданским делам, является веб-конференция или онлайн-заседание. Примечательной особенностью данной технологии является возможность участвовать в судебном заседании «в кликовой доступности», не выходя из дома. Выделяемые характеристики данной технологии позволяют сделать предположение об ограничении оснований для обращения прокурора в суд в защиту граждан и последующего участия в судебном заседании. Широкие возможности для повышения гласности и доступности правосудия при использовании рассматриваемой технологии могут иметь оборотную сторону, которую следует очертить и выделить проблемные точки, необходимые для проработки возможности участия прокурора в гражданском процессе при происходящей и активно развивающейся цифровизации. Исследование преследует цель выявления характера и направленности влияния технологии онлайн-заседания на роль прокурора, обращающегося в суд в защиту прав, свобод и законных интересов граждан. Ключевой особенностью данного исследования является применение индукционного метода, дающего возможность абстрагироваться от иных информационных технологий, использующихся в области гражданского процесса. Напротив, сделан акцент на конкретной технологии для выявления новых возможностей и рисков, открывающихся перед вызовами новой цифровой реальности. Кроме того, в исследовании использовались формально-юридический метод, который проявлялся в анализе соответствующего нормативного регулирования, логический метод для изложения и формирования итогов проведенного анализа. По итогам проведенного анализа были сделаны следующие выводы: 1) веб-конференция (онлайн-заседание) оказывает значительное влияние на принципы гласности, доступности и равенства; 2) веб-конференция (онлайн-заседание) позволяет наиболее чувствительным слоям населения дистанционно участвовать в судебном заседании, контролируя качество оказания юридической помощи со стороны прокурора; 3) факультативный характер использования веб-конференции (онлайн-заседания) не оправдывает гипотезу о сокращении категорий граждан, в защиту интересов которых прокурор может обратиться в суд; 4) использование веб-конференции (онлайн-заседания) повышает гласность деятельности органов прокуратуры за счет контроля со стороны материального истца за ходом разбирательства и качеством оказания юридической помощи.

## Ключевые слова
гражданский процесс, цифровизация, информационные технологии, прокурор, дистанционное правосудие, веб-конференция, онлайн-заседание

| | |
|---|---|
| **Конфликт интересов** | Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов. |
| **Финансирование** | Исследование не имеет спонсорской поддержки. |
| **Для цитирования** | Константинов, П. Д. (2024). Влияние дистанционного правосудия на деятельность прокурора. *Цифровое право, 5*(4), 67–78. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-2 |

Поступила: 15.10.2024, принята в печать: 12.11.2024, опубликована: 30.12.2024

**ESSAYS**

# THE IMPACT OF "DIGITAL JUSTICE" ON THE ROLE OF THE PROSECUTOR

**Pavel D. Konstantinov**

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolskaya St., Ekaterinburg, Russia, 620137

## Abstract
The introduction of modern tools in civil proceedings, providing remote presence and realization of all procedural rights and obligations, suggests that the traditional form of participation of the prosecutor in civil proceedings is undergoing transformation. One of the key technologies that provide the most advanced possibility of participation in the process of proceedings in civil cases is web-conferencing or online meeting. A notable feature of this technology is the ability to participate in a court hearing "in click accessibility" from the comfort of one's own home. The highlighted characteristics of this technology suggest that there are limited grounds for the prosecutor to apply to the court in defense of citizens and then participate in the court session. Wide opportunities for increasing the publicity and accessibility of justice with the use of the technology under consideration may have a downside, which should be outlined and the problematic points necessary to elaborate the possibility of prosecutor's participation in civil proceedings in the ongoing and actively developing digitalization. The study aims to identify the nature and direction of the impact of online court technology on the role of the prosecutor applying to the court in defense of the rights, freedoms and legitimate interests of citizens. A key feature of this study is the application of the inductive method, which makes it possible to abstract from other information technologies used in the field of civil procedure. On the contrary, emphasis is placed on a specific technology in order to identify new opportunities and risks offered by the challenges of the new digital reality. In addition, the study used the formal-legal method, which manifested itself in the analysis of the relevant normative regulation, the logical method for the presentation and formation of the results of the conducted analysis. The following conclusions were made based on the results of the analysis: 1) web-conference (online hearing) has a significant impact on the principles of publicity, accessibility and equality; 2) web-conference (online hearing) allows the most sensitive segments of the population to remotely participate in a court hearing, controlling the quality of legal assistance provided

by the prosecutor; 3) the optional nature of the use of web-conference (online hearing) does not justify the hypothesis of reducing the categories of citizens in defense of whose interests the prosecutor can appeal to the court; 4) the use of web conferencing (online sessions) increases the publicity of the activities of the prosecutor's office due to the control by the material plaintiff over the course of the proceedings and the quality of legal assistance.

## Keywords
civil procedure, digitalization, information technology, prosecutor, remote justice, web-conference, online session

| | |
|---|---|
| **Conflict of interest** | The author declares no conflict of interest. |
| **Financial disclosure** | The study has no sponsorship. |
| **For citation** | Kostantinov, P. D. (2024). The impact of "digital justice" on the role of the prosecutor. *Digital Law Journal, 5*(4), 67–78. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-2 |

Submitted: 15 Oct. 2024, accepted: 12 Nov. 2024, published: 30 Dec. 2024

## Введение

Волнообразное развитие информационных технологий постепенно охватывает всё большие стороны той или иной юридической деятельности. Применительно к области гражданского процесса влияние цифровизации не сильно отличается — появляются новые информационные технологии, которые в том или ином виде трансформируют не только совершение отдельных процессуальных действий, но и значительным образом влияют на весь процесс отправления правосудия по гражданским делам.

Примечательным при этом является концентрация внимания на цифровом обновлении деятельности органов прокуратуры. В подавляющем большинстве исследований сопоставление цифровизации судебных и прокурорских органов происходит в уголовно-процессуальном аспекте (Tabolina, 2019, pp. 34–38; Shakir'yanov & Gavrilov, 2019, pp. 65–69), практически не охватывая гражданско-процессуальный.

Становление начального этапа дистанционного правосудия известно достаточно давно и связано с внедрением в 2013 году одной из специфических форм судебного поручения[1] — видео-конференц-связи (Mironova, 2021, pp. 35–36). 2020-е годы знаменуются, кроме прочего, развитием данной модели участия в судопроизводстве. Начиная с уже достаточно прижившегося в ткани гражданского процесса инструмента видео-конференц-связи, распространение коронавирусной инфекции послужило толчком для внедрения и масштабного распространения системы веб-конференции. Весной 2020 года данная система была апробирована Верховным Судом (Borokhova, 2021, p. 7; Gaymaleeva, 2020, p. 30) и получила сначала нормативное закрепление на подзаконном уровне[2], затем и в Гражданском процессуальном

[1] Постановление Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 № 228-ФЗ "О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации"» № 12 от 17.02.2011. Вестник ВАС РФ, 2011, № 4.

[2] Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ «Об ограничительных мерах в судах в целях противодействия распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» (с изменениями и дополнениями) от 8 апреля 2020 г. № 821 (документ утратил силу)

кодексе Российской Федерации (далее — ГПК РФ) в статье 155.2, введённой в действие в 2021 году[3].

Возможность использования как видео-конференц-связи, так и веб-конференции (онлайн-заседания) обуславливает закрепление в теории модели неординарного участия лиц, участвующих в деле, — дистанционного правосудия. Одним из неоспоримых плюсов, которые будут положены в основу дальнейшего рассуждения, является возможность дистанционного участия в судебных заседаниях лиц с ограниченными возможностями (Vasilieva, 2020, p. 541; Gelieva, 2021, pp. 105–106; Vasilenko, 2021, p. 87; Abdulselimova & Kupriyanova, 2021, p. 8; Dolzhenko, 2022, p. 208).

Тем не менее нам представляется, что сосуществование двух инструментов внутри модели дистанционного правосудия — видео-конференц-связи и веб-конференции — является временным явлением. Характерные особенности использования данных технологий одинаковые: обеспечить возможность лицам, участвующим в деле, присутствовать в судебном заседании и эффективно реализовывать свои процессуальные права и обязанности. При этом ключевое различие проявляется в территориальном аспекте: либо зал судебного заседания с необходимостью привлечения помощника судьи соответствующего суда, либо любая географическая точка, обеспечивающая возможность постоянного доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Представляется, что потенциальная реализация отдаленной перспективы появления в российском праве «электронного дела» в его максимальном, схожим с передовым иностранным опытом, понимании[4], может происходить в том числе именно через систему веб-конференции, что определяет как теоретическую, так и практическую значимость данной технологии не только для традиционных судебных процедур, но и для реализации более смелых перспектив.

При этом необходимо сделать одну оговорку. Что автономная реализация технологии веб-конференции (онлайн-заседания), что включение этой технологии в состав более сложной нуждается в отдельном акцентировании и проработке. Учет количественного критерия при проведении большого количества исследований на схожую тематику (Branovickij, 2019, p. 6)[5], а также частый уклон на кумулятивный эффект от широкой реализации идеи информатизации судопроизводства (Chaduteau, 2018, p. 77; De Marcellis-Warin & Warin, 2017, p. 72; Épineuse & Garapon, 2018, p. 19; Khabriyeva, 2018, pp. 4–5; Talapina, 2018, p. 10) упускает из виду момент наиболее полного учета плюсов и минусов отдельно взятой технологии, а также оказываемого влияния на ту или иную область профессиональной деятельности отдельных представителей юридической профессии.

На наш взгляд, перевод вектора внимания с масштабного явления цифровизации на отдельно взятую технологию или модель использования этой технологии позволит более

---

3 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 137-ФЗ (ред. от 26.10.2024). Собрание законодательства РФ.18.11.2002, № 46, Ст. 4531.

4 Kashanin, A. V., Kozyreva, A. B., Kurnosova, N. A., & Malov, D. V. (2020). Informatsionnye tekhnologii v pravosudii: Sostoyanie i perspektivy. Rossiya i mir. Analiticheskij doklad [Information Technologies in Justice: Status and Prospects. Russia and the World. Analytical report] (p. 15–16). Tsentr razvitiya sovremennogo prava [Center for the Development of Modern Law]. https://ilr.hse.ru/data/2020/07/14/1597449494/%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B8%20%D0%B2%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B8%D0%B8.pdf

5 См., также: Солдатова, А. (2012). *Электронные технологии в гражданском процессе: российский и зарубежный опыт.* https://zakon.ru/blog/2012/1/31/elektronnye_texnologii_v_grazhdanskom_processe_rossijskij_i_zarubezhnyj_opyt

взвешенно подойти к выводу о её трансформирующем воздействии и, соответственно, необходимости сохранения/развития/дополнения данной технологии в процессе судопроизводства по гражданским делам. Кроме того, данная модель анализа позволяет сохранить существующую модель судопроизводства в качестве естественной границы влияния на систему принципов гражданского процесса, а также выделить возможные векторы трансформации юридической функции среди специалистов, осуществляющих защиту нарушенных интересов граждан.

Пожалуй, наиболее видным представителем в данном контексте является прокурор. ГПК РФ в части 1 статьи 45 закрепляет его право на обращение в суд с исковым заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан. Реализация данного правомочия прокурора не является абсолютной — закон устанавливает конкретные основания для реализации обсуждаемой правозащитной функции. Так, прокурор может обратиться в суд с исковым требованием в чужом интересе в случае, если гражданин по состоянию здоровья, дееспособности, возрасту и иным уважительным причинам не может самостоятельно защитить свои нарушенные права, свободы и законные интересы.

Практика реализации данной функции прокурора показывает, что часть 1 статьи 45 ГПК РФ применяется в том числе в тех случаях, когда физические/психические и прочие особенности гражданина не позволяют ему ни обратиться к органам прокуратуры, ни физически добраться до места проведения судебного заседания.

Проблемным аспектом, который ставится на обсуждение в данной статье, является соотношение данных оснований для обращения прокурора в суд в защиту чужого интереса и возможность применения дистанционного правосудия.

Исходя из изложенного, допустимо выделить несколько вопросов, имеющих важное значение:

1) Распространяется ли трансформирующая роль веб-конференции на принципы гражданского процесса?
2) Влияет ли данная трансформация на возможность реализации процессуальных прав и обязанностей обычных участников гражданского процесса?
3) Сопровождается ли данный трансформационный эффект сужением возможностей прокурора по обращению в суд в качестве процессуального истца?

## Результаты

Реализация наиболее передового инструмента дистанционного правосудия — веб-конференции (онлайн-заседания) — оказывает значительное влияние на систему принципов гражданского процесса.

Интерес в данном случае для нас представляет описание трансформирующего эффекта на принципы гласности, доступности и равенства.

Реализация принципа гласности при использовании рассматриваемой технологии выходит на новый уровень по нескольким направлениям:

1) Легитимация. Для того чтобы подтвердить надлежащую явку, нет необходимости явиться в суд, пройти через процедуру проверки личности, процессуального статуса и полномочий лица, участвующего в деле. Все эти процедуры происходят посредством авторизации через специализированные сервисы, что исключает необходимость дополнительной проверки;

2) Свобода участия. Дистанционное судопроизводство обеспечивается в результате удовлетворения ходатайства об участии в судебном заседании посредством использования веб-конференции (участия в онлайн-заседании). Правила подключения просты, а участие в таком судебном заседании не требует знаний использования гаджетов выше базового уровня.

Стоит также отметить значительное укрепление реализации принципа доступности правосудия. Традиционно данный принцип подразделяется на несколько аспектов: физический, информационный, субъективный. На наш взгляд, наибольшее влияние оказывается на физический фактор доступности. Блестящая мысль И. Бентама: «Суд должен быть устроен так, чтобы каждый простой человек мог столь же легко найти туда дорогу, как находит ее в церковь» (Bentham, 1860, p. 23) — здесь находит новое звучание. Цифровой способ может послужить прекрасной альтернативой и значительно упростить путь к обращению в суд за судебной защитой.

Соответственно, необходимо признать, что использование механизма онлайн-правосудия в значительной степени трансформирует традиционное представление о способах участия в судопроизводстве по гражданским делам.

Однако данное обстоятельство имеет и оборотную сторону. Не всегда реализация новых технологий входит в гармонию с ритуальностью гражданского процесса. Все чаще фиксируются случаи участия представителей по гражданским делам в судебном заседании при вождении автомобиля или на отдыхе в одежде несоответствующего стиля. Суды стали воспринимать такие аспекты как нарушение порядка судебного заседания, санкцией за которое может являться предупреждение и последующее отключение лица, участвующего в деле, от онлайн-заседания[6].

Можем ли мы в данном случае говорить об обратном примере, когда для поддержания надлежащего порядка материального истца не только можно, но и нужно привлекать в процесс хотя бы при использовании веб-конференции (онлайн-заседания)?

Многочисленные отечественные и зарубежные исследования проводят сопоставительный анализ цифровизации правосудия по гражданским делам и принципа равенства в его широком понимании, включающем равные возможности использования своих процессуальных прав и обязанностей.

Ключевой особенностью, в том числе и этих исследований, является, кажется, уже становящаяся аксиоматичной идея о необходимости сохранения основных начал гражданского процесса — системы принципов. Применительно к принципу равенства хотелось бы отметить следующее.

Надлежащая реализация принципа равенства заключается в буквальном его прочтении — равные процессуальные права и обязанности. Однако каким образом должно действовать процессуальное законодательство в случае, если реализация данных прав и обязанностей затруднительна не по законодательным или правоприменительным причинам, а вследствие физических, психических и проч. причин, непосредственно связанных с самим человеком?

Представляется, что данный аспект и был положен в основу построения части 1 статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, наделяя прокурора

[6] Из выступления Чуракова И.В., заместителя председателя Арбитражного суда Свердловской области, «Процессуальные проблемы использования веб-конференции в суде» на круглом столе «Электронное правосудие», проведенном ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева» 10.10.2024 г.

возможностью обретения роли процессуального истца в случае, если он обращается в защиту «чувствительного» слоя населения.

Иными словами, фактическая невозможность надлежащего использования своих процессуальных прав и обязанностей привела к необходимости появления специального статуса, позволяющего устранить данную проблематику. Подходящим для этого органом, с учетом его полномочий и целей деятельности, является в том числе прокуратура.

## Дискуссия

### Является ли технология веб-конференции (онлайн-заседания) дополнительной мерой по поддержке таких граждан?

На наш взгляд, ответ на этот вопрос очевидно положительный, поскольку, в первую очередь не требует физического присутствия в суде, что, по крайней мере, для части «чувствительного» слоя населения является главным препятствием для защиты своих нарушенных прав, свобод и законных интересов в суде.

На основании уже вышеизложенного можно прийти к выводу, что технология веб-конференции (онлайн-заседания) в данном случае является наиболее простым способом обеспечить явку в судебное заседание, пусть и в дистанционном режиме. Дистанционная явка при этом не может выступать в качестве негативного и несовершенного способа участия лица, участвующего в деле. Данная мысль, к слову, отражает позицию Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ)[7], который не видит разницу между личным присутствием в суде или через дистанционные технологии с точки зрения состязательности и равноправия (Afanas'ev, 2021, p. 144).

### Ослабевают ли процессуальные возможности прокурора?

Данный вопрос нуждается в уточнении. Во-первых, реализация полномочий, указанных в части 1 статьи 45 ГПК РФ зависит от первоначального обращения в прокуратуру указанных граждан либо при выявлении необходимости защиты чужих интересов при невозможности этих граждан обратиться ни в прокуратуру, ни в суд. В этой связи данное действие не совсем корректно будет рассматривать как процессуальную возможность, скорее как служебную обязанность, закрепленную в статьях процессуальных кодексов и специализированном законодательстве, в том числе ведомственных актах Генеральной прокуратуры (в первую очередь в приказе Генеральной прокуратуры от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве»).

Во-вторых, при разрешении обращения граждан и рассмотрения возможности подачи искового заявления в суд в защиту чужого интереса прокурор проверяет невозможность защитить свои права самостоятельно либо специфическую область правоотношений, открывающих прокурору возможность осуществить защиту независимо от каких-либо других условий.

При таких обстоятельствах получается, что, зная о введении в процессуальные нормы возможности использования веб-конференции (онлайн-заседания), прокурор должен отказать гражданину в предъявлении искового заявления в защиту его интересов с одновременным разъяснением его права участвовать в суде в дистанционном режиме.

Данная мера нам представляется чрезмерной. «Чувствительность» определенного слоя граждан, как правило, невозможно установить на основании лишь одного критерия;

[7] Shtukaturov v. Russia, App. No. 44009/05 (March 27, 2008). https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-85611

зачастую гражданин обладает сразу несколькими признаками, позволяющими определить его правовой статус в качестве такового. При таких обстоятельствах отказ прокурора от защиты их интересов будет представляться неоправданным и не соответствующим целям деятельности органов прокуратуры, изложенных в части 3 статьи 1 и части 3 статьи 35 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» и части 1 статьи 45 ГПК РФ.

Кроме того, норма, закрепленная в статье 155.2 ГПК РФ закрепляет несколько условий для дистанционного участия в судебном заседании: подача ходатайства и *наличие в суде технической возможности осуществления веб-конференции*. Несмотря на то что последнее условие содержит обширный критический отклик (Solovieva, 2021, p. 54), изменений рассматриваемая норма не претерпевает. Отсюда неизбежен вывод, что использование веб-конференции (онлайн-заседания) не является обязанностью суда, в связи с чем гражданин не всегда в силу только своего волеизъявления может использовать данный инструмент дистанционного правосудия. Факультативный характер этого способа участия в судебном заседании не позволяет заложить его в качестве основы для сужения субъектного состава лиц, в защиту интересов которых прокурор может обратиться в суд.

### Появление нового способа дистанционного участия в судебном заседании не повлияло на фактическое положение дел?

Действительно, если посмотреть на ситуацию под углом описанного выше, может сложиться представление, при котором веб-конференция (онлайн-заседание) не оказывает ни позитивный, ни негативный эффект ни для прокурора, обращающегося в суд в защиту чужого интереса, ни для граждан, интересы которых прокурор представляет.

Однако такое утверждение всё же представляется дискуссионным. В данном случае высвечивается аспект, ранее находящийся в тени правового анализа — может ли гражданин, в защиту интересов которого обратился прокурор, участвовать с ним в процессе?

Если ранее, при традиционной форме участия прокурора, мог возникнуть закономерный вопрос о целесообразности что присутствия прокурора, что осуществления им своих полномочий в рамках данного гражданского дела, то сейчас данный вопрос рискует набрать больший удельный вес.

### Какой смысл нахождения прокурора в процессе, если в дистанционном режиме находится материальный истец?

Ключевым направлением для продолжения рассуждения, по нашему мнению, является различие их процессуальных прав и обязанностей. Часть 2 статьи 45 ГПК РФ закрепляет правило, согласно которому при отказе прокурора от заявления, поданного в защиту законных интересов другого лица, рассмотрение дела по существу продолжается, если это лицо или его законный представитель не заявит об отказе от иска.

Из данной нормы можно выявить несколько моментов. Во-первых, наличие законного представителя также должно изначально поставить вопрос о целесообразности осуществления прокурором своих функций. Однако данный аспект не находит критического сопротивления, что позволяет сделать вывод о том, что наличие законного представителя никак не влияет на служебный интерес прокурора. Данное регулирование выстроено потому, что основой выступает не сам факт отсутствия законного представителя, а именно «чувствительный» статус гражданина, наделяющий прокурора данным, можно сказать, социальным полномочием.

Соответственно, и законный представитель, и прокурор могут реализовывать свои процессуальные права в пределах их процессуального статуса.

Во-вторых, отказ процессуального истца не влияет на существо заявленных требований. Пока материальный истец настаивает на продолжении рассмотрения дела, оно будет рассмотрено, с прокурором или без. Данная особенность в различии их процессуальных статусов является ключом к дальнейшему изложению и формулированию выводов. Статус прокурора производен от статуса материального истца, в защиту законных интересов которого он обращается.

Соответственно, разновариативность в использовании процессуальных прав и обязанностей предполагает возможность одновременного нахождения данных субъектов в судебном процессе без нарушения каких-либо процессуальных норм.

## Новая возможность для материального истца?

Использование системы веб-конференции (онлайн-заседания) в действительности не является каким-то новым инструментом, в значительной степени трансформирующим представление о процессе отправления правосудия по гражданским делам. Она является моделью, обеспечивающей не фактическое, но юридическое присутствие в судебном заседании, в связи с чем критическое сравнение целесообразно проводить не только с точки зрения сравнения моделей «не присутствует» или «присутствует дистанционно», но сюда же стоит добавить «присутствует очно».

Более конкретизируя мысль, учитывая вышеизложенную позицию Европейского суда по правам человека, можно провести знак равенства между «присутствует дистанционно» и «присутствует очно». В таком случае, в чем же заключается категорическая разница, если представляемое прокурором лицо присутствует (любым способом) или не присутствует в судебном заседании?

Пожалуй, главное различие в данном случае одно — способность материального истца осуществлять некоторый квазиконтроль за деятельностью прокурора. Таким образом, использование веб-конференции (онлайн-заседания) в данном случае повышает гласность деятельности органов прокуратуры, позволяя материальному истцу через экран гаджета проследить за качеством осуществления прокурором своей функции. Тем самым в большей степени реализуется цель правового воспитания, что имеет очень далеко идущее значение, поскольку теперь гражданин имеет более чем реальную возможность не только ждать судебного постановления по своему вопросу, но и непосредственно наблюдать, каким именно образом защищаются его права в каждом конкретном случае. Кроме того, присутствие материального истца в судебном заседании способствует более оперативному и полноценному установлению фактических обстоятельств, необходимых для разрешения дела.

Со стороны прокурора, соответственно, повышается служебная ответственность перед гражданином, законные интересы которого он защищает в процессе. Таким образом, вторая грань проявления принципа гласности — общественный контроль за работой прокуратуры — получает новое звучание постольку, поскольку добавляет в качестве субъектов данного контроля гражданина, не ограничиваясь средствами массовой информации (Ergashev, 2023, pp. 71–74).

## Заключение

Рассмотрение информационных технологий под углом индукционного подхода имеет неоспоримое преимущество — возможность автономного анализа влияния конкретной технологии на ту или иную область гражданского процесса, ту или иную функцию, относящуюся к определенной правовой профессии. Веб-конференция (онлайн-заседание) является одним из факультативных инструментов дистанционного правосудия, позволяющего участвовать в судебном заседании в любом месте, обеспечивающим постоянное подключение к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Применение данной технологии повышает гласность и доступность правосудия, но одновременно с этим ставит вопросы о возможной трансформации функции прокурора по обращению в суд в защиту прав, свобод и законных интересов лиц в порядке части 1 статьи 45 ГПК РФ.

Проведенный анализ показал несостоятельность доводов о сокращении оснований для обращения прокурора в суд за защитой прав, свобод и законных интересов граждан в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 45 ГПК РФ. Напротив, нахождение (разными способами) в процессе и процессуального, и материального истца способствует более оперативному и полному выяснению обстоятельств, необходимых для разрешения спора. Кроме того, использование веб-конференции (онлайн-правосудия) свидетельствует о повышении гласности для указанных лиц, поскольку обеспечивает возможность непосредственного наблюдения граждан за осуществлением прокурором своих процессуальных прав и обязанностей, а также повышает фактор ответственности сотрудников органов прокуратуры перед гражданами, в интересах которых они обратились в суд.

## Список источников / References

1. Abdulselimova, A. R., & Kupriyanova, M. Y. (2021). Primenenie videokonferentssvyazi v grazhdanskom protsesse [Application of videoconferencing in civil proceedings]. In A. A. Inyushkin (Ed.), *Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki [Topical issues of modern science]* (pp. 7–11).
2. Afanas'ev, S. F. (2021). K voprosu o primenenii distantsionnyh tekhnologij po grazhdanskim i administrativnym delam v kontekste printsipov sostyazatel'nosti i ravnopraviya storon [On the use of distance technologies in civil and administrative cases in the context of the principles of adversarial proceedings and equality of arms]. *Pravovaya Politika i Pravovaya Zhizn'*, (1), 141–148.
3. Bentham, J. (1860). *O sudoustroystve [On the judicial system]*. Tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata.
4. Borokhova, N. E. (2021). K voprosu o vozmozhnosti ispol'zovaniya otdel'nyh vidov tsifrovyh tekhnologij v ugolovnom sudoproizvodstve [On the possibility of using certain types of digital technologies in criminal proceedings]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Pravo [Bulletin of South Ural State University. Series "Law"]*, *21*(2), 7–12. https://doi.org/10.14529/law210201
5. Branovickij, K. L. (2019). Sootnoshenie ponyatij kachestvo i tsifrovizaciya pravosudiya [Relationship between the concepts of quality and digitalisation of justice]. *Arbitrazhnyj i Grazhdanskij Process*, (7), 3–7.
6. Chaduteau, O. (2018). Panorama des legaltechs [Overview of legaltechs]. *Enjeux Numériques [Digital Issues]*, (3), 77–80.
7. De Marcellis-Warin, N., & Warin, T. (2017). Entre possibilités et risques: À la recherche d'un nouvel équilibre [Between opportunities and risks: in search of a new balance]. *Gestion [Management]*, *42*(1), 72–75. https://doi.org/10.3917/riges.421.0072

8. Dolzhenko, N. I., Pishchulina, A. S., & Chu, K. C. (2022). Problemy i perspektivy vnedreniya tehnologij iskusstvennogo intellekta v sudebnuyu deyatel'nost' [Problems and prospects of introducing artificial intelligence technologies in judicial activities]. In *Aktual'nye problemy gosudarstvenno-pravovykh preobrazovanij v Rossii: Istoriya I sovremennost' [Topical problems of state-legal transformations in Russia: History and modernity]* (pp. 207–209). Belgorodskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet.
9. Épineuse, H., & Garapon, A. (2018). Les défis d'une justice à l'ère numérique de « stade 3 » [The challenges of 'stage 3' justice in the digital age]. *Enjeux Numériques*, (3), 16–19.
10. Ergashev, E. R. (2023). *Prokurorskij nadzor v Rossijskoj Federatsii [Prosecutor's control in the Russian Federation]* (2nd ed.). Yurait.
11. Gaymaleeva, A. T. (2020). Tsifrovizaciya sudebnoj sistemy: Analiz tendentsij razvitiya protsessual'nogo zakonodatel'stva [Digitalization of the judicial system: Analysis of trends in the development of procedural legislation]. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, *16*(4-2), 28–39. https://doi.org/10.33184/pravgos-2020.4.21
12. Gelieva, I. N. (2021). O nekotorykh voprosah primeneniya videokonferents-svyazi v deyatel'nosti sudov obshchej yurisdiktsii [On some issues of application of video conference communications in the activities of courts of general jurisdiction]. In *Pravovoj Vzglyad: Sbornik Statej Ii Mezhdunarodnoj Nauchno-Prakticheskoj Konferencii [Legal View: Collection of Articles of the II International Scientific and Practical Conference]* (pp. 105–108). Nauka i Prosveshchenie [Science and Enlightenment].
13. Khabriyeva, T. (2018). Pravo pered vyzovami tsifrovoj real'nosti [Law facing the challenges of digital reality]. *Journal of Russian Law*, *6*(9), 5–16. https://doi.org/10.12737/art_2018_9_1
14. Lebedev, Z. S. (2020). Distantsionnoe vzaimodejstvie s sudebnymi organami v usloviyakh pandemii: Vozmozhnosti i perspektivy [Remote interaction with the judiciary in a pandemic: Opportunities and prospects]. *Yuridicheskij Vestnik Samarskogo Universiteta [Legal Bulletin of Samara University]*, *6*(3), 154–160. https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-3-154-160
15. Mironova, Y. V. (2021). *Realizatsiya principov grazhdanskogo processual'nogo prava pri ispol'zovanii sistem videokonferents-svyazi [Implementation of the principles of civil procedure law when using videoconferencing systems]* [Doctoral dissertation]. Saratov State Law Academy.
16. Petrishin, A. P. (2021). Vliyanie tsifrovyh tekhnologij na realizatsiyu printsipa glasnosti pravosudiya [Impact of digital technologies on the implementation of the principle of transparency of justice]. *Obrazovanie i Pravo*, (10), 209–213. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-10-209-213
17. Shakir'yanov, M. M., & Gavrilov, M. A. (2019). K voprosu o dostupe grazhdan k pravosudiyu s ispol'zovaniem gosudarstvennoj avtomatizirovannoj sistemy pravovoj statistiki [On the issue of citizens' access to justice using the state automated system of legal statistics]. In *Realizatsiya Konceptsii tsifrovoj transformatsii organov i organizatsij prokuratury v sovremennykh usloviyakh [Implementation of the Concept of Digital Transformation of Prosecutor's Offices and Organisations in Modern Conditions]* (pp. 34–38). Universitet prokuratury Rossiyskoy Federatsii.
18. Solovieva, T. V. (2021). Glasnost' sudebnogo razbiratel'stva v usloviyakh pandemii [Publicity of the trial in the context of a pandemic]. *Vestnik Saratovskoy Gosudarstvennoy Yuridicheskoy Akademii,* (6), 152–156. https://doi.org/10.24412/2227-7315-2021-6-152-156
19. Tabolina, K. A. (2019). K voprosu o sozdanii edinoj mezhvedomstvennoj tsifrovoj onlain-platformy dlya raboty s edinym elektronnym delom [Towards the creation of a unified interagency digital online platform for working with a single electronic case]. In *Realizatsiya Konceptsii tsifrovoj transformatsii organov i organizatsij prokuratury v sovremennykh usloviyakh [Implementation of the concept of digital transformation of prosecutor's offices and organisations in modern conditions]* (pp. 34–38). Universitet prokuratury Rossiyskoy Federatsii.

20. Talapina, E. V. (2018). Pravo i tsifrovizaciya: Novye vyzovy i perspektivy [Law and digitalisation: New challenges and perspectives]. *Zhurnal Rossijskogo Prava [Journal of Russian Law]*, (2), 5–17. https://doi.org/10.12737/art_2018_2_1
21. Vasilenko, V. O. (2021). Problemy primeneniya informacionnyh tekhnologij v sudebnoj deyatel'nosti v svyazi s ugrozoj rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infektsii COVID-19 [Challenges in the use of information technology in judicial activities in connection with the threat of a new coronavirus infection COVID-19]. *Yuridicheskaya Nauka [Legal Science]*, (9), 86–90.
22. Vasilieva, A. A. (2020). Nekotorye voprosy primeneniya videokonferents-svyazi I veb-konferentsii v grazhdanskom protsesse [Some issues of video conference and web conference application in the civil process]. *Voprosy Rossijskoj Yusticii*, (8), 536–547.

**Сведения об авторе:**

**Константинов П. Д.** — кандидат юридических наук, доктор права (University Paris Nanterre, Франция), старший преподаватель кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева.
konstantinov.pavel.1995@gmail.com

**Information about the author:**

**Pavel D. Konstantinov** — Ph.D. in Law, Docteur en Droit (University Paris Nanterre, France), Senior Lecturer, Department of Civil Procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.
konstantinov.pavel.1995@gmail.com

https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-8

Check for updates

CC BY 4.0

СТАТЬИ

# ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ТЕОРИИ СУДЕБНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

**С. С. Казиханова**[1,2]

[1]Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125993, Россия, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9-2

[2]Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»
124498, Россия, Москва, Зеленоград, площадь Шокина, 1

## Аннотация

Несмотря на значительное число работ, посвященных электронным доказательствам как в российской, так и в зарубежной правовой доктрине, интерес к этой теме по-прежнему сохраняется. В отечественной науке гражданского процессуального права он обусловлен проблемами, возникающими в судебной практике при использовании электронных доказательств. Многими учеными и практическими работниками ставится вопрос о необходимости дополнения процессуальных кодексов отдельными статьями, посвященными электронным доказательствам (в частности, порядку их получения судом). Настоящее исследование представляет собой попытку разобраться в том, действительно ли причиной встречающихся в судебной практике ошибок является недостаточное регулирование в законе вопросов использования электронных доказательств. По существу, автором разрешается вопрос, обладают ли электронные доказательства теми сущностными отличиями от других средств доказывания, которые требуется отразить в законе, дополнив процессуальные кодексы соответствующими положениями. С опорой на общенаучные (анализ, синтез, сопоставление, сравнение) и частноправовые методы (формально-юридический) особое внимание уделяется изучению отечественного процессуального законодательства и главным образом существующих в теории судебного доказывания научных позиций и предложений по совершенствованию регулирования в этой области. В работе анализируются основные сложившиеся в правовой науке подходы к понятию электронных доказательств, уточняется, что следует относить к электронным доказательствам, обосновывается позиция о месте электронных доказательств в системе судебных доказательств и необходимости дополнения процессуальных кодексов отдельными нормами об электронных доказательствах. Результатом проведенного исследования является подтверждение правильности того подхода, согласно которому электронные доказательства не следует выделять как отдельные средства доказывания. Данный вывод основан на изучении теории судебного доказывания, в которой в качестве признака каждого отдельного доказательства определяется способ его исследования (или получения) судом. В электронных доказательствах не усматривается какой-либо специфики по этому признаку. На основе изучения существующих в научной литературе предложений по совершенствованию процессуального законодательства автор приходит к итоговому заключению о том, что процессуальные кодексы не нуждаются в дополнении их отдельными статьями об электронных доказательствах. Обосновывается, что порядок обращения с электронными доказательствами подчиняется общим положениям закона о судебных доказательствах (правилам истребования, раскрытия, обеспечения, исследования, оценки доказательств) с учетом имеющихся уточнений для письменных доказательств.

## Ключевые слова

электронные доказательства, электронный документ, средство доказывания, судебные доказательства, электронный образ документа, письменные доказательства, исследование доказательств, оценка доказательств

| | |
|---|---|
| **Конфликт интересов** | Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов. |
| **Финансирование** | Исследование не имеет спонсорской поддержки. |
| **Для цитирования** | Казиханова, С. С. (2024). Электронные доказательства в теории судебных доказательств. *Цифровое право, 5*(4), 79–95. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-8 |

Поступила: 10.10.2024, принята в печать: 20.11.2024, опубликована: 30.12.2024

**ARTICLES**

# ELECTRONIC EVIDENCE IN THE THEORY OF JUDICIAL EVIDENCE

**Svetlana S. Kazikhanova**[1,2]

[1]Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9-2, Sadovaya-Kudrunskaya St., Moscow, Russia, 125993

[2]National Research University of Electronic Technology (MIET)
1, Shokin Square, Zelenograd, Moscow, Russia, 124498

## Abstract

Despite the significant number of works devoted to electronic evidence, both in Russian and foreign legal doctrine, there continues to be keen interest in this topic. In Russian civil procedural law, problems are identified as arising in judicial practice when using electronic evidence. Many scientists and practitioners draw attention to the need to supplement procedural codes with separate articles devoted to electronic evidence — in particular, the procedure for obtaining it by the court. The present study considers whether errors encountered in judicial practice can be traced to in sufficient regulation governing the use of electronic evidence. In essence, this concerns whether electronic evidence has essential differences with other means of proof that need to be reflected in the law by supplementing procedural codes with relevant provisions. Based on general scientific methods (analysis, synthesis, comparison, comparison) and private law methods (formal-legal), special attention in the work is paid to the study of Russian procedural legislation and existing scientific positions in the theory of judicial proof along with proposals for improving procedural legislation in this area. As well as analyzing the main approaches to the concept of electronic evidence existing in science, the work specifies the attributes of electronic evidence, considers the position of electronic evidence in the system of judicial evidence, and identifies a need to supplement procedural codes with separate rules on electronic evidence. The study affirms the correctness of the position according to which electronic evidence should not be considered as a separate means of proof. This conclusion is based on the study of the theory of judicial proof, in which the method of its examination (or obtaining evidence) by the court is determined as a feature of each individual piece of evi-

dence. Since electronic evidence demonstrates no specificity in this respect and based on the study of existing proposals in the scientific literature for improving procedural legislation, it is concluded that procedural codes do not need to be supplemented with separate articles on electronic evidence. Thus, the procedure for handling electronic evidence is subject to the general provisions of the law on judicial evidence (rules for the request, disclosure, provision, examination, and evaluation of evidence), taking into account the existing clarifications for written evidence.

## Keywords

electronic evidence, electronic document, means of proof, judicial evidence, electronic image of a document, written evidence, examination of evidence, evaluation of evidence

| | |
|---|---|
| **Conflict of interest** | The author declares no conflict of interest. |
| **Financial disclosure** | The study has no sponsorship. |
| **For citation** | Kazikhanova, S. S. (2024). Electronic evidence in the theory of judicial evidence. *Digital Law Journal, 5*(4), 79–95. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-8 |

Submitted: 10 Oct. 2025, accepted: 21 Nov. 2024, published: 30 Dec. 2024

## Введение

Не секрет, что в настоящее время цифровые технологии активно используются как гражданами, так и организациями, и огромный объем юридически значимой информации существует в электронном виде. В связи с этим возросла роль так называемых электронных доказательств в судебном доказывании. В цивилистических процессуальных кодексах, а именно ГПК, АПК и КАС РФ, содержатся положения, посвященные электронным доказательствам. Однако многими учеными отмечается, что существующее правовое регулирование использования электронных доказательств является недостаточным. На наличие пробела в процессуальном законодательстве обращают внимание в публикациях и практические работники. С этим они связывают проблемы, возникающие в судебной практике при использовании электронных доказательств[1]. Действительно, нередко суды не принимают такие доказательства, ошибочно считая их недопустимыми, или отказываются исследовать их непосредственно. В целом следует признать, что практика работы судов с электронными доказательствами не отличается единообразием.

В отечественной науке гражданского процессуального права в том числе делаются различные предложения по совершенствованию законодательства (например, дополнить процессуальные кодексы отдельными положениями об исследовании и оценке электронных доказательств). Известность получили труды профессора А.Т. Боннера, в которых обосновывается специфика электронных доказательств (Bonner, 2017). Электронным средствам доказывания уделялось внимание в диссертационных исследованиях Н. И. Борискиной (Boriskina, 2020), С. П. Ворожбит (Vorozhbit, 2011), А. В. Гребельского (Grebelsky, 2017), М. А. Митрофановой (Mitrofanova, 2013), П. Д. Шкуровой (Shkurova, 2019), в научных статьях Т. Т. Алиева (Aliev, 2022), И. Н. Балашовой и А. Н. Балашова (Balashova&Balashov, 2021), В. А. Лаптева (Laptev, 2017), Р. М. Масаладжиу

[1] Куликов, В. (2023, 27 марта). Юристы рассказали, как представить в суд электронные доказательства. *Российская газета*. https://rg.ru/2023/03/27/iuristy-rasskazali-kak-predstavit-v-sud-elektronnye-dokazatelstva.html

(Masaldjiu, 2024), Е. А. Наховой (Nakhova, 2015), Т. В. Ярошенко (Yaroshenko, 2023) и многих других[2]. При этом по-прежнему дискуссионными остаются вопросы о том, что следует относить к электронным доказательствам и какова их природа. А именно, являются ли они самостоятельными средствами доказывания и нуждаются ли в отдельном, отличном от существующего, нормативно-правовом регулировании. Правильный подход к решению этих проблем имеет большое значение для практики. Особую значимость эти вопросы приобрели в последнее время, когда с появлением *IT*-доказательств стали связывать необходимость существенных изменений подходов к судебному доказыванию и даже принятия нового гражданского процессуального кодекса (Strel'tsova, 2023, pp. 9–16).

Вопросы использования электронных доказательств в суде при рассмотрении споров разрабатывались и за рубежом. В статье (Grebelsky, 2015) и подробнее в диссертационном исследовании (Grebelsky, 2017) А. В. Гребельским были проанализированы различные рекомендательные акты, раскрывающие существенные свойства электронных доказательств и порядок их представления в рамках третейской процедуры (в том числе известные Седонские принципы о раскрытии электронной информации[3]), приведены позиции иностранных специалистов, в частности D. Howell, M. E. Schneider, R. H. Smit и др. Однако в силу того, что значительная дискуссия по вопросам о сущности электронных средств доказывания и процессуальном порядке их использования существует в российской правовой науке, а суд исходит из принципа *lexfori* (закон страны суда), в настоящем исследовании проблема не рассматривалась в сравнительно-правовом контексте.

Целью работы является определение того, обладают ли электронные доказательства достаточной спецификой, требующей пересмотра подходов к судебному доказыванию, и нуждаются ли цивилистические процессуальные кодексы в дополнении отдельными нормами об электронных доказательствах.

Достижение указанной цели видится в решении следующих задач: проанализировать основные сформулированные в доктрине подходы к пониманию электронных доказательств и их месту в системе судебных доказательств; обратиться к классическим работам по проблемам судебного доказывания С. В. Курылева (Kurylev, 2012), А. К. Сергун (Sergun, 1996; Sergun, 2004), М. К. Треушникова (Treushnikov, 1999) и выявить признак, положенный в основу выделения отдельных средств доказывания; сделать вывод о том, можно ли считать электронные доказательства самостоятельными средствами доказывания по этому критерию; изучить встречающиеся в научной литературе предложения по дополнению процессуальных кодексов положениями об электронных доказательствах; сделать заключение о том, существует ли в этом объективная потребность или имеющиеся правовые нормы эффективно регулируют отношения, связанные с использованием электронных доказательств (их раскрытием, истребованием, представлением, обеспечением, исследованием и оценкой).

---

[2] Вопросам использования электронных доказательств в суде посвящены многочисленные публикации в социальной сети для юристов «Закон.ру». См.: *Электронные доказательства* [результаты поиска по порталу]. (б.д.). *Закон.ру.* https://zakon.ru/Search/SphinxSearch?queryString=электронные+доказательства

[3] The Sedona Conf. [SC]. The Sedona Principles: Best Practices, Recommendations & Principles for Addressing Electronic Document Production (3rd Ed.) (2018). https://thesedonaconference.org/sites/default/files/publications/The%20Sedona%20Principles%20Third%20Edition.19TSCJ1.pdf

## Результаты

В результате проведенного исследования были уточнены значения терминов «электронное доказательство» и «электронный документ». На основе изучения существующих в литературе позиций по этому вопросу, определений понятия «электронный документ», данных в законе и словаре, с учетом цели его введения в тексты судебных документов автор пришел к выводу о допустимости отождествления указанных категорий.

Результатом изучения существующих в научной литературе позиций по вопросу о самостоятельности электронных средств доказывания в системе судебных доказательств стали следующие заключения. Ошибочным, как противоречащий сущности судебного доказывания, был признан взгляд, согласно которому под электронным доказательством понимается информация в виде кодов, предназначенная для технических устройств и недоступная для восприятия человеком. Было отмечено, что в теории судебных доказательств выделение в законе различных средств доказывания основано на таком признаке, как способ их исследования судом. На примере отдельных электронных доказательств (аудио- и видеозаписей на электронных носителях, информации в сети Интернет, электронной переписки) было показано, что способ их исследования каких-либо особенностей не имеет. В работе была поддержана позиция, согласно которой электронные доказательства не выделяются по сравнению с другими, поскольку иное противоречило бы логике существования предусмотренных в законе средств доказывания.

Были подвергнуты критике высказанные в научной литературе предложения по дополнению процессуальных кодексов правилами работы с электронными доказательствами. То, что предлагалось включить в закон, либо и так охватывалось существующими нормами, регулирующими отношения в области судебного доказывания, либо было избыточным в силу того, что вытекало из законов логики, либо противоречило другим нормам (в том числе принципам) гражданского процессуального права и выработанным в теории судебных доказательств подходам.

## Дискуссия

Понятие «электронные доказательства» в процессуальном законодательстве (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ) не используется. Некоторое время в ст. 59 КАС РФ наряду с уже известными средствами доказывания упоминались электронные документы, однако практически сразу же они были исключены из перечня доказательств[4]. Одни ученые (Fokina, 2017, p. 77) критиковали указание на них в законе, считая это ошибочным, другие (Bonner, 2016, pp. 24–51), напротив, поддержали это нововведение в КАС РФ. Однако практически все отмечали, что такое правовое регулирование являлось недостаточным, потому что отдельные нормы, посвященные электронным документам и устанавливающие процессуальный порядок обращения с ними, отсутствовали.

Вместе с тем упоминание в качестве доказательств документов, полученных с помощью электронной или другой связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет (как подписанных, так и не подписанных электронной подписью), содержится в процессуальном законодательстве. ГПК, АПК и КАС РФ относят их к письменным

[4] Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ. Собрание законодательства РФ, 27.06.2016, № 26 (Часть I), ст. 3889.

доказательствам. Часть 3 ст. 75 АПК РФ и часть 1.1 ст. 70 КАС РФ определяют условия их допустимости в арбитражном процессе и административном судопроизводстве. Речь идет о возможности их использования в качестве письменных доказательств в случаях и порядке, которые предусмотрены кодексом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами (для арбитражного процесса — также договором). Отметим, что с таким подходом законодателя согласны далеко не все, и целый ряд ученых считает, что так называемым электронным доказательствам должны быть посвящены отдельные статьи, регулирующие порядок их представления, исследования и хранения.

Этот и многие другие, влияющие на его разрешение вопросы, связанные с электронными доказательствами, в теории судебных доказательств являются спорными. Так, в науке гражданского процессуального права до сих пор отсутствует единство мнений о том, что следует относить к электронным доказательствам[5]. Нами не ставится задача проанализировать все существующие теоретические подходы к определению понятия электронных доказательств. Однако необходимо остановиться на некоторых из них и обозначить тот, который в действительности основан на теории судебных доказательств.

Понятие «электронное доказательство» (реже «цифровое доказательство») обычно употребляется учеными и практическими работниками в качестве объединяющего для различных сведений о фактах, содержащихся на электронных носителях (Boriskina, 2018, pp. 58–63)[6]. Электронный документ считают отдельным электронным доказательством наряду с электронными сообщениями, аудио- и видеозаписями на электронных носителях (Boriskina, 2020, pp. 70–89; Laptev, 2017, p. 56; Nakhova, 2015, p. 310). Полагаем, что категории «электронное доказательство» и «электронный документ» допустимо отождествлять с учетом того, что электронный документ в словаре определяется как любой материал, сохраненный на машинном носителе (текстовая, звуковая, графическая, видеоинформация) в виде файла, который можно передавать в пространстве и времени по телекоммуникационным каналам (Lomovtseva et al., 2021, p. 35). Такое же по смыслу определение дается и в законе. Так, в п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» электронный документ определяется как документированная информация, представленная в электронной форме, т.е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах[7].

Впрочем, в судебной практике встречается подход, при котором электронный документ трактуется в узком значении. Он основывается на разделении категорий «электронный

---

[5] Подробно различные подходы к электронным доказательствам и ссылки на имеющиеся в науке исследования этих проблем приводятся в монографии «Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы» (Strel'tsova, 2022).

[6] См. также: Городецкий, Я. (2022, 22 июня). На заметку каждому: как собирать электронные доказательства для суда. *Адвокатская газета.* https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/na-zametku-kazhdomu-kak-sobirat-elektronnye-dokazatelstva-dlya-suda/; Лядова, Ю. (2020, 23 марта). Электронные доказательства в арбитражном процессе. *Закон.ру.* https://zakon.ru/blog/2020/3/23/elektronnye_dokazatelstva_v_arbitrazhnom_processe; Сазонова, М. (2020). *Электронные доказательства в спорах в сфере интеллектуальной собственности.* Гарант.ру. https://www.garant.ru/news/1418353/

[7] Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. 20.11.2024). Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.

документ» и «электронный образ документа». Общим собирательным понятием для них является «документ в электронном виде». Электронный документ, в отличие от электронного образа документа, изначально создается в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, а электронный образ документа — это электронная копия документа, изготовленного на бумажном носителе, созданная посредством сканирования. При этом и тот и другой должны быть подписаны электронной подписью[8]. В классификации судебных доказательств по такому критерию, как процесс их формирования, электронный документ являлся бы первоначальным доказательством, а электронный образ документа — производным. Отметим, что использование этой терминологии связано с подачей документов в суд в электронном виде через личный кабинет пользователя и, соответственно, с необходимостью указания различий в предъявляемых к ним требованиях и в порядке их подачи в целом. По сути, такое деление не охватывает все документы в электронном виде, в частности те, что не подписаны электронной подписью, и связано с достаточно узкими, утилитарными целями. Поэтому, в нашем представлении, оно не препятствует обозначению первоначальных электронных доказательств и переведенных в электронную форму доказательств как электронных документов в значении сведений об обстоятельствах дела, представленных в суд в электронном виде.

В процессуальной науке была предпринята попытка обособления электронных доказательств от других доказательств (прежде всего письменных), обоснования их самостоятельности в качестве отдельных средств доказывания. При этом авторы относили к ним не все сведения о фактах, существующие в электронной форме. Согласно одному из предложенных в научной литературе подходов (Bonner, 2017, pp. 407–435; Shkurova, 2019, pp. 88–102) электронным документом (доказательством) является информация в виде кодов, содержащаяся на устройствах хранения и передачи, предназначенная для ЭВМ и иных технических устройств, со сложным программным обеспечением. Обычный человек, по мнению авторов, в том числе судья, не может исследовать электронный документ, так как он существует лишь в машиночитаемой форме. Для того чтобы люди его использовали, он должен быть приведен в традиционную форму (выведен на экран монитора, отпечатан на принтере). В дальнейшем преобразованный в человекочитаемую форму вариант информации, содержащейся на соответствующем участке жесткого диска персонального компьютера, вне зависимости от наличия или отсутствия электронной подписи, будет производным электронным документом. В этом, как считают ученые, заключается существенное отличие электронных доказательств от традиционных письменных.

Такой подход к тому, что считать доказательством (сведения в виде кодов, не предназначенных для восприятия человеком), ошибочен в силу противоречия самой сущности судебного доказывания и доказательства. Как известно, суд познает имеющие юридическое значение для дела факты непосредственно или опосредованным путем, т.е. путем использования

[8] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» от 27.12.2016 № 251 (ред. от 23.01.2024). Бюллетень актов по судебной системе, № 2, февраль, 2017; Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» от 28.12.2016 № 252 (ред. от 20.02.2018). Бюллетень актов по судебной системе, № 2, февраль, 2017; Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Порядка подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» от 11.09.2017 № 168 (ред. от 15.01.2024). Бюллетень актов по судебной системе, № 10, октябрь, 2017.

доказательств[9]. Опосредованное познание всегда связано с тем, что познаваемый объект (юридический факт) недоступен восприятию, и мы познаем его путем восприятия и познания другого предмета, доступного нашему восприятию (доказательства). При этом возникает вопрос, можно ли считать судебным доказательством то, что в принципе не может быть воспринято человеком. И главное, для чего именно эту информацию (в виде кодов, предназначенных для технических устройств) называть судебным доказательством вместо того, чтобы признать им доступные для человека сведения (в виде текста, звуков, изображений и т.д. на экране), которые могут быть исследованы и оценены? Получается, что в таком случае доказательство существует (в памяти компьютера), но его использование принципиально невозможно, пока оно не будет преобразовано, что лишает его выделение всякого практического смысла. И, наконец, формально те сведения о фактах в электронном виде, которые исследуются судом, и те, которые предназначены для технического устройства, — это не совсем одни и те же сведения. Сторонники этой позиции указывают на то, что до суда электронный документ доходит в преобразованном виде. И это также ставит под сомнение целесообразность такого понимания электронных доказательств.

Показательно в контексте вышеприведенной ситуации, что мы, например, не считаем судебным доказательством информацию, содержащуюся в голове у свидетеля, а его показания производными по отношению к этим сведениям. Хотя это также можно было бы обосновать тем, что мысли свидетеля — это доказательства, существующие в недоступной для восприятия судом форме, и только после преобразования в устную речь они исследуются судом как производные доказательства. Во всяком случае очевидно, что средством доказывания выступают сами свидетельские показания[10].

К электронным доказательствам относят аудиозаписи, видеозаписи и фотографии на электронных носителях, электронные сообщения (почту, СМС, ММС, сообщения в мессенджерах), электронные документы (включая электронные образы документов), подписанные электронной подписью, документы, полученные посредством электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет (в частности, информацию, размещенную на различных сайтах) (Chernykh, 2022, p. 170; Laptev, 2017, pp. 56–59).

Ряд исследователей считают необходимым включить в процессуальные кодексы отдельные нормы, посвященные электронным доказательствам, в которых должна найти отражение их специфика, обусловленная механизмом их создания, сохранения, внесения в них изменений и уничтожения (Bonner, 2017, pp. 414–415; Chernykh, 2022, p. 188; Aliev, 2022, pp. 28–32; Orekhova, 2022, pp. 203–213).В нашем же представлении, все вышеперечисленные доказательства могут быть отнесены к известным, закрепленным в перечне соответствующих статей ГПК, АПК и КАС РФ судебным доказательствам, а называя их электронными, мы лишь подчеркиваем форму их существования — цифровую, электронную. Теоретическое обоснование этогоуже давно существует в теории судебных доказательств.

Перед разработчиками действующего ГПК РФ когда-то ставился похожий вопрос: включать ли в закон аудио- и видеозаписи (новые на тот момент носители информации) в качестве

---

9 Некоторые ученые и вовсе полагали, что доказывание является единственной формой познания искомых фактов по делу (Kurylev, 2012, p. 210).

10 Этот пример неоднократно приводился А. К. Сергун и Д. А. Тумановым при обсуждении различных работ, посвященных электронным доказательствам, на кафедре гражданского и административного судопроизводства имени М. С. Шакарян Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

самостоятельных средств доказывания или относить их к вещественным или письменным доказательствам?[11] Как верно отмечалось в научной литературе (Treushnikov, 1999, pp. 97–98), средство доказывания как процессуальная форма доказательств содержит источник информации и определенный способ доведения ее до суда. Причем источник оказывает влияние на то, каким образом сведения будут восприняты судом. Видео- и звукозаписи по источнику схожи с вещественными доказательствами, поскольку информация сохраняется на предметах неживой природы. Однако воспроизведение сохраняющейся на магнитных носителях информации требует отличных от письменных и вещественных доказательств методов. Если вещественные доказательства исследуются, как правило, визуально, то с помощью методов осмотра, наблюдения, обозрения нельзя изучать данные носители информации. Аудиозаписи суд прослушивает, видеозаписи — просматривает (и прослушивает в случае необходимости).

В действительности каждому виду доказательств в процессуальных кодексах посвящена группа норм, которая определяет порядок их получения судом и исследования (Sergun, 1996, p. 146). Существенным признаком каждого вида доказательств является способ их исследования (восприятия их судом). Именно он лежит в основе выделения различных средств доказывания, регламентированных законом. Однако эти доводы зачастую игнорируются сторонниками позиции, согласно которой предусмотренный законом перечень доказательств нуждается в расширении за счет электронных доказательств. Так, те ученые, которые не считают электронные доказательства отдельным видом и относят их к предусмотренным законом процессуальным средствам доказывания, обосновывают свой подход аргументом, что электронным на сегодняшний день может быть практически все: документы, сообщения, переписка, протоколы судебных и административных органов, технические носители информации, флешки, интернет-сервисы, веб-сайты, архивы, счета, аудио- и видеозаписи, метаданные, лог-файлы сервера провайдера, электронные платформы для совершения сделок и пр. (Chernykh, 2022, p. 172). То, что электронная форма информации в настоящее время чрезвычайно распространена, не вызывает сомнений. В электронной форме могут существовать различные сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела. Но в то же время не этот довод лежит в основе приведенной позиции. В теории судебных доказательств сложилось правило, согласно которому каждому отдельному средству доказывания присущ свой, свойственный только ему способ исследования (доведения информации до суда). Исходя из него сформировался существующий в законе перечень судебных доказательств. Ученые, не выделяющие электронные доказательства в качестве самостоятельных средств доказывания, не видят каких-либо особенностей в способе их исследования.

В современной научной литературе обращается внимание на то, что выделение электронных доказательств зачастую связано с нетипичным способом получения (посредством электронной и иной связи, сети Интернет) и хранения информации (Boriskina, 2020, pp. 66–68). При этом способы обретения того или иного доказательства, действительно, могут различаться. Более того, существует возможность получения одного и того же доказательства разными способами, в том числе с помощью технических средств. Однако это не должно приводить к ошибочному смешению их со способами доведения информации до суда, ведь именно они значимы для выделения доказательств.

Обособление электронных средств доказывания происходит на основании особенностей источника, т.е. носителя информации, который является электронным (Vorozhbit, 2011, p. 7). Сама

[11] Справедливости ради отметим, что начало самой дискуссии было положено задолго до принятия Кодекса. См.: Chechina & Chechot (1984, p. 156).

форма информации осталась прежней: письменные знаки, устная речь, вещественный код, т.е. то, что доступно непосредственному восприятию и пониманию судей или требует привлечения экспертов. От того, какие из данных, сохраненных в электронной форме, имеют доказательственное значение, т.е. содержат сведения, необходимые для установления обстоятельств дела, будет зависеть отнесение их к письменным, вещественным доказательствам, аудио- или видеозаписям (Vorozhbit, 2011, p. 8). Позиции авторов представляются верными, однако дополним последнюю: как раз то, какие из данных имеют доказательственное значение, влияет на то, каким образом они будут восприняты судом при исследовании в судебном заседании.

Обратимся к различным доказательствам в электронной форме, чтобы определить, обладает ли спецификой способ их исследования. Авторы, считающие электронные доказательства самостоятельным видом, подлежащим включению в перечень судебных доказательств, относят к ним аудио- и видеозаписи на электронных носителях. Оговоримся, что в настоящее время это практически все аудио- и видеозаписи (записи телефонных переговоров, записи с автомобильных видеорегистраторов, камер видеонаблюдения и т. д.). Однако возникает вопрос, имеются ли различия в способе исследования судом видеозаписи, хранящейся в памяти смартфона или представленной на диске, и видеозаписи на кассете в судебном заседании. Очевидно, что нет, поскольку суд, установив их относимость и допустимость, будет одинаково их просматривать и прослушивать. Те же самые соображения справедливы в отношении любых других сведений о фактах в электронной форме, например информации, размещенной в сети Интернет, которую суд либо оглашает как письменное доказательство, либо осматривает как вещественное.

Тем не менее в литературе можно встретить указание на специфику способа исследования некоторых электронных доказательств, например переписки в мессенджерах. Правда, в чем она заключается, авторы либо не поясняют, либо приводят то, что к способу исследования доказательств не относится. Так, Т. В. Ярошенко признает, что содержание переписки в мессенджерах по форме изложения информации ничем не отличается от иных деловых переписок, однако в то же время отмечает, что способ исследования такого доказательства отличается. При этом указывается на то, что допустимость электронных доказательств в судебном процессе обеспечивается представлением протокола осмотра электронного доказательства, составленного нотариусом или судом (Yaroshenko, 2023, pp. 34–35). Отсюда можно сделать вывод, что специфика способа исследования этих электронных доказательств может связываться автором с исследованием протоколов их осмотра. Однако в конечном итоге все равно делается вывод, что эти протоколы исследуются как письменные доказательства.

Конечно, обеспечение электронных доказательств и исследование в суде результатов такого обеспечения не образуют какой-либо специфики в способе их восприятия судом посредством прочтения и оглашения в судебном заседании. Неверным видится и сам подход автора, исключающий возможность изучения электронной переписки в мессенджерах непосредственно, без предварительного ее обеспечения судом или нотариусом. Ведь институт обеспечения доказательств применяется в случае угрозы того, что доказательство не сохранится к судебному заседанию, исчезнет, будет изменено. Несмотря на вероятные риски, следует признать, что это может случиться далеко не всегда. Все зависит от технических возможностей мессенджера, поскольку не все мессенджеры позволяют удалить переписку по истечении определенного времени (у отправителя и получателя одновременно).

Встречается позиция, согласно которой специфика исследования судом электронной информации обусловлена необходимостью привлечения специалиста в процесс, поскольку он сможет определить, вносились ли в электронный документ какие-либо изменения (Shkurova, 2019, pp.

88–102). Однако выводить это утверждение в качестве общего правила исследования электронных доказательств было бы ошибочным. Существует немало примеров, когда суд непосредственно исследует электронное доказательство и его достоверность может быть установлена без привлечения специалиста. Так, речь может идти о переписке по электронной почте или в тех мессенджерах, которые не позволяют вносить в отправленные сообщения изменения, об информации, размещенной на сайте, где у истца или ответчика нет возможности повлиять на ее содержание, о сведениях на страницах сайта, сохраненных в интернет-архивах и т. д. Кроме того, нельзя исключать ситуации, когда ответчик не оспаривает достоверность таких доказательств.

На самом деле электронные доказательства не имеют какой-либо специфики в исследовании. И если их выделять как отдельный вид, то получается, что все доказательства различаются способом исследования, а электронные выделяются из-за нетипичной формы существования информации (источника сведений). Очевидно, тем самым нарушается логика определения средств доказывания.

В литературе нередко предлагается дополнить ГПК, АПК и КАС РФ процессуальными правилами, связанными с порядком получения, исследования и оценки электронных доказательств (Chernykh, 2022, p. 188; Aliev, 2022, pp. 28–32). Рассмотрим подробнее, о каких положениях, касающихся отдельных электронных средств доказывания, может идти речь. И существует ли объективная необходимость включать их в процессуальные кодексы. Так, в ГПК и АПК РФ предлагается ввести перечень сервисов (государственных и муниципальных), которые являются надежными и могут служить для предоставления электронной информации в суд, чтобы обеспечить достоверность электронных доказательств и не представлять их на бумажных носителях (Aliev, 2022, p. 31). Необходимости в этом, на наш взгляд, никакой нет. Суд вполне может разобраться в том, какой информации, в частности с сайтов органов государственной власти или местного самоуправления, можно доверять, и самостоятельно проверить эти сведения в случае необходимости. Их представление на бумажных носителях связано лишь с подтверждением существования доказательства и не исключает непосредственного исследования этой информации в электронном виде, например документов, направленных на почту лица с сайта «Госуслуги» по его запросу, или сведений, содержащихся на сайтах государственных органов (Росреестра, Роспатента, налоговых органов), АО «Почта России», или информации из личного кабинета пользователя «Госуслуг» и др. Кроме того, в соответствии с п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 июня 2024 г. № 12 «О подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном суде» судья вправе самостоятельно получать, в том числе в электронном виде, необходимые для рассмотрения дела сведения из открытых источников, в частности из государственных информационных систем, из информационных систем, доступ к которым обеспечивается на официальных сайтах органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций в информационно-телекоммуникационной сети Интернет[12].

Нередко в публикациях можно встретить предложение закрепить в законе критерии оценки электронных доказательств. Причем оно приводится как в статьях ученых, так и в интервью практических работников[13]. Одни указывают, что необходимо ввести «фундаментальные

[12] Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном суде» от 04.06.2024 № 12. Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, июль, 2024.

[13] В частности, такое мнение было выражено руководителем практики разрешения споров с государственными органами бюро адвокатов «Де-юре» Рашидом Гитиновым (Куликов, В. (2023, 27 марта). Юристы рассказали, как представить в суд электронные доказательства. *Российская газета.* https://rg.ru/2023/03/27/iuristy-rasskazali-kak-predstavit-v-sud-elektronnye-dokazatelstva.html).

критерии, определяющие достоверность электронных документов и доказательств разнообразных форм» без какой-либо конкретизации (Orekhova, 2022, pp. 203–213). Другие относят к таким критериям подлинность, а также происхождение электронных доказательств, представленных в суд одной из сторон (Aliev, 2022, p. 31). Причем это преподносится так, как будто в этом заключается специфика оценки именно электронных доказательств, а действующее законодательство не содержит положений, позволяющих проверить их подлинность и происхождение.

На самом деле в теории судебных доказательств давно установлено, что оценка доказательств представляет собой определение достоверности, силы и достаточности доказательств (Sergun, 2004, p. 181). Для определения достоверности доказательства суд должен проверить доброкачественность источника, из которого получены сведения, а также сам процесс формирования доказательства, сопоставить его с остальными доказательствами по делу. И это относится ко всем доказательствам вне зависимости от того, в какой форме существуют сведения об обстоятельствах дела. Правила оценки доказательств нашли закрепление в ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ и ст. 84 КАС РФ (с отдельными положениями о письменных доказательствах). Остается неясным, почему же для доказательств в электронном виде эти правила не подходят.

Действительно, в отношении электронных доказательств возникают трудности с определением судом их достоверности. Но такого рода сложности не исключаются и в отношении других (письменных, вещественных) доказательств. При этом в законе ни для одного средства доказывания не прописывается алгоритм действий по проверке достоверности, поскольку в данном случае речь идет об оценке доказательств, которая подчиняется законам логики и производится в условиях, закрепленных правовыми нормами[14].

Правда, в содержание оценки доказательств многие авторы включают их относимость и допустимость, основываясь в том числе на статьях процессуальных кодексов, посвященных оценке доказательств. Нами разделяется позиция (Sergun, 1996, p. 157), согласно которой правила относимости и допустимости доказательств действуют для отбора доказательств, чтобы понять, какие из представленных сторонами доказательств могут быть использованы в процессе. Оценка же осуществляется после того, как доказательства были приняты судом, на основе исследования в судебном заседании (по общему правилу) на предмет их достоверности, силы и достаточности. В реальности значительное число судебных ошибок связано с неправильным пониманием именно правил относимости и допустимости электронных доказательств, когда суды отказывают в их приобщении. Такая практика зачастую не основана на законе. В литературе правильно было отмечено (Boriskina, 2020), что суды ошибаются, считая доказательства недопустимыми, когда их достоверность вызывает у них сомнения. В этом случае происходит смешение допустимости и достоверности доказательств.

Многие авторы считают, что избежать таких ошибок поможет нормативное закрепление неких правил работы с электронными доказательствами. Однако сразу оговоримся, что никаких единых правил обычно не предлагается, поскольку очевидна разнородность таких доказательств. Поэтому они в основном выводятся отдельно для электронных сообщений по почте и в мессенджерах, информации официальных сайтов публичных органов и организаций, аудио- и видеозаписей и цифровых отображений и т. д. При этом возникает вопрос: существует ли объективная необходимость закрепления этих положений в процессуальном законодательстве?

[14] Некоторые ученые считали, что оценка доказательств сводится к акту мысли, сугубо логической операции и поэтому она выходит за пределы процессуальных действий по доказыванию. Иначе, оценка доказательств не может быть объектом правового регулирования, так как мыслительный процесс проистекает по законам мышления, а не права. См.: Kurylev (2012, p. 320).

Для примера обратимся к проведенному исследованию использования переписки по электронной почте в качестве судебного доказательства в арбитражных судах. Так, изучив актуальную судебную практику, в 2024 г. Р. М. Масаладжиу пришел к выводу, что суд считает переписку по электронной почте допустимым доказательством только в том случае, если сможет достоверно установить, что сообщения или документы исходят от стороны по договору (Masaladjiu, 2024, p. 20). Другими словами, суд должен удостовериться, что *e-mail* принадлежит процессуальному оппоненту или его представителю. При этом автором со ссылками на судебные акты по конкретным делам приводятся объяснения, которые обычно использует истец, чтобы убедить в этом суд: *e-mail* ответчика указан в договоре; переписка является сложившейся практикой взаимоотношений сторон; *e-mail* содержит корпоративный домен ответчика; *e-mail* указан на сайте ответчика, и т. д. Также, чтобы суд принял переписку, как отмечается в исследовании, необходимо подтвердить, что она касается обстоятельств спора. В этих случаях суды делают вывод о том, что электронная переписка велась между сторонами и, значит, может использоваться в качестве судебного доказательства ((Masaladjiu, 2024, pp. 21–25).

Требуется ли вводить в ГПК, АПК и КАС РФ отдельные нормы, в которых были бы закреплены вышеприведенные сложившиеся в судебной практике подходы? Очевидно, что нет. Суд во всяком случае, исследуя переписку между сторонами, независимо от того, в каком виде она ведется (по почте на бумажном носителе или по электронной почте), должен установить отправителя и получателя письма и ознакомиться с содержанием переписки. Считать, что по отношению к переписке в электронном виде действуют какие-то особые правила, неверно. Всё это следует из закрепленных в процессуальном законодательстве и разработанных в теории правил использования письменных доказательств. То, каким образом суд приходит к выводу о принадлежности адресов электронной почты сторонам, охватывается правилами оценки доказательств, подчиненной законам логики. Оценка доказательств является мыслительной деятельностью суда, проистекающей на основе логических законов, нормы права же устанавливают не порядок мышления и ход рассуждения судей, а условия и цель оценки судебных доказательств, принципы оценки, внешнее выражение в процессуальных документах результатов оценки (Treushnikov, 1999, p. 155).

С большой долей вероятности можно прийти к заключению, что во всех вышеприведенных случаях адрес электронной почты принадлежит ответчику, что и делали суды. При этом нельзя исключать, конечно, и обратного. Однако превращать процессуальные кодексы в инструкцию, где подробно прописывалось бы, когда факт считать доказанным, категорически нельзя: это противоречило бы свободной оценке доказательств, ценность которой заключается в понимании того, что невозможно формализовать абсолютно все случаи, встречающиеся на практике и требующие учета очень многих и разнообразных факторов, влияющих на выводы суда. Поэтому и нельзя заранее определять в законе доказательственную силу отдельных средств доказывания, запрещая судьям давать им другую оценку или отвергать. Иное приводило бы к вынесению ошибочных судебных актов и не позволяло бы достичь цели правосудия — реальной защиты прав и интересов лиц.

К тому же неясно, почему вопрос дополнения процессуального законодательства соответствующими нормами ставится авторами только в отношении одних доказательств — в электронном виде. В процессуальных кодексах не прописывается подробно, что должен проверить суд, чтобы установить подлинность писем, направленных по почте в напечатанном виде (или написанных от руки), распечатанных договоров, справок, полученных из государственных органов, и т.д. Хотя очевидно, что они также должны проверяться на предмет того, от кого они исходят

и кому адресованы, кем подписаны. Однако закрепить это в отношении каждого письменного доказательства в отдельности в литературе не предлагается, что ставит под сомнение логику подобных идей в отношении электронных доказательств.

В научной литературе нередко указывают на необходимость ввести в процессуальные кодексы отдельные нормы, предусматривающие специальные правила судебного порядка обеспечения доказательственной информации, которая может содержаться в электронных доказательствах (Yaroshenko, 2023, p. 35; Balashova&Balashov, 2021, p. 19). При этом авторами не поясняется, в чем заключаются эти правила. Обеспечение электронных доказательств осуществляется на основе ст. 64–66 ГПК РФ, ст. 72 АПК РФ и на практике не вызывает каких-либо сложностей, требующих дополнения процессуального законодательства.

Как уже было отмечено, обеспечение электронных доказательств, как и любых других, не может быть обязательным. Оно проводится с определенной целью и в тех случаях, когда это в реальности требуется. Можно найти некоторые объяснения тому, почему предлагается ввести обязательное нотариальное заверение электронной переписки или специально указать на эту возможность в отношении электронных доказательств в процессуальных кодексах. Дело в том, что на практике суды могут отказать в принятии скриншота электронной переписки и потребовать представить ее в виде протокола осмотра, составленного нотариусом (Masaladjiu, 2024, p. 26). И авторы этих предложений, по всей видимости, хотят внести некоторую определенность насчет того, в каком виде должно быть представлено электронное доказательство, чтобы суд его принял. Однако для исправления судебных ошибок именно в этом случае процессуальное законодательство не нуждается во внесении дополнений, тем более очевидно неправильных.

В соответствии со ст. 71 ГПК РФ письменные доказательства представляются в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии. Копией электронных доказательств являются скриншоты. Оснований не принимать их при надлежащем заверении у судов нет. О том, как заверяется скриншот, и о предъявляемых к нему требованиях существует разъяснение Верховного Суда РФ. В соответствии с п. 55 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), являются допустимыми доказательствами. Они могут быть сделаны и заверены лицами, участвующими в деле, с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения[15]. На самом деле Верховный Суд РФ обратил внимание на достаточно очевидное положение закона. В судебное заседание могут быть представлены копии письменных доказательств, заверенные лицами, участвующими в деле. И это правило в одинаковой мере работает для всех письменных доказательств, независимо от их вида (электронного или нет).

В работах, посвященных электронным доказательствам, нередко вообще не рассматривается вопрос непосредственного исследования доказательств в электронном виде. Всё сводится к использованию скриншотов или протоколов осмотра доказательств, составленных нотариусом (редко судом). Между тем если доказательство электронное (отправленное по электронной почте письмо, переписка в мессенджере, информация, выложенная на странице в сети Интернет), суд всегда может убедиться в его существовании (возможно, с привлечением специалиста для оказания технической помощи). Таким образом, требования судов представить в обязательном порядке составленные нотариусом протоколы осмотра электронных доказательств,

[15] Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23.04.2019 № 10. Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, июль, 2019.

если информация существует в электронном виде и не удалена, противоречат закону и связаны с непониманием целей института обеспечения доказательств. В целом ряде случаев (когда закон не требует представления подлинных документов) даже составленный стороной скриншот может оказаться достаточным доказательством для установления факта (ч. 2 ст. 71 ГПК РФ). Например, когда другой стороной не заявляется о фальсификации доказательства.

## Выводы

Подводя итог настоящему исследованию, следует отметить, что правильный подход к определению природы электронных доказательств позволит избежать многих ошибок, возникающих на практике. Понимание того, что доказательства в электронной форме не обладает какой-либо спецификой (восприятие судом путем прочтения, осмотра, просмотра и прослушивания), наглядно демонстрирует отсутствие практической необходимости дополнения процессуального законодательства. В ГПК, АПК и КАС РФ предусмотрены положения об истребовании, о представлении, раскрытии, об обеспечении, исследовании и оценке доказательств, которые в полной мере могут применяться к доказательствам в электронной форме. При работе с последними суды должны руководствоваться этими нормами, а также не допускать нарушения основных начал процесса — принципов непосредственности, состязательности, объективной истины.

## Список литературы / References

1. Aliev, T. T. (2022). Elektronnye dokazatel'stva kak samostoyatel'naya kategoriya dokazatel'stv v tsivilisticheskom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii [Electronic evidence as an independent evidence category in civil proceedings of the Russian Federation]. *Arbitrazhnyj i Grazhdanskij Protsess*, (5), 28–32. https://doi.org/10.18572/1812-383X-2022-5-28-32
2. Balashova, I. N. & Balashov, A. N. (2021). O perspektivakh ispol'zovaniya elektronnykh dokazatel'stv v grazhdanskom sudoproizvodstve [On the prospects of the use of electronic evidence in civil proceedings]. *Administrator Suda,* (1), 16–19. https://doi.org/10.18572/2072-3636-2021-1-16-19
3. Bonner, A. T. (2016). Administrativnoe sudoproizvodstvo v Rossijskoy Federatsii: Mif ili real'nost', ili spor protsessualista s administrativistom [Administrative court procedure in Russia: Myth or reality, or dispute between a processualist and administrative lawyer]. *Zakon*, (7), 24–51.
4. Bonner, A. T. (2017). *Izbrannye trudy (T. 5: Problemy teorii sudebnykh dokazatel'stv)* [Selected works (Vol. 5: Problems of the theory of judicial evidence)]. Prospekt.
5. Boriskina, N. I. (2018). Elektronnye dokazatel'stva v grazhdanskom sudoproizvodstve [Electronic evidence in civil proceedings]. *Zakonodatel'stvo*, (4), 58–63.
6. Boriskina, N. I. (2020). *Protsessual'naya forma dokazatel'stv v sovremennom grazhdanskom sudoproizvodstve* [Procedural form of evidence in modern civil proceedings] [Doctoral dissertation, Lomonosov Moscow State University].
7. Chernykh, I. I. (2022). Vliyanie informatsionnykh tekhnologij na dokazyvanie v grazhdanskom sudoproizvodstve [The impact of information technology on evidence in civil proceedings]. In E. G. Strel'tsova (Ed.). *Tsifrovye tekhnologii v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve: Praktika, analitika, perspektivy* [Digital technologies in civil and administrative proceedings: Practice, analytics, prospects] (pp. 159–212). Infotropik Media.

8. Chechina, N. A. & Chechot, D. M. (Eds.). (1984). *Sovetskiy grazhdanskiy protsess* [Soviet civil procedure]. Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta.
9. Fokina, M. A. (2017). Dokazyvanie v administrativnom sudoproizvodstve: Problemy effektivnosti pravovogo regulirovaniya [Proof in administrative proceedings: Problems of the effectiveness of legal regulation]. *Sovremennoe Pravo,* (3), 75–79.
10. Grebelsky, A. V. (2015). Elektronnye dokazatel'stva v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe [Electronic evidence in international commercial arbitration]. *Zakon*, (10), 59–70.
11. Grebelsky, A. V. (2017). *Dokazatel'stva v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe* [Evidence in international commercial arbitration] [Doctoral dissertation, Moscow State Institute of International Relations]. http://igpran.ru/prepare/a.persons/GrebelskiiAV/GrebelskiiAB_Dissertatsiya.pdf
12. Kurylev, S. V. (2012). Dokazyvanie i ego mesto v protsesse sudebnogo poznaniya[Proof and its place in the process of judicial knowledge]. In S. V. Kurylev, *Izbrannye trudy* [Selected works] (pp. 209–302). Redaktsiya zhurnala "Promyshlenno-torgovoe Pravo". (Original work published in 1955).
13. Laptev, V. A. (2017). Elektronnye dokazatel'stva v arbitrazhnom protsesse [E-evidence in arbitration]. *Rossiyskaya Yustitstia*, (2), 56–59. https://doi.org/10.18572/0131-6761-2017-2-56-59
14. Lomovtseva, N. V., Zarechneva, K. M., Ushakova, O. V., Yarina, S. Yu. (2021). *Slovar` terminov i ponyatiy tsifrovoy didaktiki* [Dictionary of terms and concepts of digital didactics]. Azhur.
15. Masaldjiu, R. M. (2024). Perepiska po elektronnoy pochte: kak ubedit' arbitrazhnyy sudy eye prinyat' [Email correspondence: How to convince an arbitrazh court to accept it]. *Arbitrazhnaya Praktika dlya Yuristov*, (12), 20–26.
16. Mitrofanova, M. A. (2013). *Elektronnye dokazatel'stva i printsip neposredstvennosti v arbitrazhnom protsesse* [Electronic evidence and the principle of immediacy in arbitrazh proceedings] [Doctoral dissertation, Saratov State Law Academy].
17. Nakhova, E. A. (2015). Problemy elektronnykh dokazatel'stv v tsivilisticheskom protsesse [Issues of electronic evidence in the course of civil process]. *Leningradskyy Yuridicheskiy Zhurnal*, (4), 301–312.
18. Orekhova, D. V. (2022). Tendentsii razvitiya elektronnykh dokazatel'stv v grazhdanskom protsesse [Trends in the development of electronic evidence in civil proceedings]. *Arbitrazhnye Spory,* (4), 203–213.
19. Sergun, A. K. (1996). Sudebnye dokazatel'stva [Legal evidence]. In M. S. Shakaryan (Ed.), *Grazhdanskoye protsessual'noye pravo Rossii. Uchebnik* [Civil procedural law of Russia. Textbook] (pp. 145–164). Bylina.
20. Sergun, A. K. (2004). Sudebnye dokazatel'stva [Legal evidence]. In M. S. Shakaryan (Ed.), *Grazhdanskoye protsessual'noye pravo Rossii. Uchebnik* [Civil procedural law of Russia. Textbook] (pp. 162–196). Prospect.
21. Shkurova, P. D. (2019). *Pis'mennyye dokazatel'stva v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve* [Written evidence in civil and administrative proceedings] [Doctoral dissertation, Kutafin Moscow State Law University].
22. Strel'tsova, E. G. (2023). Ob aktual'nom znachenii printsipov grazhdanskogo protsessual'nogo prava [On the current significance of the principles of civil procedural law]. In E. I. Nosyreva, I. N. Luk'yanova, D. G. Fil'chenko (Eds.), *Ocherki sovremennogo tsivilisticheskogo protsessa: In Memoriam zasluzhennogo deyatelya nauki RossijskojFederatsii, doktora yuridicheskikh nauk, professor Tamary Evgen'evny Abovoy* [Essays on the modern civil process: In Memoriam of Tamara Evgenievna Abova, the Honored Scholar of the Russian Federation, Dr. Sci. in Law, Professor] (pp. 9–16). Statut.
23. Strel'tsova, E. G. (2022). *Tsifrovye tekhnologii v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve: Praktika, analitika, perspektivy* [Digital technologies in civil and administrative proceedings: practice, analytics, prospects] (pp. 159–212). Infotropik Media.
24. Treushnikov, M. K. (1999). *Sudebnye dokazatel'stva* [Forensic evidence]. Gorodets.

25. Vorozhbit, S. P. (2011). Elektronnye sredstva dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse [Doctoral dissertation, Saint-Petersburg State University].
26. Yaroshenko, T.V. (2023). Problematika elektronnykh dokazatel'stv v usloviyakh razvitiya elektronnogo pravosudiya v arbitrazhnom protsesse [The problem of electronic evidence in the context of the development of electronic justice in the arbitration process]. *Administrator Suda*, (1), 32–36.https://doi.org/10.18572/2072-3636-2023-1-32-36

**Сведения об авторе:**

**Казиханова С. С.** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М. С. Шакарян, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА); доцент института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», Москва, Россия.
sskazihanova@msal.ru

**Information about the author:**

**Svetlana S. Kazikhanova** — Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Procedure named after M. S. Shakaryan, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Associate Professor, Institute of High-Tech Law, Social and Humanitarian Sciences,National Research University of Electronic Technology (MIET), Moscow, Russia.
sskazihanova@msal.ru

https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-7

Check for updates

CC BY 4.0

СТАТЬИ

# ОБРАЩЕНИЕ В РОССИЙСКИЙ СУД В ЭПОХУ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ

**И. Н. Лукьянова**

Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации
119285, Россия, Москва, Воробьевское ш., 6а

## Аннотация

Цель исследования состоит в оценке действующих в России электронных сервисов обращения в суд с иском по гражданским делам как дополнительной возможности доступа к правосудию и реализации права быть выслушанным. Выявлены причины сохранения традиционных форм обращения в суд наряду с активным использованием электронных сервисов. К таковым отнесены консервативное отношение к цифровым новшествам и препятствия в реализации закрепленных в законе гарантий сохранения даты первого обращения в суд в случае невыполнения формальных требований к содержанию искового заявления. С опорой на разработанный ЮНСИТРАЛ функционально-эквивалентный метод доказывается необоснованное нарушение права на доступ к правосудию процедурой технической проверки поступивших в суд искового заявления и приложений к нему, которая наделяет сотрудника суда полномочиями в результате такой проверки известить истца о том, что документы не могут быть признаны поступившими. В актуальных юридических публикациях выявлены заявления об использовании искусственного интеллекта действующими сервисами подачи исковых заявлений в суд, а также о планах по разработке сервиса по составлению кассационной жалобы с использованием технологий предикативного правосудия. Эти явления оцениваются автором с позиций их влияния на доступ к правосудию и право быть выслушанным. Предлагается разработать этические правила использования искусственного интеллекта в коммуникации, возникающей между истцом и судом на этапе обращения в суд с учетом подхода, оценивающего деятельность по отправлению правосудия как несущую самые большие риски для прав человека в целом и процессуальных прав в частности. Право адвоката и юриста на доступ к судебной практике и инструментам ее анализа предлагается рассматривать как часть права быть выслушанным.

## Ключевые слова

обращение в суд, доступ к правосудию, право быть выслушанным, исковое заявление, кассационная жалоба, электронное правосудие, искусственный интеллект, электронные судебные платформы, этические правила использования искусственного интеллекта

| | |
|---|---|
| **Конфликт интересов** | Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов. |
| **Финансирование** | Исследование не имеет спонсорской поддержки. |

**Для цитирования** Лукьянова, И. Н. (2024). Обращение в российский суд в эпоху электронного правосудия. *Цифровое право, 5*(4), 96–113. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-7

Поступила: 16.10.2024, принята в печать: 20.11.2024, опубликована: 30.12.2024

ARTICLES

# FILING A LAWSUIT UNDER RUSSIAN PROCEDURAL LAW IN THE E-JUSTICE ERA

**Irina N. Lukianova**

Russian Foreign Trade Academy
6-A, Vorobiyovskoye Highway, Moscow, Russia, 119285

## Abstract

The study sets out to evaluate the existing electronic filing of lawsuit services in civil litigation in Russia as an additional opportunity to access justice and implement the right to be heard. The author identifies the reasons for continuing to use the court system by mail or in person. Because ordinary people and lawyers are cautious about new technology, a lawsuit filed online might not be taken seriously. Additionally, the guarantees provided by law aim to preserve the date of the initial court appeal in cases where proceedings cannot be initiated due to noncompliance with the required formalities for the statement of claim. Based on the functionally equivalent method developed by UNCITRAL, the right to access justice has been shown to be unjustifiably violated by the procedure of technical verification of claim submitted to the court, which empowers a court official to notify the plaintiff that the documents cannot be recognized as received. The study evaluates the statements in current legal literature regarding the use of artificial intelligence by existing court filing services, as well as plans to develop a cassation appeal service using predicative justice technologies in terms of their impact on access to justice and the right to be heard. It is proposed that ethical rules be developed on the use of artificial intelligence in communication between the plaintiff and the court at the stage of applying to the court. Such an approach should allow to evaluate the administration of justice as posing the greatest risks to human rights in general and procedural rights in particular. The right of a lawyer to access judicial practice and tools for its analysis should be considered as part of the right to be heard.

## Keywords

plea to a court, access to justice, right to be heard, e-justice, artificial intelligence (AI), electronic justice platforms, ethical rules for the use of artificial intelligence, lawsuit, appellation

**Conflict of interest** The author declares no conflict of interest.

**Financial disclosure** The study has no sponsorship.

**For citation** Lukianova, I. N. (2024). Filing a lawsuit under Russian procedural law in the e-justice era. *Digital Law Journal, 5*(4), 96–113. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-7

Submitted: 16 Oct. 2024, accepted: 20 Nov. 2024, published: 30 Dec. 2024

## Введение

Возможность обращения в суд в защиту гражданских, семейных и иных прав частного лица, обеспеченная российским законодательством и фактической организацией деятельности судов, является важнейшей гарантией права на судебную защиту, закрепленного в ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации[1], и его неотъемлемой составляющей — права быть выслушанным[2]. Хотя идея о праве быть выслушанным и быть услышанным судом введена в научный оборот относительно недавно (Sherstyuk, 2004, p. 59) и ее место в системе российской науки гражданского процессуального права пока еще дискутируется, данное право не отрицается ни учеными-правоведами, ни судебной практикой и признано Конституционным Судом Российской Федерации общеправовым принципом[3].

Как представляется, реализация права быть выслушанным в гражданском судопроизводстве начинается с обращения в суд с просьбой о защите нарушенного права. Такое обращение в делах, где есть спор с ответчиком, называется иском и оформляется документом — исковым заявлением, которое должно содержать сведения о споре, а также иные данные, установленные в ст. 131 и 132 ГПК РФ[4], а также в ст. 125 и 126 АПК РФ[5].

Основанием возбуждения судебного производства по гражданскому делу является обращение истца в суд. Инициирование производства по делу по общему правилу самим заинтересованным лицом является особенностью процедуры судебного разбирательства по гражданским делам, вытекающей из принципа диспозитивности.

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). Российская газета. 25.12.1993 г. № 237.

2 Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ю. Какуева» от 19 июля 2011 г. № 17-П. Собрание законодательства Российской Федерации. 25.07.2011, № 30 (часть II), ст. 4699.

3 Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“, касающихся возможности обжалования определений, выносимых Арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций“, а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц» от 12.03.2001 № 4-П. Собрание законодательства РФ. 19.03.2001, № 12, ст. 1138.

4 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 года № 137-ФЗ (ред. от 26.10.2024). Собрание законодательства РФ.18.11.2002. № 46. Ст. 4531.

5 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012. В российской судебной системе, возглавляемой Верховным Судом РФ, наряду с судами общей юрисдикции, которые рассматривают дела по правилам ГПК РФ, действуют государственные арбитражные суды, которые, руководствуясь АПК РФ, по общему правилу рассматривают, споры с участием коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей, возникающие в связи с осуществлением предпринимательской деятельности. Деятельность арбитражных институций и арбитража *ad hoc* в России регулируется Федеральным законом «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ (ред. 08.08.2024). Собрание законодательства РФ. 04.01.2016, № 1 (часть I), ст. 2.

Важной гарантией того, что по обращению истца суд возбудит производство по делу, являются положения ГПК РФ и АПК РФ, которые закрепляют требования к исковому заявлению или иному обращению и обязывают суд совершить определенные действия в установленный срок, направленные на возбуждение производства по делу. В предусмотренных в ст. 134–136 ГПК РФ и ст. 127.1–129 АПК РФ случаях суд не может возбудить производство по делу, но должен совершить иные предписанные законом действия, чтобы либо в интересах истца сохранить возможность возбуждения производства по делу, либо в интересах ответчика или общественного интереса не позволить истцу повторно предъявлять в суд то же обращение (например, если право не подлежит судебной защите или по тождественному иску имеется вступившее в силу судебное или арбитражное решение).

## Хронология введения российских сервисов электронного обращения в суд

В «доцифровую» эпоху российский законодатель выстраивал правила обращения в суд, открывая возможность обращения в суд более широким слоям населения через обращение в суд без адвоката; в советское время — через доступность каждому формулировок процессуального закона и простоту порядка возбуждения производства по делу, расширение категорий гражданских дел, рассматриваемых судом, а затем и дел из публично-правовых отношений. В Российской Федерации в 90-е годы XX столетия в доктрине гражданского процесса закрепляется идея доступности правосудия.

В конце XX — начале XXI вв. новейшие технологии активно внедряются в деятельность сначала арбитражных судов, а затем и судов общей юрисдикции. Бизнес-сообщество с начала 1990-х годов, а с середины 2000-х годов и население Российской Федерации в целом повсеместно используют электронные, а затем цифровые средства связи и носители информации. Востребованность достижений телекоммуникационных технологий для преодоления проблемы географической удаленности суда в масштабах страны стала очевидной для российского государства.

При этом до появления электронных сервисов самым надежным способом доставления исковых заявлений и ходатайств по делу чаще всего выступали личные обращения истца или его представителя в канцелярию суда, так как на работу почтовой связи можно было положиться далеко не всегда. Личное обращение в суд, расположенный в другом населенном пункте, из-за транспортных затрат могло стоить недешево, а если ответчик располагался в другом регионе, стоимость, как правило, возрастала многократно. Ввиду невысокого уровня доходов населения в то время необходимость обратиться в суд за пределами своего населенного пункта для многих создавала серьезное препятствие для обращения в суд в принципе, а после возбуждения производства по делу — против участия в судебном заседании и ознакомления с материалами дела. Личное обращение в арбитражный суд, где дела в первой инстанции рассматривались единственным судом в субъекте Российской Федерации, также представляло собой недешевое удовольствие не только для малого, но и для среднего бизнеса, и тем более для большинства индивидуальных предпринимателей и граждан, которые в случаях, определенных АПК РФ, участвуют в делах, рассматриваемых арбитражным судом.

К середине 2000-х годов распространение доступа к Интернету, резко возросшая доступность персональных устройств телекоммуникационной связи для бизнеса и основной части российского населения, обеспечение судов современным оборудованием, создание сайтов судов

укрепило среди судейского корпуса и в общественном сознании убеждение в том, что обращение в суд через Интернет в России *технически* возможно и потенциально может значительно снизить издержки в связи с подачей искового заявления в суд, упростить доступ к правосудию, поскольку обращение поступит в суд практически мгновенно с помощью достаточно надежного вида связи.

В последние полтора десятилетия в Российской Федерации наряду с традиционными формами инициирования гражданских дел появилось сразу несколько сервисов обращения в суд с использованием сети Интернет.

В феврале 2010 г. для системы арбитражных судов был запущен первый подобный сервис — «Мой арбитр». Его работа была обеспечена закреплением в ч. 1 ст. 125, ч. 2 ст. 126 и в абз. 2 ч. 1 ст. 131 АПК РФ права подавать исковое заявление, прилагаемые к нему документы[6], а также отзыв на него в форме электронного документа[7].

Несколько позднее, в 2012 г., функция подачи электронного обращения появилась на сайте Верховного Суда Российской Федерации[8]. С тех пор через данный электронный сервис в Верховный Суд РФ можно подать кассационную или надзорную жалобу по гражданскому делу, заявление о пересмотре по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, а также отзыв на такие обращения. В рамках производства по жалобе — ходатайство или заявление.

Следующим этапом развития доступа к правосудию через электронные сервисы стало внедрение функции обращения в суд через федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее — портал «Госуслуги»). Теперь все вышеобозначенные процессуальные действия истец может совершать, авторизовавшись в своем личном кабинете на портале «Госуслуги». Там также доступны для ознакомления пошаговая иллюстрированная инструкция по пользованию сервисом при подаче обращения в Верховный Суд РФ и порядок подачи в Верховный Суд РФ документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа[9]. Сервис включает поиск по базе данных дел Верховного Суда РФ (на 14.12.2024 база данных содержала сведения по 1 370 841 делу, рассматриваемому Верховным Судом РФ в порядке гражданского судопроизводства по кассационным, надзорным жалобам), поиск по заявлениям о пересмотре по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, а также возможность получить техническую помощь в связи с подачей электронного обращения[10].

В 2017 году был запущен объединенный суперсервис «Электронное правосудие», который и по настоящее время дает возможность как подачи иска в арбитражные суды, так и обращений

---

6 В настоящее время на сайте системы «Электронное правосудие» можно ознакомиться с видеоинструкцией подачи искового заявления в арбитражный суд. См.: Мой арбитр. (n.d.). *Отправка документа через систему «Мой арбитр» на примере искового заявления физического лица.* https://my.arbitr.ru/#help/0/0. (Дата обращения 17.12.2024).

7 Федеральный закон «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ» от 27 июля 2010 года № 228-ФЗ. Собрание законодательства РФ. 02.08. 2010, № 31, ст. 4197.

8 На сайте Верховного Суда Российской Федерации кнопка для перехода к сервису подачи электронных обращений находится первой в окне полезных ссылок на главной странице (https://vsrf.ru/).

9 Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утвержденный приказом председателя Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 46-П. https://vsrf.ru/files/6665/

10 Информация доступна в личном кабинете пользователя портала «Госуслуги» на странице поиска по базе данных дел.

в Верховный Суд РФ. Его особенностью является постепенное объединение различных электронных судебных сервисов[11].

Тогда же возможность подавать в электронном виде иски и другие обращения в суды общей юрисдикции открылась в государственной автоматизированной системе «Правосудие» (ГАС «Правосудие»). Кроме того, в Москве действует особая комплексная информационная система судов общей юрисдикции (далее — КИС СОЮ), которая в том числе позволяет обратиться в суд с иском с персонального цифрового устройства[12].

В течение 2022 г. гражданами было подано в суды более 5,5 миллиона документов в электронном виде[13], что подтверждает достаточно активное использование всех указанных сервисов участниками споров.

Наконец, в марте 2024 г. портал «Госуслуги» включил в набор функций, предоставляемых владельцам подтвержденных учетных записей, возможность подачи обращения в суд через суперсервис «Электронное правосудие». Теперь все иски, жалобы, ходатайства и другие обращения по гражданским или административным делам можно подавать онлайн во все суды общей юрисдикции, а также обращаться в Верховный Суд[14]. Сервис портала «Госуслуги» позволяет определить подсудность дела, рассчитать госпошлину. Кроме того, подавая иск таким образом, можно сразу оплатить госпошлину электронным платежом. Важно отметить, что «Госуслуги» сопровождает предлагаемые пользователю при подаче иска действия краткими пошаговыми пояснениями, содержание которых понятно человеку, который не имеет юридического образования. Интерфейс данного сервиса более дружелюбен, чем сервисы судов. Кроме того, использование сайта «Госуслуг» позволяет направить в суд исковое заявление не только за электронной подписью, но и за простой письменной подписью посредством направления скан-копии документа. Это возможно благодаря обязательной аутентификации пользователя на сайте, которую гражданин проходит при открытии личного кабинета на любом из устройств.

При этом традиционные формы отправления обращения в суд (путем направления документов государственной почтовой службой «Почта России», курьерской службой или лично в канцелярию суда) сохранены и по-прежнему пользуются популярностью среди обычных граждан и юридического сообщества. Использование традиционных способов обращения в суд могут быть только частично объяснены консервативностью.

## Проблемы в использовании электронных сервисов для обращения в суд

Представляется, что существуют три проблемы, которые не позволяют перейти к полномасштабному использованию электронных форм взаимодействия с судом.

---

11 См. хронологию этого процесса: My.arbitr. (n.d.). *История обновлений системы Электронное правосудие.* https://my.arbitr.ru/Updates/UpdatesList (дата обращения: 14.12.2024).

12 Синченкова, А. (2023, 12 октября). *Шаблоны исков и советы о подсудности: как суды используют современные технологии.* https://pravo.ru/story/249251/; См. также: Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. (2016, 26 декабря). *Перечни информационных систем и банков данных, находящихся в ведении судов.* https://mos-gorsud.ru/is-and-db

13 Лебедев, В. М. (2023). *Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации на XVIII Совещании председателей Верховных судов государств — членов ШОС 11 марта 2023 г.* https://www.vsrf.ru/files/32255/

14 Минцифры. (2024, 4 марта). Обратиться в суд теперь можно через Госуслуги. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. https://digital.gov.ru/news/obratitsya-v-sud-teper-mozhno-cherez-gosuslugi

### Проблема сохранения гарантий права быть выслушанным при обращении в суд посредством электронных сервисов

Первая проблема связана с привязанностью закрепленных в ГПК РФ и АПК РФ гарантий права на обращение в суд к традиционным формам подачи обращения в суд, предполагающим либо личное вручение документов в канцелярию суда, либо их направление почтовой службой. Речь идет, прежде всего, о правилах определения даты обращения в суд, что может быть важно при разрешении вопроса об истечении срока исковой давности, срока обращения в некоторых делах о защите прав в публично-правовой сфере, либо при определении приоритета иска в ситуации *lis pendens*, а также в некоторых других случаях.

Так, в ст. 136 ГПК и ст. 128 АПК закреплена гарантия права на судебную защиту через процессуальное действие по оставлению заявления без движения. Обнаружив ошибки и недочеты, допущенные при оформлении искового заявления или других обращений в суд, посредством которых инициируется производство по делу в первой инстанции, суд выносит определение об оставлении заявления без движения и предоставляет срок для их исправления. Тот факт, что суд обязан совершить данное процессуальное действие по прямому указанию закона, позволяет истцу устранить некоторые формальные недочеты (например, доплатить государственную пошлину или представить документы, подтверждающие отправление копии искового заявления ответчику), а также добиться возбуждения производства по делу, сохранив дату первоначального «неудачного» обращения с исковым заявлением как дату обращения в суд[15].

В случае обращения в суд посредством электронных каналов связи такие гарантии не действуют до тех пор, пока обращение не дойдет до судьи. Между судьей и обращением, поступившим в суд в электронном виде, возникает промежуточное звено в лице сотрудника суда, который проверяет соответствие поступивших документов, во-первых, техническим требованиям, предъявляемым соответствующими сервисами, и, во-вторых, на предмет соблюдения Порядка, утвержденного Судебным департаментом Верховного Суда РФ[16]. Так, согласно п. 4.4 Порядка просмотр документов, поданных в суд в электронном виде, осуществляется сотрудником аппарата суда, который должен убедиться в том, что документы адресованы суду, доступны для прочтения, оформлены в соответствии с требованиями, изложенными в вышеупомянутом Порядке. Если данные условия соблюдены, пользователю в личный кабинет направляется уведомление о получении судом поданных документов. Если же названные условия не соблюдены, пользователю направляется уведомление о том, что документы «не могут быть признаны поступившими в суд».

В п. 4.5 Порядка среди причин для признания искового заявления не поступившим в суд перечислены следующие основания:

- документ нечитаем (например, по причине того, что страницы документа перевернуты; документ содержит не все страницы; нет нумерации страниц; в файле отсутствует электронный документ или электронный образ документа (скан); отсутствует связный текст);
- файл обращения в суд и (или) файлы прилагаемых к нему документов представлены в форматах, не предусмотренных данным Порядком;

---

15 Такая же гарантия предоставляется при обращении с кассационной жалобой в кассационный суд общей юрисдикции (ст. 378.2 ГКП РФ) и кассационной жалобой в арбитражный суд округа (ст. 280 АПК РФ).

16 Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» от 27.12.2016 № 251 (ред. от 23.01.2024). Бюллетень актов по судебной системе. 2017, № 2.

- обращение в суд и прилагаемые к нему документы не представлены в виде отдельных файлов (в одном файле содержится несколько электронных документов или несколько электронных образов документов);
- наименование файлов не позволяет идентифицировать документы, в них содержащиеся.

Если подобные недостатки будут обнаружены при поступлении обращения в суд почтовой связью, оно будет передано судье, даже если к исковому заявлению прилагаются на *USB*-флеш-накопителе (флеш-карте) документы в электронном виде с указанными выше недостатками. В таком случае именно судья, а не сотрудник суда, будет решать, возбуждать ли производство по делу или оставить заявление без движения, сохранив для инициатора обращения возможность перерыва срока исковой давности или приоритет обращения в суд.

В случае выявления технических несоответствий представленного обращения (п. 4.5 Порядка), обратившемуся будет направлено уведомление о том, что документы не могут быть признаны поступившими в суд. Соответственно, сами документы не будут подлежать регистрации, предусмотренной п. 4.7. Порядка, и в дальнейшем не будут учитываться судом. Таким образом, обращение в суд в подобных ситуациях не достигает суда и право быть выслушанным на этапе обращения в суд оказывается блокированным. Если до повторного обращения истечет срок исковой давности или окажется упущенным приоритет обращения в суд, истец может лишиться судебной защиты даже если производство по делу удастся возбудить.

Представляется, что решение проблемы может опираться на подход, основанный на использованном в некоторых актах *ЮНСИТРАЛ* принципе функциональной эквивалентности[17]: чтобы сохранить право истца быть выслушанным по поводу обращения в суд, судьбу искового заявления, направленного в электронной форме, как и в случаях с бумажным обращением в суд, должен решать судья, оставляя при необходимости его без движения. Признавать исковое заявление не поступившим при обнаружении названных выше оснований следует *только в тех случаях*, когда сам текст искового заявления невозможно прочесть или он отсутствует в файле.

Действительно, если исковое заявление поступает в суд почтовой связью и в конверте обнаруживается нечитаемый документ или бумага без текста, исковое заявление не считается поступившим, т. к. невозможно установить, что полученная корреспонденция представляет собой обращение в суд. Между тем, если текст искового заявления поступил, но он не ясен, перепутаны страницы, приложения к нему нечитаемы или пропущены, оно все же будет передано судье, который решит, оставлять ли такое исковое заявление без движения.

Таким образом, в настоящее время к обращениям, поступающим в суд в электронной форме, предъявляются *дополнительные требования*, иногда без законных на то оснований ограничивающие право истца получить ответ именно судьи, а не сотрудника суда, на свое обращение, а также закрепить дату первоначального *электронного* обращения в суд в качестве *даты обращения* за судебной защитой. Невозможность получить ответ суда на свое обращение в установленном законом порядке представляет собой **нарушение права быть выслушанным**, неотъемлемой частью которого является *право быть услышанным судом* и *получить его ответ*.

---

[17] Принцип «функциональной эквивалентности» предполагает, что при соблюдении определенных условий юридическая сила электронных сообщений эквивалентна бумажным документам, поскольку они выполняют одну и ту же функцию. Данный принцип позволяет правовой системе сохранить «традиционный бумажный подход», а также избежать создания специального правового режима для электронных коммуникаций (так называемый «двухрежимный» подход). См. об этом: Lyu & Zhou (2018).

С учетом того что электронное обращение с приложенными документами после признания его поступившим обязательно распечатывается и представляется судье для решения вопроса о возбуждении производства по делу (п. 4.6 Порядка), разумные обоснования ограничения такого права истца на этапе подачи искового заявления не обнаруживаются.

Практикующие юристы для сохранения первоначальной даты поступления иска как даты первого обращения за судебной защитой, когда это важно, предпочитают представить исковое заявление в суд лично или направить почтовой либо курьерской службой, чтобы добиться возникновения обязанности у суда совершить процессуальные действия в отношении иска и при необходимости оставить его без движения. Таким образом момент обращения в суд точно будет зафиксирован.

Поскольку в Порядке подачи документов в электронном виде в *арбитражные суды* Российской Федерации[18], содержатся такие же правила, что и в рассмотренном Порядке подачи документов *в суды общей юрисдикции*, при обращении в арбитражный суд через сервис «Мой арбитр» может возникать аналогичная проблема признания документов не поступившими.

Аналогичная проблема может возникать при подаче обращения через портал «Госуслуги». Так, по сведениям Минцифры РФ, если суд примет обращение, оно будет зарегистрировано в течение нескольких часов[19]. Следовательно, риск остаться без судебной защиты существует и в самом новейшем электронном сервисе подачи иска в суд, ведь при обращении в суд таким способом, если исковое заявление не будет принято, процессуальная обязанность дать ответ на обращение у суда не возникает. Моментом обращения в суд должен быть момент завершения загрузки документов в электронный сервис так же, как момент сдачи бумажных документов почтовой службе.

## Влияние технических сбоев на доверие к электронным обращениям в суд

К почтовой связи юристы-практики, как и все остальные граждане, вынуждены прибегать для доставки обращения в случае сбоя электронных сервисов[20]. В августе 2024 г. такой сбой произошел в системах ГАС «Правосудие» и КИС СОЮ[21]. В октябре 2024 г. был повторный сбой в системе ГАС «Правосудие»[22]. Также не работали сервисы «Электронное правосудие», система подачи жалоб на сайтах судов и на портале «Госуслуги», восстановившись полностью только 22 октября 2024 г.[23] В связи с этим пользователи, направившие исковые заявления в электронной форме, не получали подтверждения об их получении. В такой ситуации отправитель

---

18 Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» от 28.12.2016 № 252 (ред. от 20.02.2018), утвердивший «Порядок подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа». Бюллетень актов по судебной системе. 2018, № 4.

19 Минцифры. (2024, 4 марта). Обратиться в суд теперь можно через Госуслуги. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. https://digital.gov.ru/news/obratitsya-v-sud-teper-mozhno-cherez-gosuslugi

20 Вараксин, М. (2024, 16 октября). *Поломка ГАС «Правосудие»: что делать сейчас и как восстановить сроки потом.* https://pravo.ru/story/255626/

21 Право.ру. (2024, 2 августа). *В работе ГАС «Правосудие» произошел крупный сбой.* https://pravo.ru/news/254460/

22 Вараксин, М. (2024, 16 октября). *Поломка ГАС «Правосудие»: что делать сейчас и как восстановить сроки потом.* https://pravo.ru/story/255626/

23 Кучушев, С., Суринская, Я., & Арялина, М. (2024, 11 ноября). Как самый масштабный сбой ГАС «Правосудие» повлиял на работу судебной системы. *Ведомости*. https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/11/11/1074074-kak-samii-masshtabnii-sboi-gas-pravosudie-povliyal-na-rabotu-sudebnoi-sistemi

вынужден был выяснять, поступило ли в суд обращение, направленной через электронный сервис, и, если нет, получать подтверждение сбоя, чтобы восстановить пропущенный срок. Чтобы предупредить случаи отказа в восстановлении даты обращения в суд через электронный сервис со ссылкой на имевшиеся у истца возможности отправить почтой или доставить в суд лично исковое заявление, а также чтобы упрочить доверие к электронной коммуникации с судом, подобные ситуации требуют урегулирования.

### Уровень компьютерной грамотности пользователей

Третья проблема, с которой очевидно можно связать неспешность освоения гражданами новых технологий для обращения в суд, сопряжена со сложностями технического характера при подаче искового заявления, с которыми сталкиваются люди, не обладающие навыками опытного компьютерного пользователя. К примеру, не всякий юрист сразу поймет смысл требования, изложенного в п. 2.3.4. Порядка подачи в арбитражные суды РФ документов в электронном виде: «Файлы и данные, содержащиеся в них, должны быть доступными для работы, не должны быть защищены от копирования и печати, не должны содержать интерактивные и мультимедийные элементы, внедренные сценарии на языке *JavaScript* или любых других языках программирования»[24].

Раздел часто задаваемых вопросов на сайте «Мой арбитр»[25] ярко демонстрирует те сложности, которые испытывают пользователи, притом что чаще всего основными пользователями сервиса выступают профессиональные юристы. Пользователи не всегда понимают, что следует делать, столкнувшись с выплывающим окном, в котором информация изложена языком программистов, и вынуждены обращаться в техподдержку с просьбой пояснить, что значит такая надпись и что делать. Также неизбежны технические сбои, когда пользователь все делает верно, но что-то в сервисе «пошло не так». При любом из таких сбоев истец или его представитель вынуждены тратить время на решение проблемы технического характера вместо того, чтобы получить быстрый доступ к правосудию. Возможно, введенная недавно в сервисе «Мой арбитр» функция чат-бота «Арбитр-бот» сможет оперативно оказывать помощь в подобных ситуациях[26].

## Преимущества электронных сервисов доступа к правосудию и перспективы их развития

Обращает на себя внимание количество сервисов, позволяющих направить обращение в суды общей юрисдикции: ГАС «Правосудие», а в Москве также еще КИС СОЮ или через портал «Госуслуги». Тем, кто нуждается в судебной защите, и их представителям рассматриваемые в настоящей работе сервисы позволяют в большинстве случаев быстро и без дополнительных расходов обратиться в суд, определив автоматически его подсудность и размер госпошлин. Пользователь получает доступ к материалам дела, возможность представлять доказательства в электронной форме, участвовать в судебном заседании онлайн и получить судебные акты

[24] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» от 28.12.2016 № 252 (ред. от 20.02.2018), утвердивший «Порядок подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа». Бюллетень актов по судебной системе. 2018, № 4.

[25] МойАрбитр. (n.d.). *FAQ. О системе мой арбитр.* https://my.arbitr.ru/#help/4/0 (дата обращения: 2024, 14 декабря).

[26] МойАрбитр. (n.d.). *Что такое Арбитр-бот и как с ним работать?* https://my.arbitr.ru/#help/4/1 (дата обращения: 2024, 14 декабря).

или исполнительный лист в электронной форме. Все это может способствовать значительной экономии времени юристов на выполнение формальных требований к подготовке обращения в суд, что способствует снижению затрат тех, кто обратился к ним за юридической помощью.

Опытные пользователи электронных сервисов и сами могут подать иск, существенно сэкономив время. Тем же, кто испытывает сложности в использовании средств электронной коммуникации и не обладает серьезными компьютерными навыками или не имеет устройства для выхода в Интернет, государство предоставляет необходимую инфраструктуру в виде Многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг (далее — МФЦ), где можно направить в суд заявление через ГАС «Правосудие»[27], а в Москве также через систему КИС СОЮ — в московские суды общей юрисдикции.

Кроме того, в МФЦ существуют центры цифровых компетенций или секторы пользовательского сопровождения, где человек может получить техническую помощь сотрудника МФЦ в создании личного кабинета пользователя на портале «Госуслуги», в сканировании самостоятельно подготовленных гражданином документов и загрузке файлов в систему, а также в заполнении электронной формы искового заявления[28]. Бесплатную юридическую помощь по сути искового требования сотрудники МФЦ не оказывают, они консультируют только по вопросам технического характера, связанным с использованием электронного сервиса. Однако государство уделяет внимание доступу граждан к правовой информации по наиболее часто встречающимся ситуациям. Так, Минюстом России реализуется проект информационной системы «Правовая помощь», где можно найти информацию об организациях, осуществляющих бесплатную правовую помощь, а также пошаговые инструкции для защиты своих прав в часто встречающихся жизненных ситуациях, сгруппированных в 21 тематический блок[29]. К сожалению, о возможности направить исковое заявление через электронный сервис, в том числе обратившись в МФЦ, в информационной системе «Правовая помощь» не сообщается.

В некоторых регионах были запущены новые экспериментальные сервисы. Так, в Белгородской области три мировых судьи используют электронный сервис для подготовки судебных приказов по взысканию налогов с граждан[30], а в Амурской области из искового заявления в формате *.pdf* с помощью искусственного интеллекта (далее также — ИИ) считывается информация, необходимая для внесения в автоматизированную систему делопроизводства, что призвано сократить сроки регистрации обращений в суд[31]. В 2024 г. запущен некоммерческий проект «Кассатор онлайн», в рамках которого предполагаются бесплатная подготовка кассационной жалобы по гражданскому делу и представление интересов заявителя в суде в случае, если искусственный интеллект найдет в решении нижестоящей инстанции основания

[27] Постановление Правительства РФ «О внесении изменения в Правила организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг» от 19.08.2022 № 1457. Собрание законодательства РФ. 22.08.2022, № 34, ст. 5996.

[28] Куликов, В. (2023, 13 марта). Глава Верховного Суда РФ Вячеслав Лебедев: обратиться в суд можно через МФЦ. *Российская газета*. https://rg.ru/2023/03/13/isk-v-odno-okno.html

[29] Минюст России. (n.d.). *Жизненные ситуации — понятным языком о сложном.* https://вправе.рф/categories/ (дата обращения: 14.12.2024).

[30] Корня, А., & Прытков, А. (2024, 27 мая). Белгородские суды начали использовать нейросети при подготовке судебных приказов. *Коммерсантъ*. https://www.kommersant.ru/doc/6728050

[31] РАПСИ. (2023, 12 октября). *Момотов предложил включить ИИ в конструкторы исков и учесть психику пользователей*. https://rapsinews.ru/judicial_news/20231012/309294827.html; AMUR.LIFE. (2024, 13 ноября). *Искусственный интеллект поможет судьям Амурской области в их работе*. https://www.amur.life/news/2024/11/13/iskusstvennyy-intellekt-pomozhet-sudyam-amurskoy-oblasti-v-ih-rabote

для отмены. Цель проекта — тренировка нейросети, которую собираются обучить самостоятельной подготовке кассационных жалоб и прогнозированию решений судов[32].

Возможность применения в судах искусственного интеллекта обсуждалась на совещании-семинаре в Совете Федерации ФС РФ[33]. Советник отдела информационной безопасности управления информатизации и связи Верховного Суда РФ Александр Долженко высказал мнение о том, что в перспективе можно ставить вопрос о подключении ИИ к автоматизированному составлению проектов судебных актов, но также отметил остроту проблемы «галлюцинаций нейросетей»[34].

Данная проблема является только вершиной айсберга, по сути, результатом «механизма действия» искусственного интеллекта, который зависит от качества тех данных, предоставляемых для обучения, а также от алгоритмов, изначально заложенных в искусственный интеллект, либо тех, которые сам искусственный интеллект в процессе самообучения вырабатывает и которые не поддаются до конца контролю. Чрезвычайно важный вопрос о качестве таких данных, их источнике и об особенностях алгоритмов, которые применяются или планируются к применению в сфере правосудия, пока никак не урегулирован.

Так как использование искусственного интеллекта в сервисах, обеспечивающих функцию обращения в суд, уже становится реальностью[35], следует в самые короткие сроки разработать правила использования ИИ в судебной сфере, которые включали бы пределы использования ИИ и контроль над разработкой и применением ИИ. При этом важно учитывать опыт иных юрисдикций, уже предпринявших определенные шаги в этом направлении. Так, заслуживает внимания опыт разработки Европейской этической хартии использования искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях, выделяющей пять основных принципов использования ИИ[36]. Пристальное внимание нужно уделить выявлению возможных угроз процессуальным правам и правам человека применением ИИ. Хотя жесткое ограничение использования ИИ в сфере отправления правосудия в Европейском союзе[37] в целом и во Франции в частности критикуется как препятствующее развитию информационных технологий в Европе, следует задуматься над предостережением, уже прозвучавшем в российской правовой науке. Так, В. А. Виноградов отмечает, что приоритетом деятельности *IT*-компаний

---

32 Корня, А. (2024, 27 мая). Нейросеть заходит в суд. *Коммерсантъ*. https://www.kommersant.ru/doc/6727888

33 Там же.

34 Там же.

35 См. выше по тексту пример Амурской области.

36 European Commission for the Efficiency of Justice. (2018). *European ethical Charter on the use of Artificial Intelligence in judicial systems and their environment.* Council of Europe. https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c. Хартия была переведена на русский язык, см.: https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4

37 В соответствии с ч. 2 ст. 6 Акта ЕС об искусственном интеллекте (*EU AI Act*) к системам ИИ самого высокого *неприемлемого* уровня (из четырех возможных и регламентированных уровней отнесены системы ИИ, предназначенные для использования судебными органами в исследовании и толковании фактов и закона, а также в применении закона к конкретному набору фактов. См.: Regulation 2024/1689, of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 Laying down Harmonised Rules on Artificial Intelligence and Amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act), 2024 OJ (L 1689) http://data.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj. См. также ст. 6 Акта, приведенную в системе с иными положениями Акта, на посвященном ему вебсайте: EU Artficial Intelligence Act. (n.d.). *Article 6: Classification rules for high-risk AI systems*. https://artificialintelligenceact.eu/article/6/ (дата обращения: 14.12.2024).

являются достижение максимальной прибыли и усиление своего политического влияния. В то время как слабое внимание *IT*-компаний к правам и свободам человека является одним из самых больших вызовов, на который публичная власть должна отвечать постоянным совершенствованием регулирования деятельности *IT*-компаний с целью защиты прав и свобод своих граждан в цифровом пространстве (Vinogradov, 2024).

В настоящее время в Российской Федерации принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года[38], действуют Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"»[39] и Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»[40], однако в этих нормативных актах не разработана шкала рисков применения ИИ и не устанавливаются никакие специальные правила для использования ИИ в сфере судопроизводства.

Первый заместитель председателя комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству И. В. Рукавишникова предложила использовать сбалансированный подход к регулированию ИИ с точечным ограничением его использования и применением риск-ориентированного подхода к генерированию искусственного интеллекта[41]. Применение ИИ в судебной сфере предлагается отнести в к самому высокому из четырех уровней рисков нарушения прав человека[42]. Назрела необходимость принятия этического кодекса для использования искусственного интеллекта в сфере правосудия, включая связанные с ней сферы деятельности (например, адвокатская деятельность, проведение судебных экспертиз и др.).

В подготовленном в 2021 г. Специальным комитетом по искусственному интеллекту (*CAHAI*) Анализе проведенных консультаций с участием заинтересованных сторон (234 организации из 38 стран Европы, включая РФ, и 24 организаций из Африки, Азии, Южной и Северной Америки)

---

38 Утверждена Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Собрание законодательства РФ. 14.10.2019, № 41, ст. 5700.

39 Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"» от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ. Собрание законодательства РФ. 12.08.2024, № 33 (часть I), ст. 4929.

40 Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ. (ред. 08.08.2024). Собрание законодательства РФ. 03.08.2020, № 31 (ч. I), ст. 5017.

41 Риск-ориентированный подход закреплен в п. 2.1 Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта от 26 октября 2021 г. (носит рекомендательный характер) и требует, чтобы уровень внимания к этическим вопросам в области ИИ и характер соответствующих действий акторов ИИ был пропорционален оценке уровня рисков, создаваемых конкретными технологиями и системами ИИ для интересов человека и общества, а также чтобы принятие значимых для общества и государства решений в области применения ИИ сопровождалось научно выверенным, междисциплинарным прогнозированием социально-экономических последствий и рисков, изучением возможных изменений в ценностно-культурной парадигме развития общества с учетом национальных приоритетов. Во исполнение такого подхода рекомендована разработка и использование методики оценки рисков систем ИИ. См. подробнее: Комиссия по реализации кодекса этики в сфере искусственного интеллекта. (n.d.). *Кодекс этики в сфере ИИ*. Альянс в сфере искусственного интеллекта. https://ethics.a-ai.ru

42 Гурьянов, С. (2024, май 24). Человек, ИИ, закон: как в России будут регулировать искусственный интеллект? *Известия*. https://iz.ru/1701186/sergei-gurianov/chelovek-ii-zakon-kak-v-rossii-budut-regulirovat-iskusstvennyi-intellekt

отмечается, что участники консультаций четко выделяют правосудие как одну из областей, в которых ИИ представляет наибольшую опасность для прав человека, демократии и верховенства закона[43]. Европейские Модельные правила гражданского процесса используют более «мягкие» формулировки и допускают использование судьями искусственного интеллекта в той мере, в какой это соответствует праву быть заслушанным при условии, что стороны знают об их использовании и имеют справедливую возможность оспорить их характер, качество, а также выводы, которые могут быть сделаны на их основе (European Law Institute & UNIDROIT, 2021, p. 23).

Правила использования ИИ в судебной сфере должны быть направлены прежде всего на сохранение и развитие в ходе применения ИИ существующего уровня гарантий права на судебную защиту, включая право быть выслушанным, доступ к суду, независимость и беспристрастность суда, равные возможности для сторон спора реализовать свои процессуальные права, недискриминацию — в том числе цифровую — лиц, желающих обратиться в суд, и участников судебного разбирательства. Е. Г. Авакян верно отмечает, что, обращаясь к ИИ-инструментам, люди должны знать и понимать, что взаимодействуют *именно с ИИ*, и иметь возможность отказаться от такого взаимодействия[44].

Думается, подобные правила были бы полезны не только для разработки программных средств с использованием ИИ, предназначенных для эксплуатации в судебной сфере, но и для программных средств, обеспечивающих два десятка лет автоматизацию процессов в той же судебной сфере без использования ИИ. Речь идет об информационных системах и платформах, обеспечивающих коммуникацию частных лиц и юристов с судебной системой. При этом искусственный интеллект, задействованный в электронных сервисах в сфере правосудия, не должен в угоду скорости судопроизводства или коммуникации с судом игнорировать процессуальные права или препятствовать их реализации. Как верно отмечают марокканские исследователи, искусственный интеллект не просто инструмент для повышения эффективности судебной сферы, он должен укреплять, а не снижать гарантии верховенства закона и качество государственной системы правосудия (Jabir et al., 2024).

Зарубежные исследователи обращают внимание на необходимость обеспечивать такое управление процессами разработки и использования электронных систем в сфере правосудия, которое обеспечивало бы справедливое судебное разбирательство посредством программных кодов с учетом норм процессуального права. Прежде всего, отмечается естественность передачи функции управления процессами разработки и использования электронными системами в сфере правосудия самой судебной власти, т. к. применение процессуального права является задачей суда (Reiling & Contini, 2022, p. 13). Хотя А. Пелевин, руководитель компании «Pravo.Tech» (разработчик сервиса «Мой арбитр»), заявлял еще в 2020 году на основе проведенной оценки действовавших на тот момент электронных судебных автоматизированных систем, что ни в одной другой стране нет более совершенных автоматизированных систем, чем те, которые используются сегодня в российском правосудии[45], представляется, что предстоит еще много работы в этом направлении. Тем не менее планы по внедрению технологий искусственного интеллекта

---

[43] Ad Hoc Committee on Artificial Intelligence. (2021). *Draft analysis of the multi-stakeholder consultation*. Council of Europe. https://rm.coe.int/cahai-cog-2021-01-draft-report-msc-2763-7501-0051-v-1/1680a2e2d5. Неофициальный перевод данного аналитического доклада доступен по адресу: https://sk.ru/media/documents/CAHAI_AI_Research.pdf

[44] Селдон Новости. (2023, 6 июля). *Ключевые вопросы правового регулирования и развития ИИ в ближайшей перспективе.* https://news.myseldon.com/ru/news/index/287669334

[45] Малаховский, С. (2020, 9 апреля). *«Ни в одной другой судебной системе мира нет более совершенных информационных систем, чем в российском правосудии»*. https://pravo.ru/story/220333/

в действующие сервисы в сфере правосудия и планируемые к разработке сервисы по подаче кассационных жалоб, включая сервисы предиктивного правосудия делают вопрос разработки нормативного акта, определяющего пределы и правила использования ИИ в сфере правосудия, крайне актуальным именно в целях сохранения и развития процессуальных гарантий закрепленного в ст. 46 Конституции РФ права на судебную защиту.

Приведенный выше пример, когда предусмотренная ГПК РФ и АПК РФ процессуальная гарантия, позволяющая закрепить дату первоначального обращения в суд, поданного с формальными ошибками, не может быть реализована в электронной коммуникации, иллюстрирует, что контроль судебной власти над разработкой средств электронной коммуникации с участниками судопроизводства может оказаться недостаточным. Объясняя недостаточно дружелюбный интерфейс ГАС «Правосудие», специалисты обращают внимание на то, что изначально задачи ее разработки были связаны с повышением эффективности работы судей, а не с улучшением взаимодействия суда со сторонами дела[46].

Следовательно, среди приоритетных задач разработки программного обеспечения, прямо или косвенно связанного с обеспечением коммуникации участников дела с судом, реализации их процессуальных прав, должны быть сохранение и развитие всего комплекса прав, гарантированных гражданским и арбитражным процессуальным правом, а также Конституцией РФ. Контролировать выполнение этих задач в ходе разработки программ в рамках конкретного проекта на всем его протяжении, начиная с этапа составления технического задания и включая внедрение готового продукта, должны те, кто представляет потенциальных участников судебных разбирательств, — адвокаты, практикующие юристы (включая юрисконсультов организаций и государственных органов) и ученые-процессуалисты, которые могли бы оценить степень потенциальной сохранности процессуальных гарантий и, при необходимости, отстоять их[47]. В аспекте создания продуктов ИИ на необходимость общественного контроля над алгоритмом обучения и массивом данных, на котором обучается ИИ, как на условие применение ИИ в судопроизводстве уже обращалось внимание[48].

Цифровизация судебной коммуникации ставит еще два вопроса, связанных с подачей обращения в суд с использованием электронных сервисов, которые уже требуют решения. Первый из них обусловлен правом на защиту персональных данных, которые неизбежно передаются при обращении в суд. Проблема защищенности персональных данных сопряжена с доверием частных лиц судебной системе. Если не будет обеспечиваться их должная сохранность под контролем судов, может наступить момент, когда при решении вопроса об обращении в суд заявитель будет вынужден взвешивать риски утечки персональных данных, а значит, задумываться о доверии суду. Опасения передать суду личную информацию могут быть серьезным препятствием для реализации права быть выслушанным в целом и права на доступ к правосудию в частности. Необходимо, не дожидаясь серьезных случаев незаконного использования переданных суду и сохраняемых под его контролем персональных данных, устанавливать правила, которые регулировали бы отношения между частным лицом и судом, возникающие

---

46 Речкин, Р. В. (2022, 2 февраля). *Об электронном правосудии. Система «Мой Арбитр», ГАС «Правосудие», суперсервис «Правосудие онлайн» и все-все-все...* https://www.intellectpro.ru/press/works/ob_elektronnom_pravosudii/

47 European Commission for the Efficiency of Justice. (2016). *Guidelines on how to drive change towards Cyberjustice* (pp. 68–69). Council of Europe. https://edoc.coe.int/en/efficiency-of-justice/7501-guidelines-on-how-to-drive-change-towards-cyberjustice-stock-taking-of-tools-deployed-and-summary-of-good-practices.html

48 Селдон Новости. (2023, 6 июля). *Ключевые вопросы правового регулирования и развития ИИ в ближайшей перспективе*. https://news.myseldon.com/ru/news/index/287669334; Lukianova (2020, p. 146).

в связи с сохранением персональных данных судом и их использованием в статистических или иных законных целях, включая вопросы ответственности за ущерб или моральный вред, причиненный их утечкой.

В Российской Федерации вопросы использования программных средств и искусственного интеллекта в сфере правосудия рассматривались в рабочих группах Центра компетенций федерального проекта «Нормативное правовое регулирование цифровой среды» Фонда «Сколково» (https://sk.ru/legal/). Результатом их деятельности стало, в том числе, внесение ряда изменений в ГПК и АПК, закрепивших ряд возможностей судебной коммуникации в электронной форме. Однако, формулировки таких изменений, как правило, по своему содержанию направлены скорее на решение технических проблем, а не на обеспечение незыблемости процессуальных прав. Исходя из рекомендации Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта[49], сопровождать принятие значимых для общества и государства решений в области применения ИИ необходимо при одновременном осуществлении научно выверенного, междисциплинарного прогнозирования социально-экономических последствий и рисков. В связи с этим в рабочие группы по внедрению ИИ в сферу судопроизводства[50] необходимо включать не только представителей разработчиков ИИ, но и судей, представителей адвокатуры, практикующих судебных юристов, ученых-процессуалистов. При этом, возможно, было бы разумно начинать работу над совершенствованием правового регулирования и создания нормативной базы с разработки *этических правил применения ИИ в сфере правосудия* и *концепции правового регулирования* в этой области.

Еще одной проблемой цифровизации судов, которая была озвучена Председателем Совета судей В. В. Момотовым на пленарном заседании Совета судей в 2019 г., является устаревание информационно-телекоммуникационного оснащения судов[51]. Думается, это имеет далеко не только техническое значение. Сохранность судебных актов и дел в электронном виде в ситуации быстрого устаревания форматов хранения электронной информации, ее носителей, обрабатывающих ее программных средств требует внимания и планирования[52], т. к. уже сейчас, как показывает опыт действующего в течение 15 лет сервисов КАД «Арбитр» и ГАС «Правосудие», возможность анализа и обобщения судебной практики приобрела значение, определяющее преемственность и развитие права, в том числе конституционного права на судебную защиту. Такое значение сохранности судебных актов и судебных дел в электронном виде имеет общественную ценность, составляет, по меткому замечанию В. М. Шерстюка, национальное достояние[53]. Сохраняемые в электронной форме судебные акты и дела позволяют проводить аналитическую работу при подготовке судебных решений судьями, а также научных исследований. Высказанное в литературе мнение о том, что в условиях цифровизации адвокат

---

49 Комиссия по реализации кодекса этики в сфере искусственного интеллекта. (n.d.). *Кодекс этики в сфере ИИ*. Альянс в сфере искусственного интеллекта. https://ethics.a-ai.ru

50 В рабочие группы как по разработке нормативно-правовых и рекомендательных документов по использованию ИИ, так и по контролю над проектами по разработке и внедрению ИИ в судебную сферу.

51 Малаховский, А., & Климачева, К. (2019, 3 декабря). *Шаблоны исков и советы о подсудности: как суды используют современные технологии*. https://pravo.ru/story/216641/

52 Авакян, Е. (2021, 9 апреля). Мы не то чтобы не приняли решение, мы даже не начали двигаться. *Адвокатская газета*. https://www.advgazeta.ru/mneniya/my-ne-to-chtoby-ne-prinyali-reshenie-my-dazhe-ne-nachali-dvigatsya/

53 Профессор В. М. Шерстюк назвал судебную практику арбитражных судов национальным достоянием в своем выступлении на V Научно-практической конференции «Кутафинские чтения» «Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы» (27 ноября 2013 г., Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, Юридический факультет).

должен иметь такой же доступ к судебным аналитическим ресурсам, как у судей, подтверждает значение доступа к судебной практике при разработке правовой позиции по делу и составлении обращений в суд[54]. Следовательно, доступность судебной практики и инструментов ее аналитической обработки должна рассматриваться как часть права быть выслушанным, т. к. качество разрабатываемой юристом позиции по делу обусловлено доступными для анализа материалами.

Таким образом, возможно, право адвокатов, практикующих юристов и правоведов на доступ к судебной практике должно получить законодательное закрепление, что создало бы беспрецедентные условия для развития отечественного права.

## Заключение

К следующим выводам привели размышления в рамках данной статьи.

1. Невозможность получить ответ суда на свое обращение в установленном законом порядке является **нарушением права быть выслушанным**, неотъемлемой частью которого является *право быть услышанным судом* и *получить его ответ*. Чтобы сохранить гарантии права быть выслушанным и услышанным судом на этапе обращения в суд посредством электронного сервиса, к поступающим в электронном форме обращениям не должны предъявляться *дополнительные условия по сравнению с обращениями, поступающими в суд на бумажном носителе*, которые могли бы без законных на то оснований ограничить право истца получить ответ судьи. Также представляется необходимым закрепить дату первоначального *электронного* обращения в суд в качестве *даты обращения* за судебной защитой.
2. Чтобы упрочить доверие к электронной коммуникации с судом, подобные ситуации требуют урегулирования и дополнительных гарантий, позволяющих зафиксировать момент обращения в суд в случае технического сбоя судебного электронного сервиса. Пленум Верховного Суда РФ мог бы своим постановлением закрепить порядок и сроки действия истца, обращение которого не поступило в суд из-за технического сбоя.
3. Поскольку качество разрабатываемой юристом позиции по делу обусловлено в том числе доступными для анализа материалами, право представителя стороны на доступ к судебной практике и инструментам ее аналитической обработки предлагается рассматривать как часть права быть выслушанным. Законодательное закрепление права адвокатов, практикующих юристов и ученых-правоведов на доступ к судебной практике способно создать беспрецедентные условия для развития отечественного права.

## Список литературы / References

1. Sherstyuk, V. M. (2004). Pravo byt' vyslushannym i byt' uslyshannym — printsip grazhdanskogo protsessual'nogo prava [The right to be listened to and to be heard — a principle of civil procedural law]. In M. K. Treushnikov (Ed.), *Zametki o sovremennom grazhdanskom i arbitrazhnom protsessual'nom prave*. Gorodets.
2. Lyu G., & Zhou, S. (2018). Functional-equivalent approach in UNCITRAL electronic commerce legislation. In X. Xiao & H. Xue (Eds.), *Proceedings of the 2018 2nd international conference on management, education and social science (ICMESS 2018): Vol. 176* (pp. 1542–1545). Atlantis Press. https://doi.org/10.2991/icmess-18.2018.338

[54] Авакян, Е. (2021, 12 марта). Равные возможности. *Адвокатская газета.* https://www.advgazeta.ru/mneniya/ravnye-vozmozhnosti/

3. Vinogradov, V. A. (2024). Prava i svobody cheloveka i grazhdanina v tsifrovuyu epokhu: gosudarstva versus IT-giganty [Human and civil rights and freedoms in the digital age: States versus IT Giants]. *Zhurnal Rossiyskogo Prava*, *28*(9),72–87. https://doi.org/10.61205/S160565900030998-1
4. European Law Institute, & UNIDROIT. (Eds.). (2021). *ELI — Unidroit Model European Rules of Civil Procedure: From transnational principles to European rules of civil procedure*. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780198866589.001.0001
5. Jabir, H., Lagtati, K., & Pohe-Tokpa, D. (2024). Ethical and legal regulation of using artificial intelligence in Morocco. *Journal of Digital Technologies and Law*, *2*(2), 450–472. https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.23
6. Reiling, D., & Contini, F. (2022). E-justice platforms: Challenges for judicial governance. *International Journal for Court Administration*, *13*(1), Article 6. https://doi.org/10.36745/ijca.445
7. Lukianova, I. N. (2020). Mesto iskusstvennogo intellekta v sudebnoy zashchite prav (rukovodstvuyas' podkhodami Tamary Yevgen'yevny Abovoy) [The place of artificial intelligence in judicial protection of rights]. *Treteyskiy Sud*, (1/2), 134–146.

**Сведения об авторе:**

**Лукьянова И. Н.** — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой процессуального права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Москва, Россия.
irinluk@bk.ru

**Information about the author:**

**Irina N. Lukianova** — Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of the Department of Procedural Law, Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russia.
irinluk@bk.ru

https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-6

Check for updates

CC BY 4.0

ЗАМЕТКИ

# ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ О КОРПОРАТИВНОМ СПОРЕ

**Д. Ю. Ионова**

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
125993, Россия, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9-2

## Аннотация

При рассмотрении многих категорий корпоративных споров могут быть затронуты права и законные интересы значительного числа лиц. Поэтому особое значение приобретают специальные процессуальные правила, которые гарантировали бы возможность своевременного вступления в процесс всем заинтересованным лицам. В статье 225.4 АПК РФ закреплено полномочие арбитражного суда обязать юридическое лицо уведомить прежде всего своих участников о корпоративном споре. Однако в законе не установлен порядок исполнения юридическим лицом такой обязанности. Целью настоящего исследования является рассмотрение вопроса о возможных путях применения цифровых технологий для уведомления юридическим лицом своих участников и иных лиц, указанных в законе, о возникшем корпоративном споре. Анализ действующего законодательства демонстрирует, что электронная форма уведомления применяется императивно только в публичных акционерных обществах. В статье сделан вывод о том, что использование непубличными хозяйственными товариществами и обществами электронных форм уведомления своих участников и иных лиц, упомянутых в законе, о корпоративном споре должно быть прямо предусмотрено учредительным документом юридического лица. Обосновывается, что такой подход обеспечит оперативное доведение информации о корпоративном споре до заинтересованных лиц и соответственно соблюдение установленных арбитражным судом сроков уведомления. Если в учредительный документ юридического лица не включены положения о порядке уведомления о корпоративном споре, то должен применяться порядок уведомления о проведении заседания или заочного голосования для принятия решений общим собранием участников общества.

## Ключевые слова

цифровые технологии, уведомление о корпоративном споре, арбитражный суд, юридическое лицо, участники юридического лица

| | |
|---|---|
| **Конфликт интересов** | Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов. |
| **Финансирование** | Исследование не имеет спонсорской поддержки. |

**Для цитирования** Ионова, Д. Ю. (2024). Цифровые технологии и обеспечение доступа к информации о корпоративном споре. *Цифровое право, 5*(4), 114–123. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-6

Поступила: 14.10.2024, принята в печать: 19.11.2024, опубликована: 30.12.2024

**NOTES**

# DIGITAL TECHNOLOGIES AND ACCESS TO INFORMATION ABOUT A CORPORATE DISPUTE

**Dina Yu. Ionova**

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9-2, Sadovaya-Kudrunskaya St., Moscow, Russia, 125993

## Abstract

In resolving corporate disputes of many kinds, the rights and legitimate interests of a considerable number of individuals may be impacted. Consequently, the establishment of specific procedural guidelines that would ensure the timely inclusion of all interested parties in the process is of paramount importance. According to Article 225.4 of the Russian Arbitrazh Procedure Code, the arbitrazh court has the authority to require a legal entity to notify its members of a corporate dispute. However, the law does not specify the procedure for the fulfillment of such an obligation by a corporation. In this note, the author considers approaches to employing digital technologies by a legal entity to inform its members and other individuals stipulated by the law regarding the emergence of a corporate dispute. An analysis of the current legislation reveals that the electronic form of notification is required exclusively for public joint-stock corporations. The author concludes that non-public business partnerships as well as non-public corporations must expressly provide for the use of electronic forms of notification to their participants and other persons specified in the law about a corporate dispute in the legal entity's charter. This approach ensures the prompt dissemination of information about corporate disputes among the interested parties, thereby notification periods established by the arbitrazh court's established notification periods. In cases where a legal entity's charter lacks provisions for notifying about the emergence of a corporate dispute, the procedure of notifying about a meeting on rendering corporate decision or absentee voting should be applied.

## Keywords

digital technologies, corporate dispute notification, arbitrazh court, legal entity, legal entitity members

**Conflict of interest** The author declares no conflict of interest.

**Financial disclosure** The study has no sponsorship.

**For citation** Ionova, D. Yu. (2024). Digital technologies and access to information about a corporate dispute. *Digital Law Journal, 5*(4), 114–123. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-6

Submitted: 14 Oct. 2024, accepted: 19 Nov. 2024, published: 30 Dec. 2024

## Введение

Проблемам цифровизации правосудия, а также применению искусственного интеллекта в последние годы посвящено значительное количество исследований, в которых нередко делается вывод о том, что цифровые технологии должны обеспечивать доступность правосудия по гражданским делам (Valeev & Nuriev, 2020, pp. 60–64; Yakusheva, 2021, pp. 8–12). Поиск баланса, при котором, с одной стороны, применение цифровых технологий и искусственного интеллекта будет повышать доступность и эффективность судопроизводства (в том числе облегчать и ускорять рассмотрение судом дела по существу), но, с другой стороны, ни в коем случае не снижать гарантии гражданской процессуальной формы — важная задача науки гражданского процессуального права на современном этапе.

Вопросы применения электронных инструментов участниками арбитражного процесса уже неоднократно становились объектами подробного анализа (Laptev, 2023, pp. 168–187; Mingaleev, 2023, pp. 86–128). С точки зрения не только теории, но и практики актуально исследование отдельных аспектов применения цифровых технологий, которые могли бы в большей мере обеспечить доступность правосудия при рассмотрении отдельных категорий дел. Так, например, при рассмотрении некоторых категорий корпоративных споров могут быть затронуты права и законные интересы значительного числа лиц (участников корпоративного юридического лица, лиц, входящих в состав органов такой корпорации, и пр.). Поэтому в науке отмечается важность специальных процессуальных норм, которые гарантировали бы возможность своевременного вступления в процесс всем заинтересованным лицам, однако их эффективное применение недостижимо без электронных инструментов.

## Дискуссия

Глава 28.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ), которая содержит специальные правила рассмотрения корпоративных споров, применяется на практике уже более 15 лет[1]. При этом следует отметить, что с момента ее введения в действие именно цифровым технологиям отводилось центральное место в обеспечении доступа к информации о корпоративном споре. В соответствии с ч. 1 ст. 225.4 АПК РФ арбитражный суд, рассматривающий дело по корпоративному спору, размещает в установленном порядке в информационно-коммуникационной сети Интернет информацию о принятии искового заявления к производству, а также о движении дела по спору и соответствующие судебные акты[2]. Как отмечено в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса, данная новелла, введенная в 2009 году для рассмотрения корпоративных споров, была впоследствии распространена на весь арбитражный процесс[3].

---

1 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012.

2 В том числе о вступлении в дело новых лиц, об изменении основания или предмета ранее заявленного иска, о принятии обеспечительных мер, об отказе от иска, о признании иска, о заключении мирового соглашения или о принятии судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела в арбитражном суде.

3 «Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)) (доступно для ознакомления в СПС «КонсультантПлюс»).

В главе 28.1 АПК РФ обращают на себя внимание положения, предусматривающие полномочия арбитражного суда обязать юридическое лицо уведомить о возбуждении производства по делу, предмете и об основании заявленного в арбитражный суд требования, об иных обстоятельствах корпоративного спора *участников этого юридического лица*, *лиц, входящих в его органы управления и контроля*, а также *держателя реестра владельцев ценных бумаг* и (или) *депозитария*, осуществляющих учет прав на эмиссионные ценные бумаги хозяйственного общества (ч. 3 ст. 225.4 АПК РФ). Однако в законе не установлены *порядок* и *сроки исполнения* юридическим лицом возложенной арбитражным судом обязанности по уведомлению о корпоративном споре.

Рассматриваемые положения АПК РФ получили неоднозначную оценку в науке гражданского процессуального права. В свое время данные законодательные новеллы были подвергнуты критике, среди прочего потому, что, следуя Конституции РФ, арбитражный суд обязан осуществлять правосудие по экономическим спорам. Соответственно, вынесение и реализация судебных актов, в том числе и судебных актов *об извещениях и о вызовах*, составляют содержание функции суда по осуществлению правосудия, и уже хотя бы на этом основании суд не вправе перепоручить ее выполнение другим лицам (Sherstyuk, 2012, pp. 50–55). Однако следует обратить внимание на то, что в соответствии с ч. 2 ст. 225.4 АПК РФ лица, участвующие в деле, извещаются арбитражным судом, рассматривающим дело, по правилам, установленным ст. 121 АПК РФ. Также арбитражный суд обязан известить юридическое лицо о принятии искового заявления по корпоративному спору к производству, об изменении основания или предмета иска путем направления этому юридическому лицу копий соответствующих судебных актов по адресу, содержащемуся в едином государственном реестре юридических лиц, не позднее следующего дня после дня вынесения соответствующих судебных актов. Поэтому ч. 3 ст. 225.4 АПК РФ, которая предоставляют арбитражному суду полномочие возложить обязанность уведомления перечисленных в законе лиц на корпорацию, не снимают с арбитражного суда обязанности по извещению лиц, участвующих в деле. Скорее, они направлены *на выявление иных потенциально заинтересованных в исходе дела лиц* с целью обеспечить их возможность вступления в процесс. Представляется верным мнение В. А. Лаптева, что рассматриваемый нами инструмент был включен в процессуальное законодательство (в числе прочих новелл) ввиду процедурной сложности извещения отдельных категорий лиц, в частности иностранных физических лиц или организаций. В свою очередь применение цифровых технологий может детализировать и расширить его применение (Laptev, 2023, pp. 168–187).

Таким образом, рассматриваемое решение законодателя заслуживает поддержки, поскольку только сама корпорация (особенно если речь идет о корпорации, насчитывающей значительное количество участников) обладает всей полнотой информации о своих участниках, лицах, входящих в органы управления и контроля, и иных, перечисленных в законе лицах, потенциально заинтересованных в результатах судебного разбирательства. Также следует согласиться, что обязанность довести информацию возлагается на юридическое лицо по усмотрению суда и может не применяться с учетом конкретных обстоятельств дела, например, когда все иные участники корпоративного спора имеют процессуальный статус лиц, участвующих в деле, а значит, извещаются судом в общем порядке по правилам ст. 121 АПК РФ (Razdyakonov, 2020, pp. 29–33).

В то же время в литературе высказывается мнение о том, что рассматриваемое законодательное регулирование не в полной мере позволяет пресечь сокрытие информации о корпоративном споре, а применительно к акционерным обществам утверждается, что более эффективным могло бы быть официальное опубликование арбитражным судом сведений о возбуждении

производства по делу *в печатном издании*, *определенном уставом общества для оповещения акционеров о проведении общего собрания*, а также в общефедеральном специализированном печатном издании по аналогии с размещением информации о введении процедур банкротства, т. е. в *общедоступной федеральной деловой газете* (Zhurbin, 2012, pp. 18–19). Возложение на арбитражный суд такой обязанности представляется излишним, так как, во-первых, как уже говорилось, в соответствии с ч. 1 ст. 225.4 АПК РФ суд размещает в установленном порядке информацию о движении дела по корпоративному спору в сети Интернет. Во-вторых, закон предусматривает обязанность раскрытия информации о корпоративном споре эмитентами эмиссионных ценных бумаг[4], и за несоблюдение указанной обязанности установлено административное наказание в виде штрафа[5]. К тому же даже если такой порядок будет применяться и покажет свою эффективность по отношению к акционерным обществам, то все же остаются определенные сомнения в его универсальности. В целях пресечения сокрытия юридическим лицом информации о корпоративном споре в ч. 4 ст. 225.4 АПК РФ установлено полномочие арбитражного суда наложить судебный штраф в размере 30 тыс. руб. за неисполнение обязанности по уведомлению на лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа или возглавляющее коллегиальный исполнительный орган юридического лица. Сто́ит признать, что в большинстве случаев такой размер штрафа является недостаточным для обеспечения надлежащего поведения со стороны обязанных лиц, поскольку зачастую корпоративный спор может иметь гораздо большее стоимостное выражение (Razdyakonov, 2020, pp. 29–33). Поэтому целесообразно существенно увеличить размер данного штрафа, чтобы в большей мере обеспечивать исполнение юридическим лицом, возложенной на него обязанности.

Как уже было отмечено, в законе не установлены порядок и сроки исполнения юридическим лицом данной обязанности, тем не менее отдельные разъяснения о порядке применения ч. 3 ст. 225.4 АПК РФ существуют. Так, например, затрагивает данную проблему в своих рекомендациях Научно-консультативный совет при федеральном арбитражном суде Поволжского округа[6]. В упомянутых рекомендациях отмечается, что поскольку законом не установлены порядок и сроки уведомления юридическим лицом о возбуждении производства по делу, о предмете и основании заявленного в арбитражный суд требования и об иных обстоятельствах спора лиц, перечисленных в ч. 3 ст. 225.4 АПК РФ, то порядок и сроки извещения должны определяться либо *арбитражным судом*, либо *самостоятельно юридическим лицом*. Согласно этому документу сроки извещения должны устанавливаться в пределах срока рассмотрения дела, чтобы подлежащие извещению лица имели возможность вступить в дело в предусмотренном законом порядке. Поскольку обязанность довести информацию до вышеупомянутых лиц возлагается на юридическое лицо определением арбитражного суда, оно также должно содержать и срок исполнения этой обязанности, который должен быть разумным с учетом обстоятельств дела, срока его рассмотрения и достаточным для фактического доведения информации до адресатов

[4] Глава 18 Положения Банка России «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» от 27.03.2020 № 714-П (ред. от 30.09.2022) (Зарегистрировано в Минюсте России 24.04.2020 № 58203). Вестник Банка России, № 39-40, 27.05.2020.

[5] Ч. 2 ст. 15.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.10.2024). Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.

[6] Рекомендации Научно-консультативного совета по вопросам применения норм корпоративного законодательства и норм законодательства о несостоятельности (банкротстве). Утверждены Президиумом Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 26.04.2010. (далее по тексту — «Рекомендации»). Стоит отметить, что Рекомендации до сих пор применяются на практике. См., к примеру: Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.03.2022 № 11АП-33/2022 по делу № А65-4841/2021.

(Razdyakonov, 2020, pp. 29–33). Более того, в определении обычно указывается на обязанность юридического лица представить в суд доказательства предпринятого уведомления[7].

Однако при анализе рекомендаций неизбежно возникают два вопроса: во-первых, что подразумевается под самостоятельным определением юридическим лицом порядка уведомления, а во-вторых, какими положениями закона руководствоваться арбитражному суду при определении такого порядка и, соответственно, сроков уведомления. Более того, именно от порядка уведомления будет зависеть, какие доказательства выполнения данной обязанности представит в арбитражный суд юридическое лицо.

В связи с поставленными вопросами представляется интересным обратить внимание на подготовленный Управлением частного права Высшего арбитражного суда РФ еще в 2012 году Проект постановления Пленума «О внесении дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.11.2003 № 19 “О некоторых вопросах применения Федерального закона ‘Об акционерных обществах’ (в части выкупа акций и применения главы XI.1)”», в котором содержалось разъяснение о том, что соответствующее уведомление акционерным обществом может осуществляться *в той же форме, в которой оно извещает акционеров о проведении общего собрания*[8].

В 2015 г. по трем категориям корпоративных споров, а именно: при оспаривании участниками сделок, совершенных обществом, по делам о признании недействительными решений общих собраний и делам о взыскании причиненных корпорации убытков по требованиям её участников, Гражданским кодексом нему, участник корпорации должен «принять разумные меры по заблаговременному уведомлению других участников корпорации и в соответствующих случаях корпорации о намерении обратиться с такими требованиями в суд, а также предоставить им иную информацию, имеющую отношение к делу»[9]. При этом, согласно позиции Верховного Суда РФ, порядок уведомления может быть предусмотрен законом и учредительным документом корпорации[10]. Однако на уровне учредительных документов не может быть закреплен порядок уведомления, который создавал бы существенные препятствия для обращения истца в суд, и, в частности, возлагал бы на участника чрезмерные расходы[11].

Из всех специальных федеральных законов о корпорациях порядок уведомления предусмотрен только п. 1 ст. 93.1 Федерального закона «Об акционерных обществах»[12]. Так, согласно данному положению, акционер или член совета директоров (наблюдательного совета), который

---

7 Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 16.01.2017 № 05АП-9653/2016 по делу № А24-4176/2016.

8 Доступен в СПС «КонсультантПлюс» по состоянию на 06.12.2012: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=565#r7oHvrUoTaVZ5aC9

9 П. 2 ст. 65.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301 (далее по тексту — ГК РФ).

10 Абз. 2, п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23 июня 2015 г. № 25. Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2015.

11 Абз. 3, п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23 июня 2015 г. № 25.

Несомненно, здесь напрашивается вывод о том, что именно указание в уставе юридического лица на возможность направления такого уведомления в электронной форме либо через юридическое лицо, либо непосредственно другим участникам юридического лица позволит избежать каких-либо сложностей в исполнении участником обязанности предварительно уведомить о намерении обратиться в суд.

12 Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 года № 208-ФЗ (ред. 08.08.2024). Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 1 (далее по тексту — Закон об акционерных обществах).

намеревается подать иск в суд, направляет в общество уведомление в письменной форме, которое должно поступить в организацию не менее чем за пять дней до дня обращения в суд. Однако в контексте рассматриваемого вопроса особенный интерес представляют положения о том, что само общество уведомляет своих акционеров уже после получения подтверждения о принятии судом к производству иска (п. 2 и 3 ст. 93.1 Закона об акционерных обществах). Для публичных обществ установлена исключительно электронная форма доведения информации об уведомлении о намерении обратиться в суд. Публичное общество не позднее трех дней со дня получения подтверждения о принятии судом к производству иска, если более короткий срок не предусмотрен уставом общества, обязано разместить уведомление о намерении обратиться в суд и все прилагаемые к нему документы на сайте, используемом обществом для раскрытия информации, а также раскрыть информацию о принятии судом указанного иска к производству в порядке, установленном законодательством о ценных бумагах для раскрытия сообщений о существенных фактах (п. 3 ст. 93.1 Закона об акционерных обществах)[13].

В соответствии с п. 2 ст. 93.1 Закона об акционерных обществах непубличное общество не позднее трех дней со дня получения подтверждения о принятии судом к производству иска обязано довести до сведения акционеров общества, зарегистрированных в реестре акционеров общества, полученное уведомление *о намерении обратиться в суд* и прилагаемые к нему документы в порядке, предусмотренном для сообщения о проведении заседания или заочного голосования для принятия решений общим собранием акционеров, если иной порядок не предусмотрен уставом непубличного общества.

Если вернуться к вопросу об определении порядка исполнения юридическим лицом обязанности по уведомлению, возложенной арбитражным судом, то представляется, что сто́ит по аналогии руководствоваться рассмотренными правилами (п. 2 ст. 65 ГК РФ, ст. 93.1 Закона об акционерных обществах), т. к. предусмотренная ими процедура вполне подходит и для исполнения акционерным обществом обязанности уведомить о корпоративном споре своих участников и иных лиц, указанных в ч. 3 ст. 225.4 АПК РФ[14]. Из вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что необходимо внесение соответствующего дополнения в Закон об акционерных обществах.

При этом для иных непубличных обществ и хозяйственных товариществ логика правил должна быть такой же, как это предусмотрено законом для непубличных акционерных обществ: если иной порядок не закреплен учредительным документом юридического лица[15], то должен применяться порядок уведомления о проведении заседания или заочного голосования для принятия решений общим собранием участников общества. При этом в целях обеспечения

[13] При этом следует обратить внимание, что на основании на п. 1 ст. 92.2 Закона об акционерных обществах Правительством РФ установлены случаи, в которых общество вправе не раскрывать и (или) предоставлять информацию, в том числе и о корпоративном споре (см.: п. 14 Приложения к постановлению Правительства РФ «Об особенностях раскрытия и (или) предоставления информации, подлежащей раскрытию и (или) предоставлению в соответствии с требованиями Федерального закона "Об акционерных обществах" и Федерального закона "О рынке ценных бумаг"» от 04.07.2023 № 1102. Собрание законодательства РФ, 10.07.2023, № 28, ст. 5221).

[14] Так, в силу п. 41.1 Положения Банка России «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» сведения о возбуждении производства по делу в суде по корпоративному или существенному спору, а также о принятии судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу по корпоративному или существенному спору раскрываются в форме сообщения о существенном факте (см.: Положение Банка России «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» от 27.03.2020 № 714-П (ред. от 30.09.2022). Вестник Банка России, № 39-40, 27.05.2020).

[15] Пункт 1 ст. 52 ГК РФ.

единообразного подхода, по нашему мнению, целесообразно включение этого правила в общие положения о хозяйственных товариществах и обществах (§ 2 гл. 4 ГК РФ).

В соответствии с положениями п. 2 ст. 52 Закона об акционерных обществах сообщение о проведении заседания или заочного голосования доводится до сведения лиц, имеющих право голоса при принятии решений общим собранием акционеров и зарегистрированных в реестре акционеров общества, путем направления регистрируемых почтовых отправлений или вручения под роспись, если иные способы направления (опубликования) такого сообщения не предусмотрены уставом общества. При этом устав общества может предусматривать один или несколько из следующих способов доведения сообщения о проведении заседания или заочного голосования до сведения лиц, имеющих право голоса при принятии решений общим собранием акционеров и зарегистрированных в реестре акционеров общества:

1) направление электронного сообщения о проведении заседания или заочного голосования по адресу электронной почты соответствующего лица, указанному в реестре акционеров общества;
2) направление текстового сообщения о проведении заседания или заочного голосования, содержащего порядок ознакомления с таким сообщением, на номер контактного телефона или по адресу электронной почты, которые отражены в реестре акционеров общества;
3) опубликование в определенном уставом общества печатном издании и размещение на определенном уставом общества сайте общества либо размещение *только* на его сайте.

В Федеральном законе «Об обществах с ограниченной ответственностью» прослеживается та же логика[16]. Уведомление участников по общему правилу осуществляется регистрируемым почтовым отправлением по адресу, указанному в списке участников общества, иной способ должен быть предусмотрен уставом корпорации (п. 1 ст. 36 Закона об ООО). Однако в отличие от положений Закона об акционерных обществах, способы, которые могут быть конкретизированы в уставе общества, законодателем в Законе об ООО прямо не указаны.

Анализ приведенных норм специальных федеральных законов свидетельствует о том, что для установления порядка уведомления обществом своих участников в электронной форме необходимо внесение соответствующих положений в устав общества, т. е. выбор порядка уведомления зависит от воли участников юридического лица. Возможно также предусмотреть, что электронная форма извещения — по электронной почте, на номер контактного телефона или посредством размещения информации на сайте общества в сети Интернет — будет использоваться как дополнительный способ доведения информации о корпоративном споре до заинтересованных лиц наряду с традиционным (регистрируемым почтовым отправлением). При этом с учетом развития электронных способов коммуникации[17] в науке уже неоднократно высказывались рекомендации закреплять в уставе общества иные способы уведомления, в том числе направление уведомления о созыве собрания по электронной почте или через размещение информации на сайте общества в сети Интернет (Kharitonova & Shitkina, 2021, pp. 78–82).

Следует отметить, что наиболее целесообразным является включение в учредительный документ юридического лица *специального* порядка доведения организацией информации

[16] Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Собрание законодательства РФ, 16.02.1998, № 7, ст. 785 (далее по тексту — Закон об ООО).

[17] Следует отметить, что пандемия дала мощный толчок к развитию цифровых технологий в корпоративном праве. При этом исследователями отмечается особая актуальность цифровизации корпоративного законодательства, направленной на создание условий для эффективного взаимодействия субъектов корпоративных отношений в цифровой среде (Gabov, 2021, pp. 24–64; Gutnikov, 2020, pp. 59–73).

о корпоративном споре — будь то по электронной почте, указанной участником или иным лицом, указанным в ч. 3 ст. 225.4 АПК РФ, на номер контактного телефона или посредством размещения информации на сайте общества в сети Интернет, который в таком случае будет применяться вне привязки к принятой обществом формы уведомления для ординарных корпоративных процедур (к примеру, о предстоящем заседании или заочном голосовании для принятия решения общим собранием общества). Среди преимуществ электронных способов уведомления следует отметить, прежде всего, оперативность, которую невозможно обеспечить при том же уведомлении регистрируемым почтовым отправлением иностранных участников. Также электронная форма уведомления может значительно сократить расходы юридического лица (а впоследствии и судебные издержки по корпоративному спору)[18], которые при значительном количестве участников юридического лица могут составлять значительную сумму.

## Заключение

На современном этапе можно констатировать, что только цифровые технологии позволяют в полной мере оперативно обеспечить информирование о корпоративном споре и, соответственно, гарантировать эффективное привлечение в процесс всех заинтересованных лиц, а также существенно снизить расходы данной процедуры.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что электронная форма уведомления применяется императивно только в публичных акционерных обществах. При этом использование непубличными хозяйственными товариществами и обществами электронных форм уведомления о корпоративном споре своих участников и иных лиц, упомянутых в ч. 3 ст. 225.4 АПК РФ, должно быть прямо предусмотрено уставом юридического лица. Таким образом, выбор конкретного порядка уведомления — по электронной почте, указанной участником, на номер контактного телефона, посредством размещения информации на сайте общества в сети Интернет или иным образом — зависит от воли участников организации. Если порядок доведения информации о корпоративном споре учредительным документом не закреплен, то должен применяться порядок уведомления о проведении заседания или заочного голосования для принятия решений общим собранием участников общества (при этом иные способы уведомления могут быть также установлены учредительным документом).

Предложенный в настоящей работе подход к определению порядка уведомления о корпоративном споре позволит избежать практических сложностей установления арбитражным судом сроков уведомления, а также трудностей с предоставлением в арбитражный суд доказательств выполнения возложенной на корпорацию информационной обязанности.

## Список литературы / References

1. Gabov, A. V. (2021). Elektronnoe vzaimodeystvie i tsifrovye tekhnologii v korporativnom upravlenii aktsionernym obshchestvom v Rossii [Electronic interaction and digital technologies in corporate governance of a joint-stock company in Russia]. *Law Journal of the Higher School of Economics*, (2), 24–64. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.2.24.64

[18] В соответствии со ст. 106 АПК РФ расходы юридического лица на уведомление о корпоративном споре включаются в состав судебных издержек.

2. Gutnikov, O. V. (2020). Tendentsii razvitiya korporativnogo prava v sovremennykh usloviyakh [Corporate law development trends at the present time]. *Zhurnal Rossijskogo Prava*, (8), 59–73. https://doi.org/10.12737/jrl.2020.094
3. Kharitonova, Y., & Shitkina, I. (2021). Stat'ya 36. Poryadok sozyva obshchego sobraniya uchastnikov obshchestva [Article 36. The procedure for convening the general meeting of the company's members]. In I. S. Shitkina (Ed.), *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Federal'nomu zakonu "Ob obshchestvakh s ogranichennoy otvetstvennost'yu"* [Scientific and practical commentary on the Federal Law "On Limited Liability Companies"] (Vol 2, pp. 78–82). Statut.
4. Laptev, V. A. (2023). Puti razvitiya tsifrovogo pravosudiya v Rossii v sfere arbitrazhnogo sudoproizvodstva [Ways of developing digital justice in Russia in the field of arbitrazh proceedings]. *Vestnik Ekonomicheskogo Pravosudiya Rossiyskoy Federatsii,* (5), 168–187. https://doi.org/10.37239/2500-2643-2022-18-5-168-187
5. Mingaleev, P. R. (2023). Application of electronic tools by participants in commercial proceedings. *Digital Law Journal,* 4(1), 86–128. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2023-4-1-86-128
6. Razdyakonov, E. (2020). Pravo na poluchenie informatsii o sudebnom korporativnom spore [The right to receive information about a judicial corporate dispute]. *Arbitrazhnyj i Grazhdanskiy Protsess,* (6), 29–33.
7. Sherstyuk, V. M. (2012). Deystvuyushchiy APK RF — etap v razvitii arbitrazhnogo processual'nogo zakonodatel'stva [Current Commercial Procedural Code of the Russian Federation — a stage in legal development of commercial procedure]. *Zakonodatel'stvo*, (6), 46–59.
8. Valeev, D. Kh., & Nuriev, A. G. (2020). Protsessual'nyye posledstviya dinamiki uluchsheniya urovnya sudebnoy zashchity v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki [Procedural consequences of the dynamics of the improvement of the judicial protection level in conditions of digital economy]. *Rossiyskiy Sud'ya*, (7), 60–64. https://doi.org/10.18572/1812-3791-2020-7-60-64
9. Yakusheva, E. E. (2021). Tsifrovye tekhnologii i obespechenie dostupnosti pravosudiya [Digital technologies and accessibility of justice]. *Arbitrazhnyj i Grazhdanskiy Protsess*, (7), 8–12. https://doi.org/10.18572/1812-383X-2021-7-8-12
10. Zhurbin, B. (2012). Voprosy podgotovki i rassmotreniya sudami po sushchestvu del po proizvodnym iskam [Issues of preparation and consideration by the courts on the merits of cases on derivative claims]. *Arbitrazhnyi i Grazhdanskiy Protsess*, (1), 18–22.

**Сведения об авторе:**

**Ионова Д. Ю.** — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М. С. Шакарян, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия.
dyuionova@msal.ru

**Information about the author:**

**Dina Yu. Ionova** — Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Civil and Administrative Procedure named after M. S. Shakaryan, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia.
dyuionova@msal.ru